

Александр Гаррос

Воля

Кинороман

Предисловие и публикация Анны Старобинец

Саша Гаррос переехал из Риги в Москву — ко мне и нашей маленькой дочке — в конце 2005 года. До этого он работал в соавторстве со своим другом Лёхой Евдокимовым (за дебютный роман «Головоломка» они получили премию «Нацбест», на вручении которой мы с Сашей, собственно, и познакомились). После переезда Саша написал, наверное, сотни статей, репортажей и эссе для разных журналов. Мы с ним вместе написали несколько киносценариев. Он сочинил два рассказа и пять-шесть потрясающих стихотворений. Но он так и не написал ни одной полноценной книги. Он не написал свой роман. Хотя идея романа была — и не одна.

Он писал блестяще. Он мыслил математически четко. Он легко мог придумать историю гармоничную, логичную и соразмерную, как кристалл. Он легко мог записать эту историю своей фирменной языковой вязью, сказочно-красивой и кружевной, как ледяной узор на зимнем окне. Но он этого так и не сделал за 12 прожитых в Москве лет. Что-то очень ему мешало писать роман.

Может быть, я мешала. Ну как я — я и дочь, я и кот, я и пудель, я и сын, я и книги, которые я-то как раз писала, я и грязная посуда, я и быт, который он взвалил на себя.

Может быть, мешала основная работа. Нужно было все время что-то писать — статьи, колонки, сценарии, — а Саша не был (в отличие от меня) настолько многозадачен, чтобы утром работать над одной историей за деньги, а вечером — над другой для души, в перерывах выгуливая собаку и запекая индейку.

Может быть, мешала многолетняя привычка писать с соавтором. Одиночный литературный поход пугал, как одиночное восхождение на высоту восемь тысяч метров. Кто на тропе вытянет обратно наверх, если случайно сорвешься в пошлость и лажу? С кем присядешь, перекуришь и выпьешь, обсудишь пройденный сегодня и запланированный на завтра маршрут?

Может быть, мешало неумение писать без дедлайна. Так бывает у журналистов и сценаристов — пишешь только, когда припрет, не спишь сутки, сдаешь текст в последний момент.

Саша сдать свой текст не успел.

Он начал писать роман «Воля» — задуманный давно, еще в 2012, — только осенью 2015-го, когда у него появился диагноз, а вместе с ним и дедлайн. В буквальном смысле. Когда линия смерти замаячила впереди.

Как-то сразу нашлось на это свободное время. Появились — между облучениями и химиями — его любимые схемки разноцветными ручками на больших листах формата А3: переплетающиеся сюжетные линии, системы персонажей, кружочки, черточки, куриные почеркушки.

«Волю» он изначально задумал как киноповесть. Как неслучившийся сценарий, по которому — Сашины слова — «не может и не будет снят фильм в современной России».

Саша очень угадал с формой. Сценарная запись — без внутренних монологов и эмоций, без рассуждений, все только через позы, реплики, действия — оказалась идеальным выбором для того, чтобы говорить про «здесь» и «сейчас», чтобы сделать срез жизни, потрогать живую, настоящую ее ткань, поймать за хвост тот самый цайтгайт, который, как жалуются коллеги-писатели, сегодня неуловим.

В центре сюжета — харизматичный учитель истории, которого с волчьим билетом выгнали из хорошей московской школы (темная история с соблазнением старшеклассницы, которая то ли была, то ли нет, но как бы то ни было школьница в итоге погибла; заметим, это все было придумано задолго до скандала в 57-й школе). И который в результате уехал в провинциальный русский городок, устроился учителем в местной школе, организовал там что-то вроде факультативного исторического кружка реконструкторов (да не то чтобы даже организовал — дети сами к нему пришли, харизматик же, сильный и интересный учитель). Дальше дети стали играть в революцию и в эсеров — и заигрались. Доигрались до серьезного дела, до обвинения в подготовке теракта, спасибо провокатору из ФСБ.

Ничего не напоминает? Дела «Нового величия» еще не было, когда он это придумывал. Саша умер за полтора года до этого дела.

Просто логика. Математическая выверенность идеи. Кристаллическая гармония исторических, литературных и жизненных параллелей. Ну еще, конечно, журналистский подход и хорошая интуиция. Расшифровывая Сашины корявые записи на листах формата А3, я нашла табличку «синхронизация». Саша там запараллеливал события в тексте и те, что происходили в то же время в реальности. «Октябрь — гибель Моторолы, декабрь — гибель ТУ-154 с ансамблем и доктором Лизой, январь — Трамп, начало февраля — Ждун».

Синхронизация Сашиной задумки с реальностью — взять хотя бы дело «Нового Величия» — продолжилась уже без него: гармонично устроенная история рассказывает себя сама, снежный узор выкристаллизовывается на окне, даже если хозяин покинул дом. Он писал свой первый «сольный» роман «Воля» до конца февраля 2017-го. Он успел примерно треть — и дал мне прочесть написанное. В начале марта появились отеки, и он сказал: — Я превратился в Ждуна. Не только внешне. Я сижу и жду смерти.

Писать он больше не мог.

Я много раз просила его рассказать мне, чем заканчивается роман. Я, как могла, пыталась облечь эти вопросы в корректную форму (ты перестал писать, а мне интересно, что дальше), но оба мы понимали: я спрашиваю, потому что хочу закончить то, что он начал. Уже потом. Без него.

Он не хотел. Его сольный недописанный текст запараллелился, синхронизировался для него с его недопрожитой жизнью:

— Если мне станет лучше, я допишу его сам. Если я умру — пусть мой текст умрет тоже. Пусть никто никогда его не прочтет.

Я с ним спорила. Да, я знала, что он терминальный больной, что любимый, сильный, умный человек гибнет. Но принять еще и смерть его текста — тоже сильного, любимого, умного, — я не могла. Я говорила, что раз история уже придумана — она должна быть написана. Я говорила, что он не может так поступить с персонажами — просто бросить их на дороге. Я говорила, что он не может поступить так со мной. Он отвечал: как хочу, так и поступаю.

В середине марта он позвал меня и сказал, что решил рассказать, чем все кончится. Я открыла лэптоп и все записала, и мне даже удалось не заплакать. Он рассказывал под гул кислородного концентратора, тихим голосом, но с мальчишеским каким-то задором. Он использовал слово «будет», которое меня потрясло: Ань, вот этот персонаж будет делать то-то и то-то, а вот эта линия будет такой-то, а вот тут я еще не решил, как будет, так или так.

Я спросила, разрешает ли он мне — потом — дописать роман за него. Он усмехнулся:

— Ты не можешь написать за меня мою книгу. Этого не может никто.

Я действительно не смогла бы. Я не умела и никогда не сумею писать, как он. Я пишу (по-хорошему) просто. Он писал (по-хорошему) сложно, нанизывая снежинки метафор на тонкую логическую иглу:

«Широкий нож вспарывает белесое рыбе брюхо. Рука в резиновой перчатке лезет в багровую щель, выдирает спутанный моток требухи, весь в потеках, швыряет в картонную коробку. Нож взлетает, опускается, и еще раз, — отчекрыженная рыба башка с

пластмассовыми кнопками глаз тоже летит в ящик. Бегемотистая тетка в замызганном целлофановом переднике поверх халата пасует выпотрошенную рыбку к товаркам, берет новую из ящика, брякает на разделочный стол — весь в разводах крови и слизи.

Напортив, через проход, обвислый, сильно пьющий мясник рубит стойкую от мороженную баранину.

Желтоватые бройлеры в гинекологических позах. Яйца в бильярдной треугольной кладке. Бакалея, курево, санкционка. А в овощных, во фруктовых рядах — гранаты оттенков запекшейся крови, пирамиды свекольных ядер, баклажанных снарядов, кабачковых мин, тыквенных торпед. Соленые огурцы в ведре — как патроны «эрликона», специи в лотках — как порох и селитра рассыпью. Глеет в банках и баночках греческий огонь меда и масла, напалм аджики, ткемали, сацебели. Щербата плитка пола, катят тележки подсобные рабочие, орут, подманивая и клеясь, торгоши (тут много обоего пола южан и азиатов), шаркает сотнями конечностей классово и визуально разнородная — от провинциальных хипстеров до обветшалых пенсионеров, от телок модельного класса до крупных жлобов мелких криминальных пород, — толпа...»

...Нет, я не могу так писать. Я попросила его объяснить, как он это делает. Засмеялся:

— Тебе не надо. Ты и так круто пишешь.

— Нет, ну все же.

— Я просто так вижу. Я просто так мыслю.

— Саи, а если твою книгу допишет Лёха? По твоему сюжету? Он ведь тоже похоже видит и мыслит? Вы же вместе писали.

— Нет. Во-первых, это моя сольная книга. Во-вторых... нафиг это Лёхе сдалось? У него своих дел хватает.

Через несколько дней он сказал, что я, возможно, права. Что нельзя бросать историю на дороге.

— Я хотел бы, чтобы то, что я успел написать, когда-нибудь вышло. Только то, что я написал. И ничего больше.

— Сань, но где может выйти недописанный текст?

— Ну, не знаю. В журнале. В толстом журнале.

Я сказала, что в это не верю. Толстым журналам не нужна недописанная сценарная запись с большим количеством мата. Саиша кивнул.

За три дня до смерти — когда я уже от него отстала с романом — он сказал, что изменил свою волю.

— Я даю тебе разрешение делать с моим романом все, что ты хочешь. Если ты считаешь нужным его завершить — завершай. Если ты его сможешь издать — издавай. Я больше не против. Я не смогу его дописать.

Я сказала «спасибо» и поняла, что он умирает. Всех кошмаров, происходивших с его телом, мне было, видимо, недостаточно, чтобы понять. Но его разрешение означало проигранный бой — за текст и за жизнь.

За час до смерти я сказала, что обещаю: все, что он написал, прочтут. Он помотал головой отрицательно: не то говоришь.

— Не то говорю? А что сказать? Я люблю тебя.

Он кивнул: теперь правильно.

Саиша был человек упорядоченный, основательный. В компьютере нашлись подробные описания всех линий, синопсисы большинства оставшихся глав, наброски будущих диалогов. В рюкзаке нашлись свернутые вчетверо листы формата А3 с арками персонажей. Я расшифровала все записи, собрала всю разрозненную информацию в единый эпизодный план и отправила Лёхе Евдокимову. Он согласился дописать роман, не раздумывая (сейчас он уже на финишной прямой). И согласился поставить на обложке только Саишино имя. Я ему очень благодарна за это.

Я также благодарна издателю Елене Шубиной и ее редактору Алексею Портнову за готовность издать роман, когда он будет закончен.

Я благодарна Александру Снегиреву и журналу «Дружба народов» за эту публикацию. Здесь печатается все, что Саиша успел написать. Ровно так, как он сам хотел: «в каком-нибудь толстом журнале».

Я люблю эту книгу. И она будет.

*Александру Житинскому, Владиславу Крапивину,
братьям Стругацким — и другим учителям;
Никите Соколову, Дмитрию Быкову,
Алексею Иванову — и другим старшеклассникам.*

ПОДМОСКОВЬЕ, ПОЛИГОН РОЛЕВИКОВ. ИЮЛЬ, РАННЕЕ УТРО

Ливень. Струи частые, тугие — нити в ткацком станке. В линиялой предутренней мгле — хаотичная очередь грозовых сполохов. Словно толпа папарацци работает.

ТИТР: Подмосковье, июль

Дробный, неприятный глазу свет проявляет лысый гребень холма, и на нем — четкие силуэты трех крестов для распятия: Голгофа. Рядом возникает — быстро выбирается с другого, невидимого склона холма, — мужчина. Голый по пояс, волосы до плеч, под сорок, но в хорошей форме; жилистый, выразительное лицо, щетина. Иисус, хипстерская версия.

Это Ян.

Ян на миг замирает, глядя с холма и тяжело дыша. Докатывается (и ложится на новые сполохи) сдавленный гром. Ян бросается вниз. К чему — мы видим уже его глазами.

Внизу — песчано-глинистый берег неширокой лесной реки. Толпа — несколько десятков человек. Все — молодые парни и девушки, одеты пестро и причудливо. Кто-то полуголы, как Ян, на иных — какие-то туники, кожаные штаны наездников, кто-то в брезентовой плащ-палатке, гортексовой туристической куртке (из-под нее торчат голые ноги), полиэтиленовом одноразовом плащике. Ян врывается в толпу, пробивается, торопливо расталкивая молодежь — «пропустите», «извините».

Сквозь белый шум дождя — реплики толпящихся.

— Медики есть?!

— ...Ну девка, я чё, знаю? Эльф, цвельф...

— Вызвали скорую?..

— Во где мертвятник надо было ставить... А чё я такое сказал?!

— ...Скорую вызвал кто-то?!

— Освободите проход!

— ...Мастера ваше в курсе?

— Знаешь что, Паша, ты вот реально урод.

— Она утонула, чё.

— ...бухая, ёкалэмэнэ, зуб даю. Набубенилась — и купаться.

— Медики есть?

— ...Гормоны, ёкалэмэнэ. Гормоны и алкоголь.

— Ты медик?

— ...всех трясти будут. Лексар, блин, чё ты как зомбак!.. Траву зашкеры! Менты приедут шас, всех трясти будут...

— Медик он, медик.

...Ян отталкивает пацанчика со смартфоном в поднятой руке, снимающего что-то невидимое для Яна на земле. Делает еще шаг по инерции, останавливается. На брошенной прямо в грязь пенке лежит без движения девушка. Это Инга. Она в одних узеньких плавках, видна подростковая грудь, а лица не видно: его закрывает затылок широкоплечего парня, приникшего к Инге в отчаянном поцелуе. Парень пытается делать Инге искусственное дыхание. На нем стеганая куртка-подкольчужник из обмундирования римских легионеров. Над ним и Ингой — еще несколько парней примерно в такой же одежде. Все они подтянуты, лаконично, на один модно-милитарный манер, стрижены, и сразу видно, что они — вместе; стая.

— Инга!.. — Ян, хрипло, отчаянно.

Парень — Максим — отрывается от губ Инги (видно ее лицо — красивое, очень юное и совсем неживое). Смотрит снизу на Яна, машинально вытирая губы тыльной стороной широкой крепкой ладони; они глядят друг на друга, и между ними сразу — опасное напряжение неприязни.

— Что, педагог, доволен? — губа Максима дергается в усмешке, похожей на тик: злой, нервный и тоже, пожалуй, отчаянный. — Дохлый номер!

Еще миг — и Ян, зарывав, прыгает вперед. Ловко и сильно пробивает приподнявшемуся на колене Максиму не то апперкот, не то правый боковой в челюсть. Максима подбрасывает и разворачивает — разбив, как шар в кегельбане, строй товарищей, он рушится мускулистой спиной в глинистую жижу и чуть проезжает вниз, к кромке воды. Ян бросается снова — но пришедшие в себя клеветы в подкольчужниках отбрасывают его назад, крепкие руки хватают Яна за плечи и локти, не дают рвануться к противнику.

— Э, тихо ты, учитель! Тих-тих-тих!..

— Да вызовите кто-нить ментов!

— Видишь?.. гормоны... и алкоголь...

Максим, отведя руку одного из клеветов и чуть потряхивая башкой, сам поднимается с земли. Подбородок рассечен, течет кровь, но лицо собранное, упрямое. Хорошее лицо — честного, открытого, сильного парня из фантастической книжки советских 60-х.

Пацанчик в пластиковом плащике, снимавший своим телефоном Ингу-утопленницу, продолжает снимать и сейчас; один из клеветов-легионеров вдруг шагает к нему и ловко отбирает телефон — одновременно коротко подсекая боковым ударом ноги; пацанчик падает в грязь; клевет давит возмущенное колыхание соседей в зародыше, властно приподняв раскрытую ладонь; сует телефон за широкий холщовый пояс...

Максим улыбается хищновато и болезненно. Из уголка губ тоже течет кровь. За действиями кореша он не следит. Только за Яном. Чуть невнятно — рот же разбит:

— Ответку ждешь? Будет ответка, педагог. Я т-те отвечаю.

Сплевывает кровавой слюной.

Ян как раз не отвечает — молча, сжав зубы, дергается вперед; его держат. Скрещенные взгляды мужчин искрят. На лицо Инги — мертвое, мертвое лицо, — рушится с небес вода, смывая грязь, которой ее обрызгали в суматохе. Сполохи, бубнеж грома. И — синяя мигалка с завыванием вспыхивает сбоку от холма с крестами: то ли скорая, то ли полиция...

Толпа вздрагивает, отвлекается — и те, кто держит Яна, тоже. Ян вырывается из их хватки, прыгает вперед... Но Максим не отвлекся. Улыбка его лишь самую малость сминается, когда он с грациозной четкостью профессионала пробивает Яну маваши гери в голову.

Затемнение.

МОСКВА, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА ГИМНАЗИИ. АВГУСТ, ДЕНЬ

В темноте — не то короткая автоматная очередь, не то оборванное барабанное соло. И снова. Рингтон сотового телефона.

Телефон звонит и в третий раз — в руках Яна. Ян — по одну (ту, что для посетителей) сторону большого стола в просторном кабинете, по другую — двое: громадный, тучный, астматически дышащий мужчина лет семидесяти в твидовом пиджаке, — и элегантная дама за шестьдесят, с той породистой строгостью в чертах, что отличает завучей элитных школ. Она и есть завуч. Мужчина — директор знаменитой московской гимназии, Михаил Борисович, — не глядит на Яна; вертит в руках сигарету. Дама-завуч, Галина Эдгаровна, напротив, изучает Яна недобро. Ян сбрасывает звонок. Он спокоен. Волосы теперь собраны в короткий хвост. Щетина сбрита. На левом виске

и части щеки — обработанная чем-то желтым ссадина и подвыцветшая обширная гематома.

Ян убирает телефон в карман.

— Могли бы и отключить звонок, — завуч, холодно.

— Не мог бы. Мне следователь будет звонить.

Галина Эдгаровна разглядывает Яна как юннат экзотического слизняка — с брезгливым интересом.

— Вы же педагог, Ян Иванович. Историк. Ученый... Как вы докатились? Напасть... с кулаками... на офицера ФСБ...

Директор вдруг встает и, не глядя ни на кого, идет к окну. Мимо полок с призами и кубками, мимо стены с грамотами, дипломами, фотографиями — на большинстве он, директор, в разном возрасте и в разной компании — молодой с молодыми фантастами Стругацкими, зрелый с академиком Сахаровым, пожилой с премьером Медведевым...

— Я педагог, а не пацифист. А он подонок, а не офицер, — Ян скрещивает руки на груди. — Инга утонула из-за него. Это он ей вещества давал.

Директор громко открывает окно (на подоконнике массивная пепельница), клацает зажигалкой «Зиппо».

— Вещества? — завуч не понимает.

— Наркотики.

МОСКВА, ЦЕНТР. АВГУСТ, ДЕНЬ

Максим, в модной безрукавке-худи (капюшон символически чуть накинут на затылок) и шортах, идет по украшенному вазонами и газонами широкому плиточному тротуару одной из центральных московских улиц. Идет чуть вразвалку, уверенно и беспечно — бодро так, по-михайловски шагает по солнечной, пышной Москве. На подбородке — подживающий шрамик от удара Яна. Максим нагло и обаятельно улыбается встречным красоткам. Некоторые отвечают.

Поравнявшись с шагающим Максимом, резко замедляется автомобиль — черный неброский «мерс» с госномером и «всепогодным» пропуском под лобовухой. Боковые стекла затенены. «Мерс» ползет со скоростью пешехода параллельно Максиму. Вынужденные так же резко замедлиться водители позади «мерседеса» возмущенно сигнализируют. Максим не обращает на происходящее ни малейшего внимания — в отличие от других прохожих: те поглядывают и на «мерс», и (сложив два и два) на следующего своим курсом Максима.

«Мерседес» плетется вровень с ним десяток секунд. Потом — седок авто явно понял, что внимания Максима так не привлечь, — чуть обгоняет, подруливает вплотную к бровке и встает аккуратно под знаком «Остановка запрещена». Максим делает еще пару шагов и останавливается, глядя на «мерс» без выражения. Какая-то по-хипстерски одетая женщина, тоже остановившись, принимается снимать «мерс» и запрещающий знак на телефон.

Щелкает и приглашающе чуть приоткрывается задняя дверца.

Максим слегка морщится.

Сбрасывает с затылка капюшон худи, садится в машину.

«Мерседес» под какофонию возмущенных гудков трогается с места.

Заднее сиденье «мерседеса» отделено от передних толстой прозрачной перегородкой. Сбоку от Максима — мужчина лет пятидесяти плюс с волевым загорелым лицом и седоватыми коротко и хорошо подстриженными волосами, костюм, галстук — все недешево и со вкусом.

Мужчина может быть бизнесменом, чиновником, юристом. Мужчина — генерал ФСБ. И тоже Максим.

Он разглядывает сбоку профиль Максима. Тот без выражения смотрит вперед-

вбок, наружу. Снаружи, медленно ускоряясь, прокручивается пафосный столичный центр.

— Что с тобой не так, Макс?

Голос генерала дружелюбен, вопрос звучит мягко, почти сочувственно. Максим чуть поворачивает голову, смотрит на визави, молчит.

— Ты импотент?

Максим чуть ведет бровью.

— Может, комплексы у тебя? Много били в детстве? Училка изнасиловала? Или ты, не знаю, латентный гей?

Максим молчит. Собеседник смотрит на него с той же сочувственной полуулыбкой.

— Ты прямо скажи, Макс. Не стесняйся. Мне ж надо понять, почему из всех, сука, вариантов ты для своих экспериментов выбрал психованную... малолетнюю... шлюху!

— Она не шлюха, — голос Максима сипловат и резок.

Генерал хватается Максима пальцами за подбородок, не щадя незажившего шрама, разворачивает к себе (Максим смотрит мимо его глаз — не виновато, а вызывающе).

— Ты понимаешь, дурак, сколько мне волков в загривок дышат? Ждут, когда Акела промахнется?

— А ты не промахивайся, — чуть невнятно (пальцы генерала сжимают его нижнюю челюсть) и холодно рекомендует Максим.

Генерал секунду изучает его физиономию в своей щепоти, потом смеется, отталкивает.

— Этот ее учитель... Неверов Ян Иванович... подал заявление на тебя.

— Я эту заяву ему в глотку...

Генерал, продолжая улыбаться, быстро и жестко бьет Максима тыльной стороной ладони по губам.

— Ты дышать в его сторону забудь. По иску ему будет отказ в возбуждении. А ты... герой-геморрой... — генерал разглядывает собственные пальцы. — ...Кончил щедро, с отличием? Отметил? Круто. А теперь, товарищ офицер, давай за сто первый километр. За тыща, сука, первый. В гуще русской жизни Родине послужить. С кадрами сам вопрос реши, скажи, батя только велел, чтоб до Москвы и Питера — тыща кэмэ, не меньше. Вопросы?

Оборачивает улыбающееся лицо к Максиму. Максим молчит. Секунда, другая. Генерал стучит костяшками пальцев в перегородку — водителю. «Мерс» плавно тормозит. Угол рта генерала чуть дергается.

— Что это вдруг за херня вообще?.. Ролевые игры?..

— Ты не поймешь, пап, — голос Максима предельно безразличен.

Щелкает дверь. Генерал роняет, не глядя на сына:

— Вон.

МОСКВА, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. АВГУСТ, ДЕНЬ

— И вы, учитель, потащили ее на эту свою... «игру»...

— Она поехала сама.

— Она несовершеннолетняя!

— Не крепостная же.

Завуч, нависнув над столом, уперев ладони в столешницу, буравит Яна лазерным взглядом, — Ян, напротив, откинувшись на стуле (руки скрещены, нога на ноге), глядит спокойно.

— Ну представьте же вы, — Ян вдруг меняет позу, расцепляет «замок» рук — призыв к искренности на языке тела; меняется и тон: — Тридцатые годы, месяц Нисан, провинция в песках. Скоро Пасха, тревожно, патрули на улицах, зачистки... Пацаны на стенах граффити малюют — римские оккупанты, гоу хоум, свободу Иудее! Старики брюзжат — типа, при Ироде Великом за такое сразу камнями побивали, зато порядок

был. Террористы-сикарии что ни день с ножами на уважаемых граждан кидаются... Римский префект от нервов бухает по ночам... Фарисеи, богатеи, местные элиты, зелоты, провокаторы, все грызутся, интрига на интриге... всё переплетено, всё на волоске буквально... Проповедников всяких, сектантов — как грязи. Но тут новый какой-то мутит, молодой, сам вроде из быдла, сын плотника, но харизма так и прет, народ ведется толпами... какие-то блудницы, говорят, прям с промыслом своим завязали и теперь ноги ему целуют... И называет себя, главное, Царем Иудейским... а обстановочка и так токсичная — только спичку поднеси... Понимаете? — Ян подается вперед. — Не как в Евангелии, не как в учебнике. А — на себя примерить, в полный рост, до первой крови... — осекается, горько кривит губы. — Инга... была... умной девочкой. С воображением. Ей было интересно. Ее не надо было тащить.

Пауза. Директор курит у окна.

— Вы родителям ее вот так же все красиво повторите? В глаза? — на скулах у Завуча алые пятна, голос ядовит. Ян — вновь откидывается, глухо:

— Идите к черту.

Завуч постукивает ручкой по пластиковой папке, лежащей на столешнице.

— Вы с ней спали. Да?

Ян — ледяным тоном:

— Не ваше. Собачье. Дело.

Грохот — Ян и Завуч вздрагивают, смотрят на Директора: это он, отшвырнув окуроч, с силой захлопнул окно, движется к Яну с пепельницей в руке, мощно, как танк:

— Сопляк! Не наше дело?! Да ты понимаешь... на что я... каждый день... с какими шакалами... чтоб сохранить вот это все?! — трясет могучей рукой. — Да я как шлюха у шеста верчусь, чтоб эта школа!.. лучшая школа в этом городе, в этой, блин, стране! — работала!.. чтоб вы все — работали!.. чтобы растить!.. вопреки всей этой дряни!.. приличных людей!.. И тут ты, шенок! Не можешь хер свой в штанах удержать!.. даешь мракобесам повод!.. а потом говоришь мне — не ваше дело!.. да я тебя, сопляк, своими руками!..

Директор, огромный, мощный старик, багровый, апоплексически задышающийся, нависает над Яном, даже как бы замахивается пепельницей. Застывает глыбищей...

— Михаил Борисович. Остыньте.

Ян смотрит спокойно и холодно. Директор вдруг выпускает воздух; совсем иначе — тоже холодно, четко, по-деловому:

— У вас были близкие отношения?

— Да, — с вызовом. — Дружеские.

— Я слышал другое.

— Вам послышалось.

— Так всем и говорите, — Директор, развернувшись и не глядя более на Яна, обходит стол — назад, к своему месту, садится, гремит пепельницей об стол. — Подпишите с Галиной Эдгаровной бумажки... по собственному... не беспокойтесь, финансово компенсируем. Оформим как премиальные. Дадим наилучшую характеристику. Но столицу я бы на вашем месте покинул. На время. Сами понимаете: и слухи будут, и дружок этот ваш из эфэсбэ...

Завуч пододвигает к Яну уже раскрытую папку с авторучкой. Ян смотрит в папку, на завуча, на директора. С ироническим любопытством:

— А как же — учитель года? Гордость гимназии? Раз — и всё? А, Михал Борисыч?..

— Вы сами, дорогой вы мой коллега, так сказать, девальвировали, — Директор, отбросив условности, закуривает новую сигарету. — Хуже того — поставили под удар все наше общее дело. Весь наш большой коллектив.

Ян разглядывает Директора. Тот окутывается дымом. Завуч, вытянув руку с пультом, включает кондиционер. Ян — с легким интересом:

— А если не подпишу?

— Вам тоже этот скандал не нужен! — Завуч напрягается. Директор курит, смотрит на фотографии на стене.

Ян, хмыкнув, берет за авторучку.

— Да не ссыте вы... коллеги... — ставит закорючку, шуршит листами, ставит еще... — Как два пальца. — Ослепительно, но криво улыбается, швыряет авторучку на стол. — Кто я, на хер, такой, чтоб мешать растить приличных людей.

НА ПОДЪЕЗДЕ К ЭНСКУ. КОНЕЦ АВГУСТА, ДЕНЬ

...Летит пейзаж за окном поезда, летит музыка — в наушниках Яна. Ян стоит в тамбуре, в руке — фляга виски в бумажном пакете. На лице — снова щетина. Ссадина зажила, от гематомы лишь сизая тень. Ян делает глоток из фляги. Стоящая напротив с сигаретой проводница зыркает на него, затягивается. Ян смотрит в окно.

Там — Большая Вода: широкая, калибра Волги, река (или даже море?) в прорехах неопрятных береговых сооружений. Пакгаузы, ржавые портовые краны, причалы, несвежие туши буксиров и сухогрузов, штабеля контейнеров, хмарь, смурь, росчерки чаек, кляксы ворон. Человеческий фактор: пикник на капоте мятой иномарки — водочка, шашлычок, одутловатые граждане в трениках... Бегущие за поездом, немо лающие и отстающие дворняги... Ян смотрит наружу с болезненно-застывшим выражением, музыка в его ушах пульсирует, пейзаж несется.

На стекло обильно брызгает, картинка смазывается, замывается. Дождь пошел. И сразу сквозь летящую музыку глухо хлопает и рокочет, стекло становится черно-желтым: поезд ухнул в туннель, тусклая лампа в тамбуре мутно подсвечивает отражение Яна.

ЭНСК, У КЛУБА «КОШКИНЪ ДОМ». КОНЕЦ АВГУСТА, НОЧЬ

Глухой и темный переулок, зады нарядно отремонтированного и подсвеченного здания: глухая стена, забранные изящными, но — решетками окна, единственная дверь с крыльцом, даже на вид массивная, две камеры на углах, перекрывающие подходы. Обратная сторона ночного клуба «Кошкинъ дом», служебный вход.

Метрах в тридцати в мятой тачке с потушенными огнями глухо играет рэп, сидят четверо. Все молоды (один — вообще подросток), все коротко стрижены — почти бриты, все в черном; узнаваемые скины. Подросток — лет 16, плотный, крепкий, круглолицый, — на заднем сиденье, рядом с ним скуластый подвижный русачок, 18—20, нос уточкой и уточкой же — гуттаперчевый улыбчивый рот. За рулем — кадыкастый кент того же возраста, на шее из-под худи виден край татуировки — что-то руническое, витое; кадыкастый зримо нервничает, внутренне вибрирует и отливает эту вибрацию в отбиваемый по баранке путанный ритм. На соседнем пассажирском — атлетический парень с черной жесткой щетиной на черепе и челюсти, с черными живыми и жгучими глазами, с чувственными, мясистыми губами; красивый, сильный, постарше напарников — двадцать плюс. На коленях у него лежит старый револьвер (чуть не комиссарский «наган» — барабан семизарядный) — и горсть патронов; парень спокойно делит патроны на две кучки — у некоторых гильза маркирована синим крестиком, в остальном на вид они одинаковы. Косится на нервного водителя.

— Харэ психовать.

— Чё сразу-то?.. — нервный вскидывается, тоже нервно. — Я спокоен ваще как удав.

Но барабанить перестает, принимается просто сжимать-разжимать кулаки. Красавец-старшой, иронически дернув углом рта, заканчивает делить патроны на категории. Удовлетворенно:

— Это на реального зверя... Валить... — ссыпает в карман, остаются маркированные синим крестиком: их как раз шесть. — А это на зверька. Пугать.

— Холостые? — подросток с заднего сиденья подается вперед, старается звучать весомо, взросло; выходит так себе.

Старшой, хмыкнув:

— Неженатые.

Начинает неторопливо насыщать патронами барабан револьвера. Подросток:

— На вид такие же.

— Это чтоб зверек поверил и обосрался, — Мел вставляет очередной патрон.

Нервный, следя за его манипуляциями, — нервно:

— Ты по ходу сам не спутай.

— Не бзди, боец.

Пауза в пару секунд. Старшой вставляет патроны. Нервный сжимает-разжимает ладони...

— Слышь, Мел... А этот чел... ну, который ствол подогнал... он кто ваще?

Подросток открывает рот — словно хочет что-то сказать нервному, — и тут же закрывает. Смотрит на Мела. Мел — Вадька Мельников — с последним патроном в одной руке и револьвером в другой внимательно и с интересом разглядывает нервного. Тот тушует.

— Не, а чё сразу-то?.. Я в смысле — ну, нормальный он ваще? А то на этом стволе, может, десять жмуrow висит... Я тока в том смысле, а ты сразу...

Мел вгоняет патрон в барабан.

— Понормальней тебя.

Нервный замолкает — но принимается снова барабанить по баранке. Мел картинно прокручивает барабан и сам хмыкает: цирк. Скуластый и веселый с заднего сиденья:

— А может, один боевой вставим? Пусть зверек в русскую рулетку сыграет.

— Один вставим — это американская. Русская — это когда один вынем... — Мел сует револьвер в карман, смотрит на часы, быстро оборачивается к весельчаку. — Ронни. Твой выход, брат.

Ронни легко натягивает на голову черную балаклаву, а поверх — пристраивает экшн-камеру GoPro Него на ленте; легко вылезает, хлопает дверцей, вальяжной и ловкой походкой идет к служебному входу клуба. В руке — дубинка-тонфа, Ронни изящно и быстро покручивает ее. Негромко и беспечно насвистывает. Оставшиеся в машине смотрят ему вслеп: Мел спокойно, нервный — нервно, подросток — напряженно и задумчиво сопя. Пару секунд спустя подросток решается:

— Мел, а чё он Ронни, я не понял?

— Потому что Салливан.

— Кто?

Мел — все еще не оборачиваясь:

— Ронни О'Салливан. На бильярде был король. Чемпион мира. Реально любой шар забивал.

— И чё?

— И всё. Шурик тоже не мажет... — теперь Мел оборачивается, с интересом смотрит подростку в лицо. — А что тебя смущает вообще?

— Да ничё... — подросток мнетя; Мел не отводит взгляда, паренек решается. —

Ну — мы же русские, за чистую Русь бойцы? А у него погоняло... как у Рейгана...

— А какое должно быть? Святогор — или Коловрат?

Подросток обиженно сопит, дергает плечом. Мел смеется, слегка тычет его кулаком в скулу. Разворачивается и смотрит на Ронни — тот останавливается метрах в пяти от служебного входа, в слепой зоне обеих камер наблюдения. Пижонским движением сует тонфа за ремень...

...Продолжая глухо насвистывать, вынимает металлическую рогатку с мощным резиновым жгутом и пару подшипников. Вкладывает один в кожаную «заплатку»

посередине жгута. Поднимает, щурится... Фьють, дзынь, — одна камера разлетается вдребезги.

... — Попал! — у подростка, подавшегося вперед на сиденье машины, глаза круглые, восторженные. — Круть!

Все смотрят на Ронни; тот стреляет еще — и поднимает руку с растопыренными пальцами: V, виктория.

— Поехали! — Мел быстро натягивает на голову балаклаву, нервный — тоже, подросток, на секунду запнувшись, присоединяется... — и поднимает с пола, из-под ног, бейсбольную битку. У нервного такая уже в руках. Мел, надевая на левую рубчатый кастет, быстро полуоборачивается к обоим — и нервному, и подростку; черные глаза в прорезях маски; говорит быстро, жестко:

— Так, еще раз. Второй этаж, люкс — там кошка в короне на двери. Урод один должен быть. Не считая мяса. Идем плотно, я альфа, Кир bravo, кто рыпнется — гашишь. Только не насмерть... (Нервный Кир резко кивает.) Ронни снимает, Захар замыкающий, вперед не лезть, вообще не лезть под руку... И чтоб под запись — ни имен, ни кликух! Приказ ясен?

— Мел, это несправедливо реально... — Подросток Захар опять обиженно сопит, теперь — сквозь балаклаву. — Я тоже боец, я ваще-то...

— Алё, боец! — Мел обрывает Захара резко и резко тычет кастетом в грудь. — Ты даже не дух, понял? Ты запах. У меня брательник старше тебя, ты его видишь тут?

— Я...

— Баста, блин! Гоу-гоу-гоу-гоу!..

Синхронно и резко, как в дурацком боевике, вылезают из тачки, — двое с битками (Захар-подросток и впрямь оказывается шире, квадратнее тощего нервного Кира), Мел с кастетом на левой и револьвером в правой. Быстро идут к Ронни — тот опять покручивает свою тонфа; включает закрепленную на лбу камеру. Вчетвером подходят к крыльцу, Мел впереди, Кир чуть сзади-справа, Ронни и напряженно (будто сейчас и впрямь прилетит бейсбольная подача) сжимающий битку Захар — следом...

Дверь распахивается — словно их ждали. На крыльцо из желтого света шагает плечистый чернявый охранник в пиджаке с уоки-токи в ладони. Успеваает только приоткрыть рот — и получает прямой в переносицу кастетом. Рушится — назад, в проем двери, в желтый свет и глухие звуки техно. Мел шагает через охранника. Кир, пригнувшись и оскалившись, пару раз бьет лежащего битой. Ронни залихватски ухает, камера во лбу у него горит рубиновым огоньком: работает. Захар с воздетой битой переминается, не зная, как действовать...

...Время начинает двигаться в ритме дерганой видеозаписи Ронни.

ЭНСК, КЛУБ «КОШКИНЪ ДОМ». КОНЕЦ АВГУСТА, НОЧЬ

Охранник на полу: елозит на пузе, как раненый тюлень. Руки Кира заматывают его голову по линии рта скотчем — запястья охранника уже стянуты за спиной. Охранник глухо мычит, дергается. Глухо долбит техно из-за стенки.

— Резче, резче, не тормози! — голос Мела.

Шнурованный черный ботинок пинает охранника в бок. Ноги в ботинках гремят по ступеням, фигуры в балаклавах ломаются по лестнице на второй этаж. Бордельно-будуарный, провинциально-эклектический шик обстановки — мельком, по пути: темное полированное дерево — вагонка на европонтах; венозного тона плюш; расштанная раскоряченная кушетка а-ля Луи Каторз — а на стенке над ней холодное техногенное ню Хельмута Ньютона...

Прыгает в глаза дверь (темное полированное) со значком: силуэт сидящего кота, над головой — корона.

— Мел?.. — сдавленно.

— Базар, сука! — яростным шепотом.

— Я машинально, чё сразу-то...

— Пусти. Двиньтесь все, резко!

Мел — атлетическая фигура с кастетом на левой руке, в правой уже револьвер — чуть подается назад, в очищенное соратниками пространство, — и наносит точный удар ногой в берце под дверную круглую ручку. Дверь — хлипкая — с хряском и ударом в стену распаивается. Четверо нападающих вваливаются внутрь.

— На колени!!! На колени все, сука!!! — истерически убедительный вокал Кира перекрывает приторную тюркоголосую попсу: тут своя, отдельная музыкальная юрисдикция.

Комната — в том же стиле бордельно-плюшевой лесопилки. Стены, столик, стулья — полированное дерево, кресла — похабно-бордовый бархат, над стратегическим многоспальным сексодромом — балдахин с кистями. На спинке кресла — мужская одежда, видна богатая фактура дорогой и безвкусной, с искрой, костюмной ткани. На полу — фрагменты женской эротической сбруи, черный ажур. На столике — бухло и фрукты. На краю мощной кровати сидит мощный мужчина в полурасстегнутой белой шелковой рубашке и приспущенных брюках со стрелками; ему за полтинник, брюхо, брылья бульдога и цепкие зенки хищника, буйный седой волос на груди, лысина: Саяф, азербайджанец, местный воротила, хозяин доходного рынка. Подле — две телки в кружевном, с бокалами-сигаретками. Голая спина и выбеленная грива третьей, одетой только в трусики, конфигурацией недвусмысленно обозначают производимый блю джоб. Сладкая жизнь хозяина жизни, химически чистый концентрат пошлости.

Вторжение парней в балаклавах взрывает эту гармонию. Телки с визгом шарахаются в угол (третьей, минетчице, Кир — впрочем, участники маски-шоу различимы сейчас с трудом, — наподдает берцем в бок). Саяф замирает: цепкие глазки безошибочно вычлениют из хаоса (девки визжат, Кир вопит: «Тихо! Ша, суки!..») черную дыру ствола в руке Мела. Мел шагает к нему, ствол практически упирается в лицо, голос у Мела ровный, пугающе веселый:

— Здоров, чучмек. Руки за голову — и на колени, резко.

Саяф не кажется напуганным — скорее стремительно оценивающим, обсчитывающим обстановку; опасным. Поднимает руки — мощные руки, ладони как вратарские перчатки, — но не торопясь, почти небрежно.

— Парень, — легкий акцент, густой, жирный голос начальника, спокойный, едва не дружеский тон. — Я так вижу, ты берега попутал. Ты под кем ходишь вообще?

Мел вдруг очень быстро, хлестко бьет Саяфа в лицо — левой, кастетом, сбоку. Саяф глухо ухает, мотнувшись; порванная щека, кровь — щедро, волной. Девки взвизгивают; та, что с голой грудью, минетчица, — истерически рыдает.

— Ходить, обезьяна, ты шас будешь — под себя. Фильтры вруби.

Кратчайшая пауза, глаза в глаза; по-прежнему в глазках азербайджанца нет испуга, есть — мгновенный пересчет ситуации, словно колесики крутятся; матерый кабан.

— Погоди, давай обсудим. Спокойно поговорим...

— Приговорили уже тебя, хачидло, — ствол в руке Мела, чуть опустившийся после удара, снова смотрит Саяфу в лоб. — Терпение русское кончилось. На колени.

Шлюха в углу продолжает истерически рыдать; камера Ронни на миг дергается туда — блондинка прижалась к другой девке, та поглаживает ее, успокаивая; Кир нависает над ними, делает угрожающее движение битой, шипит; Захар — тоже с битой — по-прежнему переминается на периферии, не то исполняя приказ лидера, не то растерявшись в «реальном деле».

— Прикрыться дай, — голос Саяфа.

Камера прыгает обратно — к Саяфу и Мелу. Азер так и сидит со спущенными штанами на раздвинутых ногах, — полы рубахи и мощное брюхо, впрочем, микшируют порнографическую откровенность позы.

— А давай, муслим, мы тебе еще обрежем, — сам весельчак Ронни, невидимый оператор, подает голос. — Чтоб не торчало.

— Обрежут голову твою пустую, дурак, — Саяф, холодно.

Мел молча бьет Саяфа опять — в то же место; девки снова взвизгивают, Саяф снова сипло ухает, кровища хлещет, башка мотается — сильнее, чем в первый раз; видно, что азер поплыл. Сползает с края тахты на колени. Блондинка продолжает истерически рыдать.

— Рот закрой, вафля влетит, — голос Кира.

Саяф, чуть покачиваясь, — ладони возле ушей:

— Ошибку... делаешь...

— Не-е. Исправляю, — Мел, беспечно.

— Слышь, ты полегче, мы тоже русские! — голос девки, той, что пытается успокоить истерящую блондинку.

Камера Ронни перепрыгивает на них. Кир:

— Вы не русские, вы у зверьков подстилки.

Голос Мела:

— Молись, что ли. Алла-тралала...

Камера Ронни возвращается к Саяфу и Мелу... по инерции чуть проскакивает — к креслу с одеждой... к Саяфу... снова к креслу: мужская одежда на нем чем-то привлекает внимание Ронни...

— Скотина! Не видишь, у девушки шок! — голос девки (ее коллега-блонд продолжает рыдать).

— Командир... — неуверенный голос Ронни.

— Ломка, да? — в голосе Кира гопнический сарказм. — С болта резко сняли?.. Так давай я ей облегчу...

— Заткнулись все! — Мел, резко; камера Ронни снова шарахается от кресла к нему. Мел, девке: — Уйми подругу, вас не тронет никто.

— Командир? — снова голос Ронни.

Мел оборачивается к нему — лицо в балаклаве глядит прямо в объектив. Раздраженно:

— Чего?

— Тут штанов двое.

— Чего?!

— Ну этот... в штанах же... — камера (видимо, вместе со взглядом Ронни) на миг скачет к Саяфу, обратно — мазнув по Мелу — к креслу: — А тут еще...

Раздается рев — из коридорчика, ведущего к ванной комнате (взгляд Ронни дергается на звук), выскакивает огромный, мускулистый, почти голый южанин лет тридцати плюс, вероятно, побратим или телохранитель Саяфа. Прыгает на Мела, сшибая его (револьвер отлетает в сторону). В объективе камеры Ронни пляшет хаос — выскакивая в поле зрения то так, то эдак. Телохранитель и Мел, сцепившись, катаются по полу, девки голосят, Кир, тоже вопя, пытается гвоздить телохранителя битой — но неясно, по кому попадает, Захар, поднимая свою битую как самурайский меч, на цыпочках крадется к центру событий... Саяф — на коленях — вдруг делает очень юркое для его комплекции движение к креслу с одеждой... Истерящая блондинка топless с воплем прыгает на Кира, вцепляется когтями, тот лупит ее коленями и битой, стараясь сбросить... Телохранитель срывает балаклаву с Мела... Дубинка-тонфа — в руке самого Ронни — выпрыгивает сбоку, колошматит телохранителя по затылку раз и еще раз... Мелу удается оказаться сверху — он рубит противника кастетом, как мясник на разделке туши... Кровь, визг, хрип, стон, мельтешение, оскаленные суккубы, демоны без лиц — и все это под рахат-лукум тюркской попсы: ад.

И — выстрел. Жесткий хлопок по барабанной перепонке. И еще один. Саяф с лакированно-бордовым лицом бьется на полу. Хрипит. В груди — черные дырки. Две.

В руке — пистолет, блестящий, новый, дорогой, типа «глока» или «беретты». Из-под туши Саяфа вытекает кровь — быстрее, обильнее, принципиально иначе, чем прежде. Над Саяфом стоит подросток Захар: в правой, опущенной — бита, в левой — револьвер Мела. Секундная пауза: даже девки вдруг смолкают — перед тем как заорать на максимуме. Саяф скребет пол: доски, коврик. Кровь растекается, черная, густая. Захар оцепенел — балаклава обнуляет его эмоции, лишает лица.

— Тихо, — голос Мела. — Тих-тих-тих...

— Пипец! — голос Кира. — Пипец, пипец, пипец!..

Словно услышав команду, начинают визжать девки.

Мел медленно ковыляет — с протянутой рукой, без маски; впрочем, лицо окровавлено и видно лишь вполоборота... — к Захару. Когда они оказываются рядом, видно, что револьвер в руке Захара ходит ходуном.

— Спокойно. Спокойно. Дай сюда.

— Ты сказал, холостые, — голос Захара, ровный-ровный. — Холостые же ты сказал, да?

— Сказал-сказал. Дай мне его сюда... Вот так... Молодец... — Мел аккуратно вынимает, выбирает револьвер из сведенных пальцев Захара, девки орут, Саяф в луже крови уже перестал дергаться, копошится избитый в мясо телохранитель... — Спокойно, боец, всё путем... Ты молодец, брат, всё правильно сделал...

— Ты сказал холостые, — голос Захара как готовое треснуть стекло.

Револьвер в руке Мела, сам израненный Мел, Захар, оцепенело-подрагивающий, словно студень, — все становится крупней, ближе; это Ронни, как сомнамбула, движется к Мелу. Тот оборачивается к Ронни; окровавленная физиономия искажается, растопыренная пятерня прыгает в лицо Ронни — в объектив:

— Дебил, выруби камеру!..

Затемнение.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ, КОРИДОРЫ. КОНЕЦ АВГУСТА, УТРО

Ян — чуть помятый и при хипстерском параде — быстро подходит к зданию Энского лицея.

Здание — красивое, старорежимное, не то сталинской выделки, не то вовсе XIX века; и стоит в красивом месте, с видом (вид опять густо драпирован туманом).

Лицейский двор оплетен чугунной оградой, через нее Ян на ходу видит, как на широком крыльце закуривает серьезный, при бронжилете и кобуре, охранный детина, — а над ним и над крыльцом темнолицые гастеры в люминисцентных фуфайках монтируют здоровенный баннер. 1 СЕНТЯБРЯ, написано там, ДЕНЬ ЗНАНИЙ, — и под слоганом шеренга героев, тех, в кого надлежит воплотиться ученикам. Удивительный, но давно переставший изумлять синтез: Ученый с эллипсами Мирного Атома на ладони, Женщина-Врач со Шприцем, Инженер с Ракетой, Художница с Палитрой нисколько не изменились со времен СССР, тоже вполне советский по сути Защитник Отечества — камуфляжем и эффективным арсеналом превращен в Вежливого Человека, а рядом — ранее непредставимые Батюшка с Иконой, Управленец с Мобильником и Бизнесвумен с Планшетом... Ян, впрочем, лишь бегло скользит взглядом по этим ролевым моделям, быстро идя вдоль ограды...

...Шагает по полутемному коридору мимо стенда во всю стену: НАШИ УЧЕНИКИ — НАША ГОРДОСТЬ. На мгновение взгляд Яна выхватывает из мозаики лиц фото симпатичного, как веселый щенок, юнца: ЯН НЕВЕРОВ: ИСТОРИК, УЧИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ. ВЫПУСК 1993.

...Не сбавляя темпа, Ян проходит мимо.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ, КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. КОНЕЦ АВГУСТА, УТРО

Женщина за обширным, очень аккуратным столом. Женщине — явно за 50, но она спортивна, подтянута, следит за собой (прическа, макияж, маникюр, костюм — все искусно, но не безвкусно) и даже, пожалуй, отчетливо секси. На стенах — неизбежная рифма с кабинетом директора московской гимназии, — фото, где женщина (да, она тоже директор элитной школы) в компании каких-то гипотетически знаменитых людей, от премьера, опять-таки, Медведева до писателя Прилепина; а также Путин соло, грамоты, благодарности, выпелы, все как надо. Женщина не смотрит на этот иконостас — она смотрит в телефон. Фронтальная камера, режим селфи: женщина озабоченно и быстро панорамирует свое лицо в разных ракурсах, с разных высот, подправляет ватным тампоном уголок глаз, губ. Быстро бросает тампон в корзину для мусора, надевает изящные очки (без диоптрий), последний взгляд — и она блокирует-убирает телефон: дверь распаивает молодой парень в костюме, видимо, секретарь. Отодвигается. В дверь шагает Ян.

Смотрит на женщину. Не умея совсем скрыть удивление:

— М...мила?..

— ...Николаевна, — Мила встает, тонкими напряженными пальцами опирается о столешницу, улыбается. — И даже Людмила Николаевна, так уже привычнее.

Ян шагает к столу, продолжая разглядывать директора Милу. Без вызова или намека — и все равно между ними повисает осязаемое напряжение. Пожалуй, больше всего похожее на... эротическое?.. Ян и Мила стоят по разные стороны стола. Ян в восхищении качает головой.

— Так. Значит, это я с вами... вел переговоры. Вы, значит, теперь директор.

— А вы догадливы.

— Я идиот. Но Рогинская-то почему? — Ян сощуривается. — Вы же были — Казакова.

— Наследство от первого мужа, — Мила чуть улыбается. — Единственное... Ян Иванович.

Ян сморит на нее с прищуром.

— Не думал, что вы помните отчества... учеников.

— Я прогуглила, — Мила улыбается снова, так же дозированно. — Вы же все-таки знаменитый ученик, Ян Иванович. Модный столичный человек. Программа на «Эхе Москвы». Книжка... нашумевшая...

Выдвигает ящик стола — и достает средней толщины томик, шлепает им по столу. «Петли Истории», Ян Неверов. Ян смотрит на книжку.

— Нокдаун, — констатирует он и падает на стул для посетителей.

Мила, миг промедлив, тоже садится — одновременно двигая книжку к Яну. Вынимает из стаканчика авторучку.

— Все равно вам многое придется подписывать, начнем с автографа.

Ян послушно берет авторучку, откидывает титульный лист обложки.

— Миле... э... Людмиле Николаевне?

— Нет. Сергею Филиппычу. Он от вашей книги был в невероятном восторге. Хотя и спорил с вами все время. Очень горячо.

В лице Яна что-то вздрагивает.

— Вы с ним... сохраняете контакт? — волнение в голосе.

Мила чуть пожимает плечами — и странно, в этом нейтральном жесте тоже брезжит что-то эротическое, какое-то скрытое женское торжество.

— Надеюсь. Все-таки последние четырнадцать лет я его жена.

Ян откидывается на спинку стула. Трет скулу — все еще вполне различимый шрамик, оставленный Максом:

— Нокаут.

Мила, ровно, но не без ехидства:

— Посчитать вам до десяти — или сразу санитаров?

...Напряжение явно спало, книжка Яна — снова на стороне стола Милы (вероятно, уже с автографом). Между Яном и Милой — недопитый кофе, раскрошившееся печенье; перед Яном — еще и распечатанные страницы трудового договора. Окно раскрыто. Снаружи летят музыка и визги. Мила курит тонкую сигарету:

— ...А с должности директора он ушел только после инсульта. Четыре... нет, пять уже лет практически...

— А сейчас... как?

— Ну, можно сказать, восстановился. Тьфу-тьфу. Но, конечно, работать уже... — Мила грустно морщится.

— Я не знал. Про вас... и всё это...

— Разумеется.

— Мне жаль.

— Перестаньте. Он прямо счастлив будет, когда вы зайдете, Ян Иванович. Любимый выпускник...

Ян несколько раз кивает.

— Все-таки так странно, когда вы... меня... по отчеству.

— Положение обязывает, — Мила тушит в пепельнице окурков, взмахивает ладошкой, остро смотрит на Яна. — И еще одна вещь есть, про которую я обязана спросить.

Выжидающе замолкает. Ян, дернув углом рта:

— Про эту... историю? — Мила чуть прикрывает тщательно окрашенные веки; Ян, пожав плечами, устало, с небольшими паузами. — Ничего хорошего. Увы. Девочка, моя ученица. Умница, красавица, отличница, все при ней. Я взял ее на игру — она просила. И недоглядел. Ей предложили наркотики... один парень... негодяй. Она попробовала... и пошла... под кайфом... купаться. И утонула. А парень оказался выпускник Академии ФСБ. Еще и генеральский сынок. И я ничего не смог сделать. Оскорбительно. Как в лицо плюнули.

Мила снимает свои изящные очки.

— И вы прямо вот решили вернуться — сюда?

— Скорей — захотел уехать оттуда. Очень уж... противно.

Мила разглядывает Яна.

— Ян Иванович. Я опять-таки обязана... Между вами... и этой девочкой... ничего... м-м...

Ян спокойно выдерживает взгляд.

— Как вы помните, Людмила Николаевна, мне всегда нравились девушки постарше.

Мила вдруг сама отводит глаза. После паузы, постукивая длинным ухоженным ногтем по столу:

— То есть — все-таки... политика, Ян Иванович?

— Ну... В широком смысле.

Мила продолжает постукивать.

— Ян Иванович... Мы... ваши учителя, а ныне коллеги... гордимся вашими достижениями... и уважаем ваши убеждения... и вообще... как вы тоже помните... наш лицей всегда отличался, скажем так... прогрессивным... свободомыслящим... — Мила запинаясь, резко надевает очки обратно, разом прибавляя в строгости и деловитости; снова глядит на Яна сквозь ясную оптику. — Но вы должны очень четко понимать, что здесь, в нашем лицее, любая... политика... даже в самом широком смысле... абсолютно, категорически исключена.

Ян чуть улыбается.

— Разумеется. Никакой политики.

ЭНСК, КЛУБ «КОШКИНЪ ДОМ» И ОКОЛО, КОНЕЦ АВГУСТА, УТРО

Бухтит, бухает насупленный русский рэп — Баста, Ноггано, или Гуф, или 25/17 — в изрядно захламленном салоне тачки, работающего «субару форестера».

За рулем — крупный мужик лет сорока с крупной рубки лицом. Из тех лиц, что кажутся глуповато-одутловатым в статике, но мимические движения сразу проявляют и живые эмоции, и как минимум сметливость. Фигура у мужика — как у сильно отбившегося от режима борца-вольника. Это Лёха Машканцев, майор полиции, зам.начальника Н-ского Центра «Э».

В правой у Лёхи картонный стаканчик с горячим — он отхлебывает, обжигается, шипит. Лево́й Лёха энергично крутит баранку — резко причаливает возле служебного входа клуба «Кошкинъ дом»; там ленточки оцепления, собровцы в броне и с автоматами, пара полицейских «фордов», скорая, курящие в сторонке телевизионщики при фургоне с антенной, особняком — группа брюнетов в костюмах, один пузан — даже в кожаном плаще и широкополой шляпе. Все эти декорации мы вместе с Лёхой бегло досматриваем, пока Лёха вылезает из «субару», захлопывает дверцу, еще прихлебывает на ходу, квакает брелком-ключом, коротко кивает менту, отдающему честь... Нестарый и резколицый брюнет-костюмник устремляется было к Лёхе, — тот отрицательно дергает рукой и углом рта, менты заступают дорогу резколицему, вежливо преграждают, обволакивают. Брюнет тянет вслед Лёхе руку с серебристым брусом дорогого телефона, будто пытается переключить им Машканцева, как пультом. Лёха бросает картонный стаканчик на асфальт и ныряет в дверь. Звонит его смартфон. Лёха, недовольно оскалившись, подносит к уху.

— Юсуф, не борзей.

— Майор, ты считаешь, нам не надо поговорить?

— Надо. Но я вначале вникну, а ты меня подождешь.

Взбегает по лестнице.

— Майор, дорогой, я тебя с четырех утра жду, скока еще буду?

— Скока надо, стока и будешь.

Стряхивает звонок, шагает мимо собровца в дверь люкса — с силуэтом кошака в короне.

...И вот уже, сидя на корточках, смотрит — секунду, другую — на мертвое лицо Саяфа. Задергивает молнию — скрывая лицо Саяфа под пластиком спецмешка; встает с кряхтением. Запакованный труп Саяфа выглядит каким-то товаром, вырезкой или тунцом из великанского супермаркета. В руке у Лёхи тоже пластиковый пакетик, в нем — две револьверные гильзы с синими крестиками. Лёха раздраженно потряхивает пакетиком, мелко позванивает. Вокруг копошатся, видимо, эксперты, человека четыре.

— Это чьи мешки, пиндосские? — голос у Лёхи тоже раздраженный.

Мент рядом, бледный, тощий, лысый, вяловатый — подвальный сорняк, тоже со стаканчиком, морщится, мнет висок.

— Шведские, вроде. Или финские. А что?

— Да гребаный какой-то голливуд, — Лёха опять встряхивает-звякает; с надеждой: — Может, все-таки заказ? Чечены, ары, у кого на азеров стоит? С горцами же у Саяфа по рынку был конфликт, не?.. Ну или Харитон по беспределу пошел?..

Лысый вяло пожимает плечами.

— Да хэ зэ. Пока по любому на нас повесят. Свидетели за экстремизм топят. Руссо фашисто, смерть хачам.

— И чё свидетели?

— Да шлюхи свидетели, — лысый блекло ухмыляется. — Три штука. Увезли оформлять. И охранца еще, который снизу... Ну он, типа, только чуваков в балкалавах видел, и сразу в табло прилетело, не в курсах, чё дальше...

— Гонит?

— Да хэ зэ. Покачаем.

— А его тельник чё? — Лёха кивает на Саяфа

— Да хэ зэ. Тельник в реанимации. Перелом основания черепа... и в черепае как таковом ему окошек новых наклепали...

— Битами?

— Вроде и битами, и кастетом.

— Типа их четверо было?

— Ну.

— А ствол типа только один?

— Ну.

— Коль! — Лёха окликает одного из «экспертов» — тот оборачивается, шагает ближе: молодой, в очках. Лёха звякает пакетиком с гильзами. — Чё за пищаль?

— Пули пока внутри, — Коля кивает на труп Саяфа. — А на глазок — будете смеяться, как бы не модель нагана восемьсот девяносто пятого года.

— Модель Ноггано... — Лёха быстро смотрит на гильзы, на Колю. — Прямо как в кино про гражданскую? Антиквариат? (Коля чуть разводит руками.) Смеюсь, чё.

Коля, с достоинством:

— Но это не точно пока.

— А нахера кресты, есть идеи? — Лёха, приподняв пакетик.

Коля пожимает плечами. Лысый, продолжая растирать висок, тускло:

— Может, это не кресты, а хэ, — Лёха смотрит на Лысого с недоумением. — Ну, буква. Шлюхи говорят, стрелок чего-то вопил про холостые... Ну, хэ как холостые...

— Хэ, — Лёха, с чугунным сарказмом, коротко ткнув в сторону трупа. — Я вижу.

В кармане у Лёхи опять звенит — другим звонком. С недовольной гримасой он выволакивает другой телефон: древний, кнопочный. Бегло глянув на экранчик, полуотворачивается от Лысого и Коли.

— Машканцев.

— Алексей Викторыч, это Рудольф... Наумыч. Тренер Егора по джиу-джитсу...

— Я понял. Что-то случилось? — молчание. — Сэнсэй?

— Сэмпай.

— Что?

— Сэмпай. Я. Инструктор. Учитель — это... ну, слишком как бы...

— Ага. Так я не понял, случилось что-то? Я вообще на службе.

— Простите. Егор ведь сейчас... не болеет свинкой?

— В смысле?

— Егор уже две недели не ходит на тренировки.

По ходу этого диалога в дверь вваливаются еще двое в комбинезонах (у одного в руках носилки), деловито подходят к омешоченному трупу Саяфа, приглядываются-примериваются. Один, сипло:

— Пипец. Жирный, как морж.

Лёха гневно взмахивает рукой — тихо, мол, — отворачивается и, зажав второе ухо рукой, шагает с трубкой к окну. Стоит спиной, что-то выслушивая и неслышно бормоча в ответ, несколько секунд, — пока двое в комбинезонах, сопя, кряхтя и невнятно матерясь сквозь зубы, переваливают тушу Саяфа на носилки и волокут в дверь. Лёха, закончив разговор, несколько раз мрачно постукивает телефоном по оконному стеклу.

— Викторыч? — сыпучий голос Лысого.

— Ну чё еще?! — Лёха оборачивается, злой, готовый сорваться. Рядом с Лысым, кроме Коли, еще один из парней-«экспертов», в руке у Лысого планшет. Лысый:

— Зацени.

Лёха смотрит на экран планшета. Там — шапка Ютьюба, невнятная — что за месиво на ней? — картинка, медленно прокручивается колечко: подгрузка видео. Над окошком с видео написано: «Казнь неруси».

ЭНСК, ЗАБРОШЕННАЯ ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ. КОНЕЦ АВГУСТА, УТРО

Шапка Ютьюба, титул — «Казнь неруси», мельтешащее видео — на экране смартфона. Смартфон — в руке у Мела. Мел, в старом черном кожане, стоит на крыльце аварийного на вид деревянного домика (на стене — светлый след от спасательного круга и багра, ржавый щит с какими-то правилами вспоможения на водах; едва не от крыльца отходят в ватный туман над Большой Водой деревянные мостки; это заброшенная лодочная станция). Рожа у Мела — мрачнее тучи. Черные яростные глаза прожигают несчастный смартфон: там последние секунды видео с камеры Ронни — лицо Мела (впрочем, милосердно кем-то раздробленное на крупные пиксели), его прыгающая в объектив растопыренная ладонь, стоп-кадр.

Мел шипит, резко вырубает телефон, зло отклацывает панель, вытряхивает аккумулятор, вылушивает симку, крик! — ломает ее двумя сильными пальцами и отщелкивает кусочки в траву, кидает телефон и аккумулятор порознь в карман. Оскаленный, стремительный, врывается в домик: темный тесный коридорчик с парой дверей, за одной — шарах об стену! — кое-как подчищенное от следов разрухи помещение, импровизированная кухня с плиткой, рукомойником и столом, за столом сидит Ронни — тоже с очень мрачной рожей глубоко затягивается сигаретой, нервный Кир и подросток Захар стоят чуть в стороне, будто дистанцируясь от Ронни. Тот, увидев Мела, быстро выдергивает сигарету из губ, начинает подниматься:

— Мел, слушай, это...

Мел, зарывав, с размаху впечатывает Ронни правый боковой. Ронни летит на пол. Мел, сшибая стул, подскакивает, нависает, месит кулаками. Захар дергается было — Кир хватает его за плечо. Мел гвоздит, Ронни закрывается, перекачивается, ухает, крикает, чвякает, выкрикивает глухо и влажно:

— Это не я! Не я! Сука, Мел! Это! Не я!..

Мел, наконец, останавливается, тяжело дыша, — кулаки все в алом, морда у Ронни разбита в мясо, он ворочается на полу, подскуливая. Мел, сипло, страшно:

— Где камера?!

...Камера — маленький прямоугольничек в скрещенье двух широких лент крепления — шарахается об пол, брызжет стеклянное, отлетает пластмассовое. Ботинок Мела с хряском обрушивается сверху, давливая.

...Обломки камеры — на столе. Пальцы Мела что-то выдирают из крошева плат и пластика. Кир, Захар — придвинулись, стоят, смотрят. Ронни смотрит тоже: снова сидит, снова с сигаретой, только испачканная кровью рука трясется и лицо — как после боя с Тайсоном.

...В руке у Мела — крошечный металлический кубик с торчащим проводком.

Ронни:

— Мел, я про это ни хера не знаю. Вообще ни хера. Я ж тебе сказал: я все вырубил. И вайфай, и блютус...

Мел тяжело глядит на измордованного Ронни.

Кир, нервно:

— Мел, ну сам прикинь болт к носу. Патроны — ни хера не холостые. Камера — сама картинку налево сливает. Подстава это, Мел. Вот та падла, которой ты поверил, нам и засадила. По самые помидоры.

Подросток Захар опять (как перед акцией — в машине) смотрит на Кира, на Мела с видом человека, который хочет что-то сказать... И сдерживается. Но Мел этого не видит: он переводит свинцовый взгляд на Кира. Тот чуть отступает:

— Ну чё сразу? Я не в том смысле...

Мел встает, резко двинув стул (Кир еще чуть подается назад, Ронни дергается, роняет сигарету на столешницу, Захар опускает глаза). Не глядя на соратников, выходит из каморки, из домика, размашисто шагает по мосткам в туман. Останавливается на последнем краю — сквозь буроватую, как спитой чай, воду видна затонувшая лодка

с пробитым днищем, по-прежнему привязанная к мосткам. Мел яростно выцепляет из-за ремня наган, выскребает из кармана кожана пригоршню патронов — и с синими крестиками (хэ!), и без, снова вперемешку. Намерен швырнуть все это смертоносное хозяйство в воду, уже начинает движение... Застывает, часто, тяжело дыша; брутальное лицо в каплях то ли пота, то ли туманного конденсата. Стоит, покачиваясь. Оскаливается — и вбивает наган обратно за ремень.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ, КЛАСС. 1 СЕНТЯБРЯ, ДЕНЬ

— Машканцев Егор.

Руку вяло приподнимает полный мальчик — не то чтобы карикатурный жирдяй-бигмак, но крупный и какой-то дрябловатый. Не отрывает при этом взгляда от слегка замаскированного книжками-тетрадками планшета.

Ян, сидящий на краю своего учительского стола лицом к классу (щиколотка одной ноги на колене другой, расслабленно-уверенная поза, список учеников и авторучка в руках, высоченная стопка учебников на столешнице), смотрит на Егора с интересом.

— Егор — Алексеевич?

Тот кивает, по-прежнему избегая встречаться взглядом.

— Дроп энд гив ми фифти, фэт бой! — чревопещает углом рта здоровый, как американский морпех (бицепс, челюсть, короткая стрижка, широкая пластилиновая физиономия с лыбой поперек), пацан из-за предпоследней парты. Егор вздрагивает, быстро оборачивается. Здоровяк клацает в его сторону зубами, бубнит «голосом по рации»:

— Сало, сало, я хохол...

Егор утыкается в свой планшет. Ян, исподтишка наблюдавший эту микросценку, снова смотрит в список. Егор, зыркнув на препода, левой лезет в свой рюкзак и вынимает начатый батончик-гематоген (видно еще несколько таких же); правой — подносит к экрану планшета стилус. На экране сложный, отлично исполненный — но неоконченный — рисунок: какой-то дико героический персонаж в технике анимэ. Егор кусает гематоген. Рисует.

— Мельник Иван.

Сосед здорового шутника — черноглазый, быстрый, крепкопечий и жилистый младший брат Вадьки Мельника, Мела, — небрежно взмахивает ладонью. В левой он, вовсе не таясь, держит смартфон.

— Я.

Всего в классе — полтора десятка человек, юноши и девушки 16—17 лет; кто-то, как бывает в этом возрасте, выглядит совсем взрослым, кто-то, напротив, еще угреватый ребенок, куколка на пороге превращения. Легкое шу-шу, попискивание девайсов, — но в целом молодежь пока не хамит, со своей стороны зорко прицениваясь к новому учителю.

— Наговицына Татьяна.

Руку молча поднимает большая, широкая и рослая деваха с серьезным умным лицом и торсом пловчихи.

— Петрик Анатолий.

— Туточки! — шуткарь-здоровяк-морпех, явно нестандартно совмещающий ампула «мускулов» при альфа-самце (каким сразу кажется Ванька Мельник) и местного клоуна-затейника, шутовски вскидывает руки.

— Тамилмирзоев Аслан.

Плотненький, почти квадратный — потому что очень низенький, — хоббит: ржаво-рыжий, бровастый, вообще очень волосатый. Дергает рукой:

— Здесь я.

— Тимакова Елизавета.

Вскинутая ладошка, легкое шевеление пальчиков. Та самая крашения перьями секси-дива в черном-сетчатом, на которую любовался из автомобиля чекист Максим с утра. Преподу — четко отмеренный заряд ядерного сексапила из-под ресниц. Явно не дура, несмотря на эпатаж: скорее прикалывается (ну и манипулирует, да).

— Цой Кристина.

— Я!

Крепенькая, ладненькая, румяная, чуть раскосая девочка-ртуть.

— Янсма Глеб.

Узкую ладонь отстраненно приподнимает сидящий особняком юноша: породист, эффектен — и очень неформален: половина головы выбрита, вторая половина — с длинной вороной челкой, туннель в одном ухе, три серьги лесенкой (и наушник с проводком) в другом, какой-то сногшибательный черный френч не то комбинезон с молниями в самых неожиданных местах... То ли гот, то ли панк, то ли гость из будущего. Плюс человек с навязчивостями: аккуратно рвет лежащие перед ним листы на идентичные прямоугольники. Как только Ян отводит от него взгляд, Глеб тут же втыкает второй наушник во второе (с туннелем) ухо и прикрывает глаза.

Ян, легко улыбаясь, откладывает список.

— Ну что ж, значит, все в сборе, кроме моей гипотетически прекрасной тезки Левашовой Яны. Теперь не только вы знаете меня в лицо, но и я вас. Прошу, однако не обижаться... — Ян встает, — если чье-то славное имя я поначалу забуду или, хуже того, перепутаю. Это никак не унижает вашей неповторимой индивидуальности. Просто я, увы, человек пожилой... («Пьющий!» — пищит углом рта неугомонный Петрик) ...склероз-воевода ко мне уже приглядывается, бежать некуда...

— А можно, мы вас тоже будем путать? — живчик Кристина Цой.

— Можно, — Ян, мягко прохаживаясь перед аудиторией, благосклонно кивает. — Но после второго предупреждения я буду ставить за это двойки.

— Нууу. Нечестно!

— Да. Мир вообще устроен нечестно. В нем торжествуют грубая сила и бессовестный произвол. Таков, собственно, первый урок истории... Ну, какие еще у кого вопросы? Раз уж мы к ним стихийно перешли?

Руку поднимает Таня Наговицына.

— Татьяна?

— Вы правда книги пишете?

— Написал одну. Был грех.

— А про что? То есть по истории же, конечно, но...

— Вы правы. По истории и даже называется «Петли Истории». Если коротко — про то, какой могла стать судьба нашей страны, если бы в поворотные моменты этой самой истории стрелки на путях перевели иначе... Я понятно говорю?

Таня смущенно пожимает плечами. Снова Кристина:

— А в интернете ваша книжка есть?

Ванька Мельник тем временем пихает Петрика в бок, демонстрирует ему свой смартфон. Петрик делает громадные глаза, восторженно скалится и вывешивает язык лопатой, как пес Плуту... На них с Мельником с интересом смотрит Лиза, Ванька ловит ее взгляд, — Лиза вопросительно приподнимает брови. Мельник, подняв палец, — сейчас, мол, погоди, — быстро тычет в экран смартфона...

— В интернете, милая Кристина, есть все. Моя книжка не исключение.

У Лизы Тимаковой пикает в рюкзачке, она вынимает смартфон.

В дверь коротко, тихо стучат — и тут же она открывается.

Лиза Тимакова смотрит в экран телефона, вздергивает тонкую бровь.

В класс шагает девушка. Ян смотрит на нее с симпатией — и, кажется, с легкой тоской. Ладная узкая фигурка, лицо чуть старомодной — то ли Ассоль-Аэлита, то ли эльф-дитя цветов — красоты, но главное — физически ощутимая радость жизни, ток,

игристые пузырьки. Садится за первую попавшуюся парту. Ванька Мельник смотрит на нее своими жгучими черными глазами — пристально. И Лиза Тимакова — с лениво-ревнивым интересом, бегло (и снова ныряет в телефон). Ян, тоже следя за ней взглядом:

— Вы — Яна... могу ли спросить, по бабушке..?

Короткая заминка.

— Евгеньевна.

— Ваш папа — Евгений Петрович?

— Да. И что? — мгновенная перемена: гордый поворот головы, затвердевшие скулы, ощущение внезапно возникшей между Яной и Яном ледяной линзы, вымороженного на траектории взглядов воздуха.

Ян, ровно, мягко:

— Просто я немного знал вашего отца. Задолго до его... политической карьеры. Он мужественный человек. Был — и, полагаю, остался.

Яна вспыхивает — так же мгновенно, как только что превращалась в «снежную королеву». Упирает взгляд в парту.

— Мэрская, мэрская девчонка! — углом рта чревоушает Петрик. Ванька неожиданно зло надает ему локтем по шее, Петрик принимает этот удар не глядя, как резвящийся лабрадор шлепок хозяина.

Ян, как ни в чем не бывало:

— Анатолий, вы что-то хотели спросить?

Петрик, очень довольный:

— Да! А вы чё, реально в ролевые игры играете?

— Реально играю.

— А я слышал, — Петрик в восторге от собственной наглости, — что в ролевые игры играют только задроты и дрочилы!

— Петрик, баран! — шикает Кристина Цой, но и сама хихикает вместе с большей частью группы.

— Где слышали? — вежливо осведомляется Ян.

— На уроке полового воспитания! — гаркает Петрик.

— Я-то, глядя на вас, думал, что их отменили, — хихиканье, препод сравнял счет. — Ну раз уж вы, Анатолий, так интересуетесь нюансами *моего* полового воспитания, оставайтесь после занятий. Я вам подробно все расскажу.

— И покажу, — вдруг хорошо поставленным голосом говорит Глеб Янсма. Как он все слышал — непонятно, наушники в обоих ушах. Листок он уже раздербанил — теперь тщательно складывает из прямоугольников крошечные кораблики. Их уже несколько.

— Видите, ваш товарищ Глеб понимает меня с полуслова.

Все опять хихикают. Таня Наговицына, поспешно:

— Не, ну правда, Ян Иваныч... Зачем взрослому... солидному человеку бегать по лесам с мечом?

— Совершенно незачем. Ни одного солидного человека там не встречал.

Хихиканье.

— Теперь отвечу серьезно, — Ян снова приземляется на край стола, обводит взглядом аудиторию, — аудитория глядит на препода, харизматичного и ироничного, с интересом, даже Петрик, хоть и скалится нахально, откинувшись, как в цирке, разбросав из-под парты могучие мослы, — спой, мол, птичка. — Поскольку, как ни странно, вопрос ваш, Татьяна, совершенно прямо связан с нашим общим предметом. Скажите-ка мне, соратники: а зачем вообще обычному, нормальному гражданину изучать историю?.. — наставляет палец на Петрика. — Опережая ваше шампанское остроумие, гражданин Петрик: ответ «для ЕГЭ» не предлагать! Итак?

Заминка. Таня Наговицына, неуверенно:

— Ну как... знать прошлое... своей родины... ну, прежде всего... помнить...

— Да-да. Помним, гордимся. Но зачем?

Некоторая общая оторопь. И правда — нафига? Ванька Мельник тоже заинтересовался, подает голос:

— Чтоб учиться? Уроки истории же, все дела. Ошибки чтоб не повторять.

— Резонно. Но знакома ли вам, Иван, такая формула: «история учит лишь тому, что она ничему не учит»?.. — Ванька пожимает плечами. — Увы, эта формула верна. История — как лента в соцсетях. В ней всегда есть всё — и она всегда дает вам видеть именно и только то, что хочется. И с чистой совестью наступать на старые грабли... Еще идеи?

Народ безмолвствует и ждет. Ян приподнимает руку.

— Есть две вещи, два вывода, которые любой лох вроде нас с вами может извлечь из науки истории для личного практического употребления. Первая. Никто не уникален, — скользит взглядом по лицам подростков. — Я тут поминал ваши неповторимые индивидуальности, так? Это правда — в том смысле, что нету двух абсолютно одинаковых людей. Но вот ситуации у нас — всегда одни и те же. Всё, абсолютно всё, что может случиться с любым из вас, — уже с кем-то случилось. Тысячелетия отсюда и до древнего Шумера забиты миллионами ваших двойников. Которые уже миллиард раз воплотили ваш самый дикий кошмар, самый ащкий гемор и самую забойную эротическую фантазию. И умерли. Всё уже было. Всё, что кажется вам беспрецедентным и небывалым... все ваши проклятые вопросы, стыдные желания, безвыходные тупики, безответные любви... Любая священная война, любой крах империи... Всё имеет сто, тысячу клонов в истории. У пчелок с бабочками — то же самое... — послушные смешки; Ян владеет аудиторией. — И вот когда начинаешь это понимать — становишься как-то... трезвее. Спокойнее. Терпимее к людям. Даже к себе самому.

Ян чуть улыбается.

— Ну и вывод номер два. Вытекает прямо из первого. Все эти чуваки и чувихи с заморочками точно как у вас тоже не планировали попадать в учебник. Просто жили себе, решали вопросы. А потом влипли в историю. И теперь... — берет из стопки верхний учебник, небрежно листает его пальцем, будто на лютне лабаёт, — листаем книжечку, а там к ним, к каждому, как к жуку в музее, этикетка пришпилена: мудрец — подлец, вожак — слабак... — Ян ловко бросает учебник на вершину стопки. — И вот будет, конечно, дико круто, если вы... делая какие-то важные поступки и выборы в своей жизни... будете про это хоть изредка вспоминать. Что каждый, вообще каждый из нас рискует попасть в этот музей истории в роли экспоната. Вспоминаете, включаете воображение... — проводит перед собой раскрытой ладонью, — и прямо видите, что бы про вас написали в гребаном учебнике. И вам становится стыдно, — смешки; Ян ухмыляется: — Подвиги вы от этого совершать не начнете, и слава богу... но от рефлекторного свинства это вас, может быть, чуточку убережет.

Встает.

— Вот, собственно, эти две вещи наука история помогает понять... головным мозгом... у кого есть. А ролевые игры... особенно исторические реконструкции... дают ощутить спинным. На собственной буквально шкуре почувствовать. Поскольку вместо своей вы ненадолго влезаете в чужую... — чуть кланяется Тане. — Татьяна, я ответил на ваш вопрос?

Таня в смущении кивает — почти судорожно. Ян — Лизе, которая воздушно взмахивает ладошкой:

— Елизавета?

Лиза наклоняется, почти ложится на парту — так что никуда не деться от зрелища ее отменно оформившегося бюста в декольте; разворачивает экраном к Яну свой смартфон. Там — фэйсбук, стенка пользователя Яна Неверова, фото — на нем Ян в

костюме джедая из «Звездных Войн», рядом парочка чуваков в черно-белых латах имперских штурмовиков.

— Ян Ваньч, — щебечет Лиза с эротическим придыханием, облучая учителя гипертрофированным восторгом из громадных очей. — Раз вы настоящий джедай — у вас же и лазерный меч настоящий, ведь правда?

ЭНСК, ВОЗЛЕ ЛИЦЕЯ. 1 СЕНТЯБРЯ, РАННИЙ ВЕЧЕР

Егор, кусая гематоген, тюленьей походкой пересекает лицейский двор — к калитке. В ушах наушники, в наушниках — «Оф монстерс энд мэн». Летучие младшеклассники стремительно вжикают впритирку туда-сюда — Егор движется как в метеорном потоке. Давит на кнопку замка, дожидается помаргивания светодиода, шагает... Встает. Вынимает из ушей наушники. Двумя колесами на тротуар возле калитки влез «субару форестер» (из салона неразборчиво бормочет радио), на капоте сидит отец Егора — Лёха Машканцев, джинсы, кожаная куртка-«пилотка», дымящаяся крышечка от термоса в руке. Весело:

— Бычью кровь трескаешь? Молоток! — глотает.

— Па-ап?.. — Егор сбит с толку, напрягается. Лёха легко, невзирая на грузность, соскакивает с капота (сейчас, когда отец и сын рядом, очевидно и сходство их объемистых фигур, и разница: мощный, быстрый, каучуковый Лёха — и аморфный, приторможенный Егор), залпом допивает из крышечки, хлопает сына по плечу:

— Ну поехали, — распахивает дверцу.

— К...куда?

— Кататься. Праздник же.

— Я не могу... Пап, у меня тренировка же в семь, — Егор, с фальшивым энтузиазмом.

— А я тебя подвезу, — Лёха еще раз пихает сына кулаком в плечо — и лыбится с таким же поддельным, гипертрофированным задором.

Егор, потерявшись и не найдясь, сует упаковку от гематогена в карман и обреченно плюхается на сиденье. Лёха падает рядом. Трогаются — «субару» сползает с тротуара перед вежливо притормозившим «мерсом»... и сразу оказывается в пробке: забирать чад из школы выстроилась такая же автоколонна по одному, как утром — сдавать.

— Как прошло?

— Нормально, — тускло; Егор, по-птичьей выворачивая голову, глядит в свое окно: там на тротуаре Ванька Мельник треплется с Петриком и еще парой пацанов; у одного в руке пиво — пластиковая литруха, у второго вейп — вылетает красивое облачко пара... Ванька, в свою очередь, отвлекается от компании — смотрит, как Яна Левашова садится в огромный черный джип, дверцу придерживает охранник...

Радио в салоне, меж тем, говорит женским голосом:

— ...Губернатор края Платон Михайлович Губарев сегодня, в День Знаний, начал свой рабочий день с посещения Энского лицея — согласно федеральному рейтингу, подкрепленному мнением многих горожан, лучшей школы города и области. Выступая перед учащимися лицея, губернатор Губарев, в частности, отметил, как важно сейчас...

— Чего он вам втирал? — Лёха.

— Кто?

— Губер-губер, — Лёха кивает на радио.

— Да ничего, — все так же, глядя в окно. — Про патриотизм.

— Ну круто, — Лёха с раздражением смотрит на задницу джипа перед ним, на встречу — она пуста. Вырубает радио, врубает плейер — из динамиков начинает с полуслова звучать русский рэп.

«Субару» медленно переваливает через «лежачего полицейского». Прямо перед ним улицу перебегают высокий парень в темной штормовке с накиннутым глубоким (лица не видно) капюшоном.

— Ты чё вчера дома не был? — в голосе Егора робкая агрессия; попытка контратаки.

— Работал, — Лёха быстро перегибается, достает с заднего сиденья мигалку. — Убийство у меня. Большого человека убили... Авторитетного...

— Ну круто, — Егор, не без яду; после паузы: — Кстати, мама очень на тебя зла.

— С мамой, — Лёха чуть высовывается в окно, шлепает мигалку на крышу «форестера», — я разберусь.

Из мигалки выпрыгивает волчок синего света, взвизгивает невыносимо для уха. Егор морщится. Разбрызгивая сполохи и вой, «Субару» вылезает на встречу, прет по ней.

ЭНСК. ПУСТЫРЬ. 1 СЕНТЯБРЯ, РАННИЙ ВЕЧЕР

...Хлопают дверцы. Лёха и Егор вылезают из машины — посреди пустыря, широко развалившегося во все стороны меж далеких кирпичных и блочных, гипотетически заводских, с торчащими трубами, корпусов.

Неровная — будто поле давней битвы или заросшая диким мясом обширная старая рана — поверхность: оплывшие курганы, ямы, куски бетона с торчащими жилами арматуры, ржавые балки, доски, лом — и все это затянато, густо подернуто сорной злой травой, шпанистым колючим кустарником.

Егор настороженно озирается, стоя возле «субару». Лёха с приклеенной мечтательной улыбкой делает несколько шагов, нагибается, поднимает что-то длинное... ржавый кусок трубы, увесистый, корявый. Удовлетворенно сбивает с него грязь. Оборачивается к сыну (тот смотрит на него оцепенело):

— Дуй сюда.

— Зачем?.. — Егор не трогается с места, Лёха фыркает.

— Жрать тебя буду, сына! С особым вампирским цинизмом! — делает игривый жест трубой. — Иди давай.

— На фига мы тут вообще? — Егор, подходя — с опаской и неохотой.

— Знаниями делиться, — Лёха лыбится. — День знаний же.

Егор неопределенно пожимает плечами, по-прежнему напряженно наблюдая за отцом. Лёха мечтательно оглядывает пустырь, похлопывая трубой по ладони.

— Торпедный завод секретный тут хотели ставить, — сообщает. — Атомные типа торпеды, чтоб Америку с-под воды по шву дербанить. Тектоническое оружие — слышал?.. Во-о... ну, болтали так, — делает пару шагов, пинает расколотый кирпич. — Фундамент залили, каркас воткнули — как прям скелет от бронтозавра, офигенно здоровый. А тут прррр! — делает губами резкий пукающий звук, одновременно двинув трубой по широкой ладони; Егор вздрагивает. — Кирдык империи. Все свободны нах... К осени девяносто второго уже одни руины лежали, Сталинград. Мне тогда, — тычет концом трубы в направлении Егора, — как тебе было, семнадцать, выпускной класс. Только учился я херово, не как ты. Малолетним был бандитом, в целом. И тут у нас, значит... в сентябре... блин, четверть века получается, а?.. во-о... тут у нас разборка была, с ремзаводскими. Ремзавод — это где щас бизнес-центр. А мы же типа портовые. А тут типа посередине, ничейная земля. Пожалте биться...

Лёха опять мечтательно улыбается; Егор смотрит на него с непонятым выражением; Лёха — оживляясь:

— У ремзаводских такой Брега тогда был полевой командир. Береговой фамилия, потому Брега. Реальный танк, два на два, ну вот чесслово — пошире, чем я щас. И там такой нюанс еще, что батя его — кооператор... это бизнесмен по-тогдашнему... всякую шлягу туристическую лудил, и ножи тоже. Так что приходим мы тут, портовые, кто с чем... А эти суки — все с от такими фонарями! — Лёха шлепает трубой по локтевому сгибу напряженной левой, этим не вполне приличным жестом отмеряя калибр фонарей. — Свиной стоят, псы-рыцари. И Брега впереди ну просто с мачете... —

очередная ностальгическая улыбка. — Мы реально обосрались все. Я тоже. А я тогда еще мелкий был, не как ты щас. Со жратвой, прикинь, в девяносто втором было не дико... Но я на этого Брегу смотрю — а у него лыба еще такая, гнусная лыба, в общем, — и прямо ширма у меня рухнула. С земли железную трубу цепанул, — вот, может прям эту, — Лёха вертит трубу в руке. — А чё, кстати, похожа... И прыгнул на него, с-суку. И трубой ему прям по лыбе. Во-о... — ковыряет сорняки и землю концом трубы. — В общем, смяли мы их тогда.

Замолкает. Егор тоже молчит.

— Вопросы есть? — Лёха смотрит на Егора. — Комментарии?

— Лихие девяностые, — Егор, после паузы, угрюмо. — Битва титанов. Я не знаю, восхищен... и все такое...

— Спросить ничего не хочешь?

— Папа, зачем ты мне это рассказываешь? — после паузы.

— На, держи, — вместо ответа Лёха, снова лыбясь, шагает к Егору и сует ему ржавую трубу в руки; тот рефлекторно перенимает; оторопело:

— Зачем?

— Бей меня.

— В смысле?

— Без смысла, блин, просто врежь!

Лёха сам резко взмахивает рукой — показывая, как. Егор пялится на него. Труба в руке выглядит нелепо.

— Ну?!

Егор несмело, медленно тычет в Лёху концом трубы. Лёха уклоняется, чуть шевельнув плечом.

— Нормально врежь.

Егор нелепо подбирается — и наносит, как в дурацкой замедленной съемке, опасливый бейсбольный удар. Лёха, брезгливо сморщившись, отводит — подталкивает в направлении движения, — трубу легким помаванием ладони. Егор, не ожидавший этого, «проваливается» в своем бутафорском махе. Лёха, раздражаясь:

— Ты бьешь или телку по жопе гладишь? — резкий жест. — Вмажь!

Егор наносит чуть более резкий удар — все равно безнадежно слабый и медленный. Лёха опять отбивает его, словно отгоняет муху.

— Вмажь!.. Представь, что врага гашишь! Реального гада!

Егор бьет. Лёха отмахивается — на лице злость от неуклюжести сына; вдруг хлопает того по толстой щеке — не сильно, но оскорбительно. Егор дергается.

— Вмажь!..

Егор бьет. Лёха отмахивается. Хлопает по щеке.

— Вмажь!..

Его бьет сильнее, лицо уже смято гримасой... Лёха отмахивается. Хлопает.

— Вмажь, урод!..

Егор, вдруг заорав, кидается на отца, со всей дури косо рубит ржавой трубой. По-настоящему: неуклюже, неумело — но резко, сильно и зло. Лёха перехватывает — рука Егора с трубой словно попадает в заводские шестерни или корабельный винт, Егора закручивает, подбрасывает, впечатывает. Егор хрипит — на пузе, мордой в землю, в жесткие сорняки, в колючие побеги кустарника. Труба отлетела, тренькнув о бетонные обрубки. Вывернутая кисть Егора зажата в широких ладонях отца, — Лёха прижимает поверженного сына коленом, ломит запястье и локтевой сустав в болевом приеме. Егор хрипит, взвизгивает:

— Пусти!.. Больно!.. Хватит!!!

— Проси правильно!

Свободная рука Егора судорожно хлещет ладонью по земле, как по татами. Лёха тут же выпускает руку сына из клещей, мгновенно и легко распрямляется. Егор

копошится на земле, собирая себя — исцарапанный, перемазанный. Кое-как встает на колени. Лицо искажено рыданиями — подавляемыми, почти беззвучными. Слюни, сопли. Лёха — тоже сразу подавляя проскочившую по лицу брезгливость, — тянет ладонь:

— Дай краба.

Егор дергается, поднимается сам, но Лёха все равно ухватывает его за плечо, вздергивает в вертикальное положение. Лицо Егора корчится в попытке справиться со слезами.

— Н...ненавижу...

— Меня?

— С...себя... Ж-жирный...

Лёха почти удовлетворенно кивает, но прерывает резко:

— Ну и дурак. Ненавидеть надо врагов. Себя надо воспитывать. Ну всё, всё.

Хорош...

Выпускает плечо Егора, осторожно хлопывает. Глядя на мальчика, шагает к «субару», берет термос, наливает в крышку, протягивает Егору — все быстро, ловко. Егор, все еще подрагивающий от загнанных внутрь рыданий, быстро обтирает лицо тыльной стороной ладони. Принимает крышку, делает глоток... Кашляет, выплевывает. Сипло:

— Чего это?..

— Кофе.

— С чем?..

— С водкой. Пей давай.

Егор пьет. Допивает:

— Нельзя же... перед тренировкой... от алкоголя реакция... портится...

— Это кто сказал?

— Сэмпай... Тренер.

— На хер реакцию, — Лёха забирает крышечку, наливает еще. — Ты не для олимпиады дрочишься. Для реальной жизни. В реальной жизни две вещи важные, — сует термос в карман, показывает кулак, разгибает поочередно два пальца, получая на выходе знак «виктори». — Навык... и воля. На одной воле можно всех порвать. А когда еще навык есть... когда знаешь, как... — весь мир твой. Понял?

Егор смотрит на отца; мрачно кивает; уже взял себя в руки — только нос хлопает. Лёха опрокидывает в себя крышечку, деловито:

— Чего тренировки прогуливаешь?

— Меня Ванька сдал? Мельник? — Егор: упрямый взгляд исподлобья.

— Это я тебе вопрос задал.

— Сам не видишь?..

— Чё я должен видеть?

— Я... не могу. Не получается. Нету навыка!..

— Так учись, — Лёха накручивает крышечку на термос, не вынимая его из кармана. — Воля есть — и навык будет.

— А если нет? Воли?

— Есть, конечно, — Лёха разворачивается спиной. — Ты ж мой сын.

Шагает к машине. Егор, не трогаясь с места, набычившись, в очередной раз трет хлюпающий нос тыльной стороной ладони — и повторяет:

— Меня Ванька сдал?

— Никто тебя не сдавал, — Лёха распахивает дверцу, обходит капот. — Город маленький у нас. Все на виду. Так что когда врешь — думай сначала... Давай, поехали.

— К...куда?

— Я ж сказал: подвезу на тренировку, — сам садится за руль.

...Егор плюхается на сиденье рядом с отцом. Лёха — заводя тачку:

— Кстати, чтоб знал. Свинка, если мелким ее не успел словить, вот в твоём уже возрасте — дикая жесьть. Температура сорок, ломает по-черному, а яйца пухнут — во! — показывает кулак. — Болят просто нечеловечески. И детей потом может не быть. Или родятся мутанты какие-нибудь. Со щупальцами.

«Субару», урча, бойко переваливается по пустырю.

— Ты-то откуда знаешь? — Егор, мрачно.

Лёха на миг поворачивает к сыну лицо, ухмыляется и подмигивает:

— Болел.

...Машина удаляется, ржавая труба, снова ненужная, лежит в сорняках.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ. 1 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

В окне — включенный на полные обороты закат: удвоенный зеркалом Большой Воды, неровно обрезанный темными ступеньками индустриально-портовой застройки берега.

Ян в пустом классе за учительским столом: мягкие сумерки, освещение выключено. Перед Яном — неряшливый пасьянс бумаг: отчеты, формы, формуляры. Бледно ксерокопированный разграфленный лист А4: «План дополнительных занятий на .../... учебный год». Как закат — водой, лист продублирован экселевской таблицей на экране ноутбука. На лице у Яна — сдержанная самурайская тоска. В руке авторучка, другая рука на тачпэде. Вдохнув, Ян кликает свернутое окно — таблицу замещает фэйсбучная раскладка.

И тут же отворяется дверь. В класс шагает небольшой, удивительно ладно скроенный мужчина лет 35—45: тонкая талия, широкие плечи, осанка мушкетера или балетного премьера, славяно-арийское, как на полотнах Васильева, лицо, аккуратная русая борода.

— Мучаетесь, Ян Иванович?

Ян шевелением пальца убирает Фэйсбук, потягивается на стуле, цитирует с выражением:

— «Вот она, моя бумажная могила»!

Визитер улыбается — принимает игру:

— По сюжету вы сейчас должны свой ноутбук — шашкой напополам.

— Тогда уж лазерным мечом... — визитер вопросительно приподнимает бровь, Ян чуть разводит руками. — Мои новые ученики так постановили.

— Зубастые, да?

— Палец в рот я бы не положил, — Ян захлопывает ноутбук, с интересом глядит на визави: тот подходит к столу.

— Так меч-то — есть у вас? — интересуется. Говорит он очень чистым, как-то старорежимно, каллиграфически артикулированным русским языком.

— Увы, — Ян вновь разводит руками. Визитер улыбается — улыбка хорошая, умная, несколько чеширская.

— Тогда прошу следовать за мной.

Ян встает — высокий, большой, вдруг как-то громоздкий и нескладный рядом с миниатюрным, идеально сбалансированным визави.

— Вы на белого кролика не очень похожи.

Визави, на сей раз то ли не понимая, то ли не принимая игры, протягивает маленькую жесткую ладошку.

— Королёв Павел Кириллович. Трудовик.

Ян перехватывает ладошку своей:

— Звучит как политическое кредо... — поясняюще: — Была при проклятом царизме такая партия.

Павел Кириллович, чуть склонив чело — пойдёмте-с? — разворачивается, толкает дверь класса.

— Упаси Боже. До Трудовой группы, а также кадетов, октябристов и социалист-революционеров касательства не имею. Ибо всецело стою за монархию.

Они идут по коридору. Павел Кириллович движется исключительно изящно. Ян косится на него с интересом.

— Абсолютную? — уточняет.

Сворачивают на лестницу — вниз.

— В перспективе, безусловно, конституционную. Раздвоение власти — это мудро. Правящая династия — постоянная и для любви. Взаимной с подданными. Всяческие министры с депутатами — переменные и для битья. Также неизбежно взаимного...

— По-моему, у нас принято иначе — кто бьет, тот и любит.

— Ян Иванович, я, конечно, *ватник*, но идеи садо-мазо мне не близки.

Ян озирается: они уже «ниже уровня моря» — в подсвеченном густым желтым светом, выкрашенном гнусной краской цвета дохлого кузнечика полуподвальном аппендиксе. На вид — и впрямь тупиковом: несколько металлических дверей с полустертыми цифробуквенными заклинаниями кажутся запертыми, висит ватная тишина.

— Куда ведете, сусанин?

Павел Кириллович — с чеширской ухмылочкой:

— В нору. Неужели ничего не слышите?

ЭНСК, ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК — ЦЕНТР. 1 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

Закат. Забор: солидный, планки внахлест, как пластины латного доспеха, высокий — метра три. На углах — рыбы зенки видеокамер. За забором — зеленые пирамиды и шары хвойных и лиственных, равнобедренный остроугольный скат чешуйчатой крыши коттеджа. Геометрия богатых: дорогой дом в дорогом дачном предместье — разномастные шале и шато прячутся за крепостных кондиций стенами. А дорога все равно разбита. На ней напротив забора останавливается мотоцикл. Древний «Урал», кустарно (и это видно) проапгрейденный до вполне ничо-себе-байка. Седок — в джинсах и кроссачах, бундесверовской камуфляжной куртке, глухом шлеме. Сзади на сиденье приторочен второй шлем. Седок достает телефон. Звякает отправленная эсэмэска.

Седок снимает шлем. Это Ванька Мельник. Добывает из кармана сигарету... На гребне забора, ловко вбросив себя на руках, появляется девушка. Яна Левашова. Ванька, соскакивая с седла, поспешно сует сигарету в карман, бежит к забору. Яна, ловко толкнувшись ладошками, спрыгивает в его растопыренные руки. Пошатнувшись, устоял; замирает, крепко обхватив Яну. Пытается с ходу поцеловать в губы. Яна подставляет щеку.

— Пусти, — Ванька лыбится, Яна щелкает его по носу. — Пусти, дурачок, щас камеры опять заработают...

Ванька с неохотой отпускает ее. Они бегут к мотоциклу. Ванька протягивает Яне шлем, надевает сам. Садится. Яна запрыгивает к нему за спину. Теперь уже она обхватывает Ваньку.

— Крепче, — с мстительным удовольствием командует Ванька, поддразнивая байк толчками педали.

— Так?

— Еще крепче!

Яна вжимается в широкую Ванькину спину. Мотоцикл, рывкнув, берет с места...

...И останавливается уже в густых сумерках: старый дом, двор-колодец, переполненные мусорные контейнеры, буддийские коты.

...Ванька и Яна подходят к железной двери в полуподвал. Никаких опознавательных знаков. Яна с любопытством озирается. У Ваньки вид уверенный. Он жмет кнопку звонка, берет Яну за руку. Секунда-другая — дверь приоткрывается. Тугие жесткие

децибелы, всплески ядерного света вырываются изнутри, окатывают, толкают Ваньку и Яну. Открывший дверь бритый амбал в футболке Motorhead глядит на Ваньку мутновато; у того по лицу проскакивает уже искра растерянности... — но тут амбал, дернув уголком губ, распахивает дверь шире. Ванька и Яна ныряют внутрь.

...В грохоте тяжелого техно, в световых судорогах, заполняющих подвальный и подпольный клуб-лабиринт, Ванька приветствует по очереди нескольких парней постарше — бритые черепа, мускулы, татухи; стукаются друг о друга кулаки, словно пасхальные яйца; бегло смыкаются-размыкаются объятия; маскулинный ритуал, манифестация древнего дикарского единства — мы племя, мы братья, врагов уьем, печень их съедим.

— Чего братан вне зоны все время? — слегка подзаплывший, расписанный рунами крепыш бегло тычет своим кулачищем в Ванькин.

— Чё я, сторож братану? — солидно пожимает плечами.

Подсмеиваются. Ванька важный, довольный: взрослые крутые парни, респект, мы одной крови... Вдруг, словно спохватившись, оглядывается. Яна, стоя у длинной стойки вдоль стены, глядит на него и парней без улыбки — словно, как это было с Яном в классе (когда он спросил ее об отце), между ней и Ванькой мгновенно повисла в воздухе преломляющая все лучи ледяная линза.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ, ПОДВАЛ. 1 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

— Мерещица!.. То ли баальшаая! То ли мааа-ла-йя! Мееедведица!..

Громовое мяуканье «Мумий Тролля» из колонок, красноватый вулканический свет. В нем самозабвенно и мастерски отплясывает красивая пара: полуволосяная темноволосая дива с завидной фигурой — и мускулистый юноша-адонис, на вид обоим лет по 25—27, не более. Юноша... ба, тот самый, что несколько дней назад ловил покемонов на набережной Большой Воды.

Ян и Павел Кириллович смотрят на танцующих. Они стоят возле обширного верстака, в руках стаканчики с водкой, на верстаке — тусовка графинчиков, бутылей, тетрапаков, ломти пиццы и осетинских пирогов, штабель малосольных огурцов. Еще несколько человек — вокруг верстака в разных комбинациях м/ж: молодые педагоги (все или почти все они мелькали в массовке по встрече губернатора в стенах лицея). Вокруг них — обширное полутемное помещение, чистенькая, новенькая, очень круто укомплектованная помесь цеха и лаборатории: элегантные станки, стенды, полки, колбы, перегонный куб, генератор, какая-то еще внушительная техника, в россыпи стружки — штабель длинных дощатых ящиков с обозначением «хрупкий груз»...

— Союз биологии и физкультуры! — Павел Кириллович кричит в ухо Яну, глядя на отплясывающих красавцев.

— А также физики и английского? — орет Ян ответно; глазами показывает на хихикающую белобрысую полную деваху и что-то ей нежно втирающего здоровенного лысого детину с серьгой в ухе и выползающим из-под толстовки на шею языком разноцветной татуировки.

— Увы нам, это логично!

— Только не просите меня рассмотреть в этой плоскости нашу с вами пару! — Ян скалится.

— Вообще-то я имел в виду социальный аспект, а не сексуальный! — Павел Кириллович грозит Яну пальцем. — Я думал, вы либерал, а вы эротический реакционер! Оба смеются.

— История и труд, как учит нас криминальное аргю, всё перетрут! — Павел Кириллович чуть чокается стаканами с Яном, оба отхлебывают. Грохочут барабаны, вминая барабанные перепонки.

— Звукоизоляция — супер! — Ян, выдохнув.

— Магnezит!

— Что?..

— Магnezитовые панели! — Павел Кириллович, поставив стакан, делает движение, словно сплющивает что-то невидимое меж ладонями. — Сэндвич!

— И водка — супер! — Ян, покивав глубокомысленно про панели, оттопыривает большой палец.

— Так тройная перегонка! На березовом угле!.. — оба опять выпивают; Павел Кириллович неслышно хрустит огурчиком. — Ну что, не жалеете, что я вас привлек к нашей молодежной фракции?

— Чувствую себя самозванцем! — Ян тоже хрустит огурцом. — Какой я молодежь! Я старый хрен, мне сорок два! В утиль!

— Возраст — понятие не физиологическое!

— Моей печени это скажите! — Ян салютует стаканом, снова оба смеются, Павел Кириллович потряхивает перстом:

— Я читал вашу книгу. Это книга... молодого человека! Азартного... идеалиста!..

Ян, шурясь, разглядывает Павла Кирилловича: тот, выпивая, не утратил ни идеальной выправки, ни изящества, ни плавной четкости артикуляции.

— Интересный вы трудовик, Павел Кириллович! Я таких не встречал!

— А каких встречали? — Павел Кириллович беззаботно посмеивается, собирая вокруг глаз на гладком молодом лице обаятельные лучики.

Ян подливает себе из графина:

— Когда я тут учился... У нас труд вел Василий Гаврилыч. Вась-Гав! Отставник, контуженный, на левой руке два пальца! — показывает левую с большим и указательным — оттопырены «кусачками», шелк-шелк; нюхает стакан. — Матом владел — как Третьяк клюшкой! — залпом опрокидывает водку. — Три недели пахал, неделю бухал! Сергей Филиппыч... директор... Вась-Гава не трогал, а к концу запоя сам ящик жигулевского ему подвозил! Реанимация! И к понедельнику — оба-на, матрица-перезагрузка!.. — подхихикивает; обводит рукой со стаканом хайтек-подвал. — А из снаряжения имелся токарный станок... еще до войны списанный... три паяльника и лобзиков с рубанками дохрена!..

— Это все спонсорская помощь! — Павел Кириллович красивым, породистым движением головы обозначает окрестности. — Родители!

— Щедрые у вас родители! — орет Ян, и все смотрят на него: музыка вырубилась, ор звучит во внезапной тишине. Но Ян уже явно поддат — реакция подводит.

— Дальновидные, — негромко поправляет Павел Кириллович. — Понимают, что их детям собирать страну заново. Ручками, — демонстрирует крепкие ладошки; Ян, шурясь, смотрит на внезапно «набитые» костяшки пальцев коллеги. — Стало быть, ручки умелые нужны.

Ян осовело, но цепко изучает Павла Кирилловича, тот вдруг подмигивает, вновь — как будто все еще гремит музыка — наклоняется к уху собеседника:

— Между прочим, Нина Тимуровна весь вечер глядит на вас с большим человеческим интересом.

Ян, чуть качнувшись, разворачивается. Отплясавшая пара — евразийская красавица-биологичка, юноша-атлет; у красавицы в руке стакан; юноша, морщась, придирчиво изучает мелкий шрифт на пачке апельсинового сока; Нина и впрямь разглядывает Яна — и поймав ответный взгляд, не отводит своего.

ЭНСК, ПОДВАЛЬНЫЙ КЛУБ. 1 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

Ванька и Яна — за столиком в подвальном кабаке-лабиринте. Перед Яной — что-то прозрачное в высоком стакане, перед Ванькой — кружка темного пива. Брутальное племя, с которым Ванька так прочувствованно здоровался, тусуется у стойки неподалеку. Технодолбежка: звук такой, словно все происходит в аппарате МРТ.

Яна выглядит отстраненной; Ванька — видящий это — расстроен, но старается держать мужчинскую («я выше бабьих закидонов») марку.

— Это твои друзья? — Яна смотрит на brutальных.

Ванька отхлебывает — тянет время; осторожно:

— Ну... в целом Вадькины скорее.

— Они скинхэды, да? — Яна переводит взгляд на Ваньку, тот неопределенно дергает плечом. — Фашисты.

Ванька, возмущенно — чуть не поперхнувшись пивом:

— Какие нах фашисты, Янк? Нормальные мужики... Просто не гады продажные... Родину любят...

— Родину любят. Черножопых не любят. Так?

Ванька, помедлив; уже явно сдерживая — и не сдержав — раздражения:

— А ты типа любишь черножопых, да? Сходи тогда вечером по Девятке погуляй... Или по Цандера... Без телохранителей только... Пойдешь? Любви тебе будет — вот так, — скалится, чиркает ребром ладони по горлу. — До реанимации.

Ощущение ледяной линзы между Яной и Ванькой явно усиливается. Ванька смотрит на спокойное, слишком спокойное Янино лицо.

— Янк, ну извини... — берет ее за руку. Яна не отнимает руку — но и остается прежней, холодной. Ванька поглаживает ее ладонь. — Ну ты не права просто.

Яна, очень ровно и глядя мимо Ваньки:

— То, что есть уроды, не повод быть фашистом. Можно подумать, русских уродов мало.

Ванька глядит на нее, шурится; мягко — не выпуская руку, стараясь быть доходчивым:

— Слушай, ну чё ты как ребенок? Уроды, не уроды. Дело же не в этом. Просто они тут чужие. А жить по-нашему не хотят. Хотят по-своему. А нас — нагнуть. А я чё-т не готов, чтоб меня нагибали. Тут моя земля, я их не учу, как им в кишлаке жить... — поглаживает руку Яны, улыбается — явно приглашая и ее к переводу спора в шутку: — Как нам Кириллыч долдонит? «Вещество не на своем месте является грязью»...

Яна, язвительно:

— А я им, — кивок в сторону брито-подкачанного прайда, — своя, да? Не чужая? Сучка балованная, дочка мэра-коррупционера?.. Олигарха с темным прошлым?.. Я своя им, Вань? Или все-таки — тоже грязь?..

Ванька играет желваками, медлит. Яна отбирает руку, усмехается — почти неприятно:

— Хотя не, я не грязь, конечно. Я золотой песочек. Меня можно взять — и на бабло обменять. На много бабла. Для правого русского дела много же бабла нужно? Жалко, нормальные мужики, — опять, усмехнувшись, кивает в сторону компашки мачо, — не в курсе... такую щас возможность прощелкают...

— Ну харэ бред нести! — Ванька явно разозлился. — Они мои друзья!

— Так твои или Вадькины?

— Какая разница?!

— Ты им сказал, кто я?

— Я чё, нанимался?!

— А ты скажи.

— Янк, тормози! — Ванька, с трудом удерживая себя от взрыва, хватая кружку. — Ты со мной, тебя тут пальцем никто не тронет!

Опрокидывает в себя пиво долгим глотком. Яна смотрит на его ходящий туда-сюда кадык. Холодно:

— Ты вообще за рулем. Забыл?

Ванька в раздражении шарахает пустой кружкой об стол.

— Мне вторая мамочка нафиг не сдалась! Мне одной во так, — снова чиркает себя по горлу, — хватает!

Несколько секунд взгляды Ваньки и Яны яростно аннигилируют, сталкиваясь в пустоте над столом. Потом Яна дергает головой, резко встает:

— Вань, знаешь, я пойду.

— Куда?..

— Домой, — сдергивает со спинки стула свою куртку.

— Ночь уже! — Ванька теперь не кажется разъяренным, растерянно смотрит на Яну снизу.

— Такси вызову, — Яна разворачивается и шагает к двери.

Ванька секунду тормозит. Яна идет, на ходу вынимая телефон...

— Янк, стой! Я-анк?..

Ванька вскакивает, бросается за Яной. Мачо-патриоты с ухмылками следят от стойки.

Бундесверовская камуфляжная куртка Ваньки висит на спинке стула. В нагрудном кармане — вибрация, нездешний свет, — звонит неслышимый в непрерывном тудум-тудум смартфон. Секунду, две, три...

Прекращает.

29.ЭНСК, КВАРТИРА. 1 СЕНТЯБРЯ, ВЕЧЕР

Голые хрупкие женские плечи, спина, руки; каждая жилка, мышца и косточка проступают в каждом — одинаковом, но все более ожесточенном — движении под бледной кожей; мотается тяжелая грива — брюнетка или густая шатенка; слипаются вокалы — хриловатый женский и низкий мужской, крещендо, синхронное окончание; женщина — она была сверху — обессиленно опадает на партнера; темные волосы, рассыпавшись, скрывают и его лицо.

Секунда-другая — женщина, глухо засмеявшись, отталкивается руками, падает на спину рядом с мужчиной. Мужчина — Лёха Машканцев, товарищ майор. Женщина — на вид между 30 и 40, но притом вечный подросток по типуажу и комплекции: с белой кожей, с компактной трогательной грудкой, маленькая, худосочная (особенно рядом со здоровенным Лёхой). Только глаза — огромные, выразительные — и исключительной густоты и длины волосы. Нервный чахоточный тип, эльф-заморыш.

Это Оля Мельник, мать Вадьки и Ваньки; Фасолька.

Лёха смотрит на нее сбоку, чуть повернув голову. Потные после любви, они лежат на типовой тахте в типовой комнате типовой панельной хаты, прогорклое фонарное масло сочится сквозь банальную тюлевую занавеску на скученную скучную обстановку.

— Хочу еще вина, — Фасолька, хриловато.

Леха, чуть сместив центр тяжести, шарит за тахтой, добывает бутылку грузинского полусладкого, сам делает мощный глоток из горла, протягивает Фасольке. Она садится, скрестив ноги по-турецки, — облитая желтым тревожным светом. Пьет. Лёха продолжает любоваться ею: сейчас его лицо кажется не одутловатым — а мягким, подтаявшим от непривычных эмоций.

— Фасолька, — и голос такой же, размягченный, как пломбир летом. — Я тебя люблю.

Фасолька обтирает губы ладонью. Медлит. Не глядя на Лёху, ровно:

— Тогда оставайся. Расскажи всё своей Гале. Разводись. Живи со мной.

Лёхино лицо застывает; взгляд, отскочив от тоненького силуэта Фасольки, оборачивается внутрь. Лёха явно через силу открывает рот — что-то же надо ответить. Фасолька быстро кладет палец ему на губы.

— Чшшш. Извини, Лёшенька. Просто трудно удержаться, когда ты сам подставляешься, — чуть улыбается. — Я же все знаю, что ты скажешь. Да сама я уже столько лет мать-одиночка... привыкла... — хмыкает. — Смысла нет менять.

Леха благодарно целует ее палец. Берет своей мощной кистью — ее хрупкую,

птичью. Разглядывает, разглаживает. Фасолька следит за ним все с той же грустной улыбкой.

— Какие пальцы у тебя красивые. Пальчики.

— И какие же?

— Тонкие. Легкие. Нежные... — Лёха вдруг легко и быстро, без усилия садится рядом с Фасолькой, заглядывает ей в глаза, держа Фасолькину ладошку меж двух своих: — Слушай, это неправильно, что ты больше не играешь. Тебе надо играть.

Фасолька делает еще глоток из бутылки.

— Поздно мне играть, Лёш.

— Не, ну чего значит — поздно? — Лёха явно рад сменить тему. — Фасолька, ты офигенно играешь. Как в филармонии... — просияв: — А хочешь, я тебе рояль подарю?

— У исламского террориста конфискуешь?

— Перестань, я серьезно. Какой самый хороший рояль?.. — неуверенно. — «Станвей»?..

— Алёша, — Фасолька, отобрав у него руку, гладит его по щеке. — Ну какой «Стэйнвей»? Куда я его дену? На потолок?..

Лёха думает, что бы ответить — не вылезая опять в зону преступной безответственности. На столе зуммерит телефон. Фасолька сует Лёхе в руки почти допитую бутылку, невесомо мазнув Машканцева рассыпчатыми прядями по груди, соскакивает с тахты. Берет телефон — на экране не имя, номер.

— Алё?

— Мам, это я, — голос Вадьки. — Вслух только меня не называй.

— Что?.. — растерянно.

— Имен не говори никаких. Ты одна?

Фасолька невольно быстро оглядывается — сидящий на тахте Лёха, мощный, гладкий, подсвеченный, похожий сейчас на изваяние Будды, допивает вино из горла.

— Н-нет... А что...

— Брат дома?

— Гуляет... Что случилось?

— Ничего не случилось. Все хорошо. Ты с ментом, да?

— Да в чем дело вообще?! Зачем ты...

— Извини. Все окей. Просто не говори ничего. Ни ему... Никому.

— Я не понимаю.

— Все в порядке. Не, правда, прости. Я должен уехать тут срочно... по делам... ненадолго. Хотел тебя увидеть. На пять минут. Можешь утром?

— Я... к восьми же — на работу.

— До работы. Помнишь — где вы с папой любили гулять? Ты мне еще говорила?

— Помню, — Фасолька снова оглядывается; Лёха смотрит на нее.

— Вот там. В семь ровно я буду. Тачку возьми, я деньги верну. Хорошо? До завтра.

— Подожди...

Дзынннн оконченного разговора. Фасолька заторможенно — ошалело, встревоженно — отнимает трубку от уха, глядит на нее, как на незнакомый и непонятный предмет. Спыхватывается, жмет «перезвонить» — на определившийся номер.

«Извините — телефон абонента выключен или находится вне зоны...»

— Случилось что-то? — Лёха, ровно.

— Н-нет, — Фасолька встряхивается, улыбается — почти не фальшивя. — Подруга... Инна, помнишь ее?.. Муж бросил... девушка психует. Хочет выговориться... — дергает тощими плечиками, как бы небрежно отправляет телефон на стол. — Истерика... Сам понимаешь...

Запрыгивает на тахту. Лёха с сомнением поглядывает на нее. Фасолька хватает у него из рук бутылку — пусто:

— Ты чего, все выпил, что ли?..
— Это точно не Вадька звонил?
Фасолька вздрагивает:
— Мог бы мне оставить... — отбрасывает бутылку в узел скомканного белья, беззаботно. — Да не Вадька, не. А в чем дело-то?
— Он как вообще?
— Да ничего вроде... Вроде механиком устроился...
— А где? — Лёха улыбается заинтересованно-светски.
— В компании какой-то, грузы-перевозки... Я же не разбираюсь... А что ты спрашиваешь, Лёш?
— Надо с ним поболтать.
— Так ты позвони ему.
— Я звонил. Номер заблокирован.
— Да?..
— Ну, — Лёха чуть разводит руками. — Так что он когда позвонит, ты попроси его, чтоб меня набрал. Хорошо?
— Хорошо... — Фасолька, склонив голову набок, смотрит на Лёху. — Лёш... В чем дело?
— Да нет никакого дела.
— Не, погоди, — Фасолька берет его за запястье. — Зачем тебе Вадька? Он что, натворил чего-нибудь? Лё-ош?..
— Просто надо поговорить.
— Про что?
— Фасолька. Перестань. Я офицер все-таки.
— А я его мать.
— А ощущение такое, что адвокат.
— Алёша!
— Фасоль, не нагнетай! — Лёха чуть морщится. — Слуш, ну у меня вчера важного озера замочили. Хозяин Малиновского рынка. Ну ты же слышала наверняка.
— При чем тут Вадька?
— Да ни при чем... — Фасолька глядит в упор; Лёха — недовольно: — Сама знаешь. Он общается же теперь со всякими... Россия для русских, хачило на мыло... Друзей таких себе завел... Ну и вот — вопросы к нему возникают. Про друзей.
Фасолька темными тревожными глазами часто-часто сканирует Лёху. Тот старается держать покерфэйс. Но не удерживает, нервничает, злится от этого перехода любовного рандеву в плоскость допроса, где следователь — не он.
— Вадька тебя как свидетель интересуется? — от волнения голос Фасольки становится тоньше, плоче. — Или как подозреваемый?
— Как конь в пальто.
— А у тебя вообще есть подозреваемый?
— Перестань.
— Есть или нет?
— Ну какой подозреваемый?! Этого кабана вчера только завалили.
— Значит, нету подозреваемого. А тебе надо, чтоб был. Я знаю. Ты же мне сам объяснял...
— Фасолька, стоп!
— То есть ты от меня хочешь, чтобы я собственного сына сама...
Лёха хватает Фасольку широченными ладонями за узкие плечики; встряхивает:
— Ты чего, дура совсем?!

Фасолька издает жалкий звук сдувшегося воздушного шарика, сжимается в бледный комочек, занавешивается волной волнистых волос. Лёха отдергивает грабли, как от раскаленной сковородки, мигом тухнет. Виновато:

- Прости.
- Фасолька — глухо:
- Иди домой, Лёш.
- Фасоль...
- Вскидывает хрупкую, тонкую лапку:
- Прямо сейчас иди.

ЭНСК, НОВАЯ ЗАСТРОЙКА. НОЧЬ С 1 НА 2 СЕНТЯБРЯ

Мрачный Лёха останавливает «субару» в парковочном квадрате возле подъезда. Вылезает — взъерошенный, куртка в руке, с плеча свисает рюкзак, под расстегнутой нейлоновой жилеткой болтается в наплечной кобуре люгер. Квакает сигнализацией, задирает голову, тяжело смотрит на светящиеся кустами окна жилой высотки. Высотка — одна из нескольких: типичные псевдоэлитные ульи нулевых, каких изрядно тогда повывахало на нефтяных стероидах по живописным окраинам небедных русских миллионников. Где-то там, среди светящихся сотов, — и его, Машканцева, жилые ячейки, жена, сын...

— Майор Машканцев, если не ошибаюсь?

Лёха резко разворачивается, рефлекторно кидая правую к рукояти пистолета. Силуэт долгового мужчины — как на жердочке, на низкой металлической ограде новенькой детской площадки. Лёха секунду вглядывается; брови лезут вверх.

— Неверов?.. — не веря. — Ян?!

Ян встает, чуть качнувшись. В руке у него графинчик — один из тех, что паслись на верстаке в трудовом бункере; в граненом стекле плещет прозрачное. Ян ухмыляется:

— Товарищ Муха!

— Янычар!.. — Лёха, только что мрачный и грузный, вдруг прыгает вперед, роняя рюкзак, обхватывает длинного Яна, мигом отрывает его, смеющегося, от асфальта, вертит, как тряпичного: — Янычар, сука!..

ЭНСК, БОЛЬШАЯ ВОДА — КАТЕР. РАННЕЕ УТРО

Лёха — он за штурвалом — резко вырубает движок. Катер сникает, обиженно вспахивает воду только что задранным носом, но по инерции шустро идет вперед. Та же сила инерции дребезжит по дну пустыми пивными жестянками. Их перекачивается много. И полные тоже еще есть — в картонном ящике на корме. Возле ящика сидит на скамье Ян — малость остекленевший, как и Лёха, от ночного пьянства, но странно (как и Лёха) бодрый, помолодевший.

— Нефигово, да? — Лёха оборачивается от штурвала, охватывает пейзаж хозяйской ручищей; колебля катерок (беспонтовый — не яхта олигарха), ковыляет к корме.

Ян глядит: ну да — нефигово. Зефирное, взбитое, подтекающее розоватым сливочным светом небо невесомо лежит на сонном, нежном слое воды; штиль — лишь кильватерный клин катера морщинит акваторию, баржи и буксиры вдалеке недвижны, и громадные колонны дымов над жерлами заводов и ТЭЦ монолитно мерцают, как мраморные; тишь; темный еще, цельный массив берега — ажурная фатаморгана портовых кранов впаяна в бледный янтарь восхода; мир с утра словно недосотворен — или как минимум не распакован.

— Дзен!

Лёха падает на скамью напротив Яна. Выдергивает из ящика два поллитровых цилиндрика, «козой» (большим и мизинцем) подцепляет колечко-чеку сразу на обоих, дергает. Углекислое бурление. Сует банку Яну.

— Ну, по одной — и арбайтен.

Как-то сам вдруг разом тускнеет, большими глотками фигачит пиво. Кадык снует, как лифт. Ян потихоньку прихлебывает свое, наблюдает друга:

— Что, борец с экстремизмом, не радуется арбайт?

Лёха, отдуваясь, отлепляет от рта практически пустую банку. Глаза вмиг подернулись влажной пленкой вовремя купированного похмелья.

— Не, ну как. Периодически, конечно, экстремально блевать хочется от всех этих... блогеров, хреёгеров, муфтиев, хреюфтиев... В убойном все было конкретнее.

— Я так понимаю, конкретно сейчас у тебя — практически как в убойном.

— Практически... — Лёха залпом добивает банку, кривится, мечет ее со звоном к товаркам. — А чисто теоретически — я бы этого Саяфа сам с большим чувством закопал. Лет двадцать причем назад...

Ян — поболтав пиво в банке, посвистев сквозь зубы:

— Увольняйся.

— Чтобы что?.. — криво улыбается; не дождавшись от Яна ответа: — Поздняк метаться.

Ян продолжает исподлобья изучать Лёху.

— Да, понятное ощущение. Что точка бифуркации пройдена... — с иронией. — Помнишь такую точку?

Лёха тычет Яна кулачищем в плечо, ржет:

— Не, ну Янычар, ты чё — рамсы попутал? Я же мент, единица тупизны! По точкам — это не ко мне ваще! По почкам — пожалста... Или по очкам... Я точку джи — и ту хрен найду...

— Муха, не жужжи. Гордый, блин... — Ян прихлебывает, назидательно: — У меня половина коллег не в курсе, чё за точка бифуркации.

— Заточка бифуркации, двести двадцать вторая, пункт четыре! — Лёха опять ржет, обрывает смех. — Че-то типа камня в сказках, так? Налево пойдешь — коня потеряешь, направо — кони двинешь, блабла? И свернуть можно куда хошь... А когда уже свернул... — Лёха рубит воздух ребром ладони, — то до упора?

Ян, кивнув, салютует банкой:

— Образно, дельно.

— Куда нам до столичной хипстоты... Ну и где у нас с тобой был камушек? — майор ухмыляется (мол, мы ж трепемся просто, дурочку валяем), но ощущение — словно он и впрямь ждет от умного друга точного ответа.

— Да где угодно! — Ян изображает работу мысли. — Может, надо было тебе после школы жениться на Фасольке...

Лёха фыркает:

— Я б женился. Это ж она меня — в упор... — помахивает туда-сюда ладонью перед носом.

Ян усмехается, вспомнив; мотает головой:

— Слушай, но этот сын Ванька... Иван, блин, Робертович... Я вообще не сомневался, что просто однофамилец. Чтоб Фасолька, дюймовочка наша, — такого лба родила...

— Это ты старшего еще не видел.

— А кто у нас... папа Роберт был?

Лёха — с заминкой и неохотой:

— Ну как... Офицер. Спецназ. На Кавказе в нулевом убили. Вадьке пять, Ванька вообще в пузе сидел...

— А чего у них фамилия материнская?

— Гражданский брак, — Лёха, сухо, пожимая плечами.

— Военно-полевой, — усмехается Ян; видит, что Лёхе шутка неприятна, резко закольцовывает:

— Короче. Предположим, тебе надо было жениться на Фасольке. А мне — на Аське. Наклепать детей...

— А Зельцу на ком надо было жениться?

Ян с комически-задумчивым видом скребет репу:

— Мм... На правой руке? Хотя нет, он же левша... — Лёха ржет; Ян: — А чего, у Зельца тоже жизнь не удалась? Я думал, он тут еврей при губернаторе...

— Погоди, он же немец! — Лёха удивленно.

— Да не, я в том смысле, что серый кардинал.

— А, — Лёха, с некоторым облегчением: — Это да. Консильери.

— Ну, Муха, мент — а какие слова...

У Лёхи громко звонит телефон — основной, «рабочий». Ян замолкает — еще до того, как Лёха делает соответствующий жест.

— Машканцев, — Лёха слушает; лицо его напрягается — скепсис?.. азарт?.. — Кто?! Так. Что ты?.. Та-ак. Так. Где?! — теперь на лице веселое изумление; Лёха дергает башкой, вглядывается в берег... — Погоди... хуясе... Нет, просто я щас прямо напротив. Где-где, на бороде! В тазу плаваю! — трясет головой, словно собеседник может его видеть. — Нет! Никаких без меня движений! Через десять минут! Всё, конец связи!

Прерывает разговор. Встает — чуть качнув катерок: ноздри раздуваются, в тяжелом теле зримо ворочается потенциальная энергия, жаждет перевода в кинетическую. Быстро шагает к штурвалу катера, врубает движок... Ян с банкой пива в руке смотрит на него настороженно. Лёха, словно почувствовав его взгляд, оборачивается, наводит на резкость, нервно скалится:

— Янычар, поздравляю: ты попал.

Выжимает рычаг, катер вскидывается, рывкает, рвется.

ЭНСК — ВОЗЛЕ ЗАБРОШЕННОЙ ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ. УТРО

Халупа лодочной станции — в окулярах бинокля. Варикозная, старчески облезлая дощатая стена, кривое крыльцо, след от круга и багра, стенд... Мутное окно в паутинную трещинку...

За окном кто-то проходит — мелькает темный силуэт.

Лысый — бледный, вяловатый, тощий мент-капитан, помощник майора Машканцева — отнимает бинокль от глаз, оборачивается, часто помаргивая. Лысый — в накинутой поверх обычной полицейской формы камуфляжной куртке, в резиновых сапогах — уныло торчит из буйного куста. Через полянку к нему, пригибаясь, трусит в сопровождении дюжего собровца Лёха Машканцев. Собровец — в полной штурмовой экипировке: броня/разгрузка, балаклава, сфера, помповик «Рысь»; там и сям в зарослях — обхватывая полукольцом с суши лачугу — еще собровцы. Лёха — как был в штатском (джинсы закатаны до колен — но мокры и выше), на ходу подтягивает ремешки надетого поверх футболки чужого бронежилета с разгрузкой.

— Скока их там? — Лёха, подкатываясь, громким шепотом.

— Вроде четверо.

— Чей сигнал был?

— Да хэ зэ. Аноним. Отстучал и положил трубку. Номер эмтээс, бесхозный...

Лёха изымает у Лысого бинокль.

— Откуда звонок, засекли?

— Издеваешься?

— Развлекаюсь, — Лёха пялится в бинокль. — А с хуя ли мы верим, что это наши клиенты?

Лысый пожимает плечами с видом полного уныния и безразличия.

— Там четверо — и тут. Чисто на глазок — подходят. Возраст, рост... пол...

Прячутся, опять-таки...

— А если це подставные? Не разводят нас, а?

— Да хэ зэ. Возьмем — спросим.

Лёха резко отнимает от глаз бинокль, скалится. Тычет бинокль обратно в руки Лысому, вынимает из кобуры табельное.

— Ну, погнали?

ЭНСК, БЕРЕГ БОЛЬШОЙ ВОДЫ — КАТЕР. УТРО

Катер — у самого берега на мелководе. Швартовочный конец примотан к торчащей над водой кривой сосенке.

Ян — один на борту.

Бросает взгляд на часы, кривится, трет морду: щетина.

Вздыхнув, берет еще банку пива. Чпокает. Уворачивается от султана бежевой пены, приникает. Ставит банку на скамью, сдержанно рыгает.

Присев на корточки, дергает дверцу шкафчика возле штурвала. Роеся: какие-то таблетки, бумажки, монеты, надорванная упаковка презервативов, пачка Голуза (Ян встряхивает ее — что-то есть! — прихватывает себе), пластмассовые футляры сидюков — хлам, хлам: русский шансон, попса... Вдруг — Нирвана, Невермайнд, 1991. Пиратская бледная обложка — ч/б ксерокс оригинальной, с плывущим за долларовой купюрой младенцем. Привет из юности.

Ян кривовато усмехается. Встает, вертя диск.

Поворачивает ключ, оживляя вхолостую движок. Врубает музыкальную систему. Скармливает щели «Нирвану».

Делает погромче — наглый лихой старт, первые аккорды Смеллз Лайк Тин Спирит...

Ностальгически улыбаясь, подергивая в такт башкой, Ян лезет в пачку Голуза. Непонимающе смотрит на то, что там вместо сигарет: крошечный стеклянный цилиндрок с притертой пробочкой — вроде тех, в которые разливают пробные духи. Только в цилиндрике — белый порошок. Ян осторожно вынимает пробочку, осторожно высыпает крохи порошка на кончик пальца. Нюхает палец, сует в рот, втирает крупинки в десну. Ухмыляется:

— Ну Муха... ц-цокотуха...

Задрав цилиндрок, сует обратно в пачку. Пачку, помедлив, в карман. Сканирует пейзаж под суицидальный кобейновский кач из колонок. Пустая отмель, безлюдный берег, томный простор Большой Воды, медленно набухающее светом утро. Turn the lights out — it's less dangerous... here we are now — entertain us... Ян снова помимо воли потряхивает чайником, поднывает еле слышно Курту...

ЭНСК — ЗАБРОШЕННАЯ ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ. УТРО

Мел — в захлавленной комнатке-кладовке; сломанная мебель, трухлявые книжки, толстая сырая труба изгибается от пола к потолку. Тусклый свет из круглой бойницы. Мел с усилием выдирает из большого армейского рюкзака рубчатый шестидесятнический свитер с горлом, утрамбовывает оставшееся, затягивает бечевку — словно гарроту. С рюкзаком в одной руке (вздувая бицепс — тяжелый!) и хэмовским свитером в другой пинает дверь (поверху снабженную ржавой пружиной), перешагивает коридорчик, входит на кухню.

У стола (маленький кемпинг-газ с походным чайником, жестяные и стеклянные банки, россыпь разномастной грязной посуды) — Ронни на табурете, подросток Захар на перевернутом ящике. Кир у окна — спиной к стеклу, сидит на подоконнике, нервно жрет доширак. У Захара вид прибитый. Он похож на зяблую помойную птицу. Ронни — на лице отчетливые, едва поджившие вещдоки ярости Мела — не смотрит на вошедшего; так бесстрастен, что ясно — на взводе. С пластикой раздраженного робота лезвием здорового ножа измельчает на столешнице чересчур крупную шалу. Фольга с остальным продуктом и упаковка голландских папиросных бумажек — рядом.

Мел швыряет рюкзак в угол, свитер поверх.

Кир с хлопаньем, как японец, всасывает лапшу:

— Так я не понял, нахера теплые шмотки. Лето же.

— Ты меня вообще слушал? — Мел подходит к столу, берет кружку, нюхает. — До границы области фурой поедом. Я договорился. В рефрижераторе, с морожеными баранами. Там минус восемнадцать, ты за два часа околеешь, как генерал Карбышев.

— Кто? — спрашивает Захар. Ему не отвечают. Кир, саркастически:

— Ты по ходу не с тем же волшебником договорился, который нам патроны и камеру подогнал? А то так баранами и останемся. Морожеными, нах.

— Остроумно, — Мел встряхивает жестянку — кофе-растворяшка, еще есть — что-то сыпуче брякает внутри. Захар странно, быстро смотрит на него; сразу опускает взгляд. Мел высыпает содержимое жестянки в кружку.

— Ага, — Кир нервно выскребает остатки доширака. — Аж сам уссываюсь.

Ронни, игнорируя дискуссию, педантично выравнивает измельченную шалу на папиросном лоскутке.

— Мел, а зачем это все? — Захар, тихо.

— Что? — Мел заливает кофе кипятком из чайника.

— Ну — фура... в морозилке прятаться... как будто нас с собаками ищут... — Захар зябко передергивает плечами. — А про нас, может, вообще не знает никто...

Мел прихлебывает. Молча разглядывает Ронни. Захар, не дождавшись реакции, продолжает на той же монотонной ноте:

— Может, нас вообще никогда ловить не будут. Может, нам вообще никуда не надо уезжать.

— Подождем, проверим? — Мел, хмуро. Захар умолкает. Еще больше нахохливается. Мел, не глядя на него, обходит стол и останавливается над Ронни. Тот отложив свой свинорез, подрагивающими пальцами, но очень тщательно сворачивает самокрутку. Мел прихлебывает, показывает оттопыренным пальцем:

— Это что?

Ронни, на секунду подняв на Мела угрюмый взгляд, молча продолжает сворачивать.

— Убери.

Ронни игнорирует. Мел, сыграв скулами, накрывает самокрутку и пальцы Ронни свободной ладонью. Весомо:

— Ронни, брат. Разбежимся — и задуйся хоть наглухо. А пока — я за тебя отвечаю.

Ронни смотрит на Мела снизу. Измордованная морда опасно подрагивает — будто от мелкого тика.

— А ты мне кто? Мамочка?

— Я тебе командир.

— А я дембельнулся, нах! — Ронни, щерясь, выдергивает из-под ладони Мела свои пальцы; из папироски от резкого движения щедро сыплется трава. Ронни швыряет самокрутку на столешницу, вскакивает, с грохотом двинув табурет. Мел ставит кружку на стол. Ронни резко вскидывает навстречу Мелу оттопыренный средний палец. Истерически:

— Пошел ты, Мел! Пошел ты!..

В черных глазах Мела — сполох ярости; Кир и Захар замирают; мгновение чреватой нестабильности — сейчас Мел взорвется, врежет Ронни; а тот ответит; а...

Польхающий взгляд Мела гаснет: упала заслонка. Мел демонстративно вскидывает ладони. Шероховатым столярным голосом:

— Тебе жить.

Не глядя ни на кого, выходит в коридорчик, грохает дверью кладовки. Кружка остается на столе. Ронни опускается обратно на табурет. Зло раскурочивает неудавшуюся самокрутку. Достает другую бумажку. Ладонью принимается сгребать траву на нее.

Захар тербит ворот, словно ему душно. Вдруг тоже вскакивает — и выскакивает прочь из кухни, через коридорчик, толкает дверь, вылетает на крыльцо...

И сталкивается нос к носу с собровцами: с разных сторон они стягиваются к халупе, прямо перед крыльцом — майор Машканцев с пистолетом в окружении нескольких здоровенных, будто звезды американского футбола, штурмовиков (Лёха, впрочем, и без брони не уступает им калибром). У одного в руках таран для вышибания дверей — огнетушитель-переросток.

Тянется резиновая секунда всеобщего подвисяния...

Лопается — расплескиваясь звуком и движением.

— Менты!.. — Захар, сипло, истошно: — Шухер, мен...

Кидается обратно в дверь — но громадный собровец припечатывает его в бедро торцом тарана. Захар, как кукла, отлетает в стену, от стены — на колени; получает берцем сбоку в харю — мотнув башкой, выбросив лоскут кровавой слюны, рушится на доски крыльца и там остается. Запинаясь об него, стучаясь литыми плечами в узком проеме двери, собровцы рвутся в халупу. Лёха — за ними, среди них.

Судорога броуновского насилия: всё хаотично и одновременно.

Коридорчик мгновенно и до отказа забит мощными телами собровцев.

Из двери кладовки в него с ревом, замахиваясь, выпрыгивает Мел — прямо на Лёху. Лобовое столкновение, большой бабах — опознать друг друга они не успевают; Лёха — он гораздо массивней, — облапив Мела, сносит его обратно в кладовку, они рушатся на пол.

— На пол! На пол!..

В кухню врываются собровцы: безликие терминаторы из футуристического кошмара — в балаклавах, в своей броне из космооперы, с вороненым железом для убийства в руках. Всё отчетливо похоже на то, как Мел и компания врывались к Саяфу — только теперь роли сменились, и Власть, как ей положено, выглядит страшной и безжалостней.

— Всем лежать!..

Кир головой вперед выпрыгивает в окошко, вынося раму, разбрызгивая мутное стекло. Ронни, напротив, бросается на ментов: рожа перекошена, свинорез в руке, вопль. Резкий круговой мах — один терминатор с уханьем отшатывается, зажимая разваленную клинком щеку, из-под перчатки с обрезанными пальчиками волной хлещет кровь. Ронни делает еще выпад — грохочет, и заряд помповика швыряет Ронни спиной на стол. Вместо горла у него алая, почти непристойная влажно-вывороченная морская звезда, лицо — белая маска в багровую крапинку. Второй выстрел разворачивает ему грудь и отбрасывает на пол. Идеально свернутая самокрутка лежит на столе — испачканная артериальной кровью.

В кладовке Лёха и Мел вскакивают — Мел хватает отломанную ножку стула, Лёха наводит на него пистолет... И снова миллисекунда обалделого паралича: опознают друг друга. У Мела, вмерзшего в воздух с деревяшкой в деснице, в позе матроса-гранатометчика с картины Дейнеки, глупо приоткрывается рот. У Лёхи лицо — как у глиняного голема. Из-за широченной Лёхиной спины уже лезут стволы собровцев. Лёха мучительно, как пловец из водоворота, выныривает из этой неподвижной секунды, бьет по стволам, отводя их, страшно каркает:

— Не стрелять!!! Не стрелять!!! Я сам!!!

Прыгает на Мела. Тот нелепо даже не бьет — скорей, отпихивает майора ножкой стула. Лёха, вообще не замечая этого, вздергивает Мела в воздух, шарахает об пол, рожей в доски, падает сверху, ломит руки, зажимает запястья в никелированных браслетах. Рык, хрус, рушатся предметы, вокруг и над — собровцы, как живая камуфляжная стена, среди них — Лысый, узкий, вялый, по контрасту кажущийся представителем другого биологического вида. Лёха, прижимая хрипящего, бьющегося Мела коленом к полу, шарит по всем жутким, бешено-бессмысленными шарами, цепляется за силуэт Лысого:

— Стас!.. — хрипит Лёха. — Пстой с ним!..

Стас — Лысый — шагает к Мелу. Лёха подбрасывает свою тушу с пола, распахивая собровцев, кидается на кухню: тоже собровцы, вынесенное окно, тело Ронни в луже крови, один из ментов присел над ним на колено.

— Четвертый?.. — хрипит Лёха.

Собровец у окна — бегло глянув наружу:

— Взяли.

— Этот жив?.. — кивок на Ронни. Собровец, стоящий на одном колене, отрицательно мотает головой и чикает пальцами: готов, «двухсотый».

— Еще кто-то?..

— Чисто, — один из терминаторов.

Лёха разворачивается, кидается обратно в кладовку. Пара собровцев — смотрят из прорезей выжидающе; лысый капитан Стас — равнодушно, слегка вопросительно; Мел ворочается на пузе, дышит со свистом, мучительно задирает голову — то ли с ненавистью, то ли с ужасом, не понять.

— Все вон. Стас — снаружи подежурь.

Собровцы неуверенно выметаются, Стас шагает следом — послав начальнику уже отчетливо вопросительный взгляд; Лёха бешено машет — вон! Толкает дверь. Еще до того, как щелкает язычок, рывком переворачивает Мела — и дает ему в рожу, раз и еще раз.

— Идиот!.. — орет шепотом, нависая, давя. — Ты что наделал?! Ты хоть понимаешь, идиот, что ты наделал?!

Мел, булькая разбитым ртом, пялится на Лёху снизу черными зенками.

— Кто стрелял?! — трясет его Лёха. — Ты?!

— Я вас... дядь Лёш... не понима...

— Идиот!!! — Мелов чайник мотается туда-сюда, Мел прикусывает язык. — Отвечать, быстро!.. Ты стрелял?! Ты?! Ты?!

— Н-нет!.. — сипит, наконец, Мел.

— Кто?! — рывок, лязг зубов. — Кто?!

— За...хар...

— Кто из них Захар?!

— Мел...кий...

— Где ствол?! — Мел мучительно щурится, видно — сейчас опять будет отпираться, Лёха опять мощно встряхивает его: — Идиот!.. Нет времени!..

— За трубой!.. — сипит Мел, дергает лаково-бордовым подбородком. — Там!..

Лёха вскидывается, прыгает к толстой трубе, змеящейся по стенке. Шарит за ней, с треском выдирает револьвер системы «наган» — торчат полоски скотча, которым он был прилеплен к трубе вместе с полиэтиленовым пакетиком, полным патронов.

— Еще есть?! — нависает над Мелом. Тот отрицательно мотает башкой, сплевывая юшку себе же на шею. Лёха, торопясь и путаясь, запихивает револьвер и патроны в гнезда разгрузки. Рушится опять рядом с Мелом — тот рефлекторно шарается. Хватает Мела за грудки, скручивает окровавленный жгут в кулаке, рвет на себя, страшным жарким шепотом:

— Кто стрелял — ты не видел!.. Получил в репу, поплыл!.. Где ствол — не знаешь!.. Понял меня?! — встряхивает. — Понял?!

Мел судорожно кивает. Лёха, дыша практически так же часто и тяжело, как Мел, отстраняется немного (но ворот не выпускает), плющит жутким взглядом. Словно спохватившись, лезет в карман, вытаскивает пакетик с патронами; звякает им, опять нагибается к Мелу — глаза в глаза:

— Кресты зачем?! — встряхивает молчащего Мела. — Что значат?! Это хэ?! Холостые?!

— Да, — тихо.

— Тебе сказали, что это холостые?! — встряхивает.

— Да.

— Кто сказал?!

Мел молчит, глаза сужаются; Лёха встряхивает.

— Кто дал тебе ствол?! Саяфа — кто выбрал валить?! Кто?! Имя!..

Разбитое лицо Мела каменеет: не отвечу.

— Идиот!..

Лёха замахивается свободным кулачищем — с зажатым в нем пакетиком патронов. Мел сжимается, зажмуривается — готов принять удар. Лёха удерживает себя на замахе, миг-другой балансирует со вскинутой кувалдой, желваки ходят... Роняет кулак, отбрасывает Мела, встает. Не глядя больше на него, на ходу пряча патроны, толкает дверь:

— Этого пакуйте.

За его спиной лысый Стас и собровцы входят в кладовку. Лёха танком прет к выходу, вываливается на крыльцо. Жадно, сипло дышит, озирается. Возле халупы теперь не протолкнуться — несколько полицейских машин, автозак-фургон, деловитые собровцы. Один — весь в крови и марле, товарищ заканчивает перетягивать ему бинтами лицо — поперек распоротой щеки. Подросток Захар — без сознания ничком, руки стянуты сзади. Кира — тоже в браслетах, но бьющегося в истерике — двое собровцев волокут к фургону. Кир орет на предельном заводе:

— Суки!.. Вы на хер суки не русские ни хера!.. Предатели гребаные!.. Пипец вам!.. Наша власть русская будет — пипец вам всем!.. Предатели, суки!.. Это наша страна!..

Лёха, расхристанный, окровавленный, похожий сейчас на разъяренного бандерильями быка, сквозь мутную пленку амока пялится на дрыгающего ногами Кира. Быстро шагает к нему с крыльца. Собровцы шарахаются с траектории майора. Лёха тычком обеих ладоней вышибает Кира из рук конвоиров-носильщиков — те не рискуют возразить. Кир летит на траву. Извивается, пытаясь отползти на спине. Верещит на одной ультразвуковой ноте. Лёха громоздится над ним, страшный, как бог языческой бойни. Вдруг пинает носком ботинка — даже не очень сильно, это скорее символ. Ровно — и оттого реально страшно:

— Слушай сюда, говно. Это не твоя страна. Это — моя страна.

Неторопливо идет за елозящим, как червяк, не переставшим вопить Киrom, снова пинает его.

— ...И власть тут — моя. И будет всегда моя.

— ...Товарищ майор... — кто-то из собровцев, неуверенно.

Лёха не реагирует (а также не видит Мела, которого выводят на крыльцо другие собровцы и Лысый; не видит двоих ментов, вытаскивающих труп Ронни...) — он смотрит сейчас только на Кира, обращается только к нему. Пинает.

— ...А ты, педик, будешь свое гнилое очко подставлять уркам на зоне. И дышать, когда я тебе разрешу.

— ...Алексей Викторыч?

Лёха только чуть морщится и дергает головой — словно комар зазуммерил над ухом, досадил. Пинает Кира.

— ...Если я тебе разрешу. Так что начинай молиться... — пинает, — прямо щас... — пинает, — чтобы я тебе... — пинает, — разрешил.

— Лёш? — вялый голос лысого Стаса.

Лёха снова досадливо дергает башкой. Еще пару секунд, раздувая ноздри, смотрит на грязное елозящее подвывающее пресмыкающееся у себя в ногах. Пинает еще разок, с силой. Слегка улыбается безадресно — будто мимолетному приятному воспоминанию. И только потом оборачивается к Стасу.

— Что? — почти благостно.

Стас меланхолично кивает вбок. Взгляд Лёхи смещается.

Метрах в десяти возле кустов стоит растрепанный Ян. Джинсы мокры почти по бедра, руки за голову, тупорылый «бизон» собровца целит в бок.

Ян молча, замороженно глядит на Лёху.

Выражение сытой благодати смывает с Лёхиного лица. Дергая им, будто в тике, Лёха орет на друга:

— Я, блин, чё те — не ясно сказал!.. сидеть!.. в гребаной лодке!..

ЭНСК, ЛИЦЕЙ — КЛАСС. УТРО

...Знакомая аудитория, знакомые лица в знакомом порядке: Ванька Мельник — с Толей Петриком, Егор — с планшетом и гематогеном, Лиза — с неземными очами, Глеб Янсма — с наушниками и педантично расплосованной бумагой (на сей раз он всю дорогу складывает не кораблики, но самолетики)... Ну и т.д. Негромкий гомон, неперенные девайсы в руках, вспышки, писки. Ванька, мрачновато-взвинченный, рубится с Петриком в танчики на телефонах, поглядывает на Яну, отвлекается — и получает снаряд под башню. Петрик торжествующе вопит «йу-ххуу!». Дверь распаивается, быстро, нервной походкой входит Ян. Невольно сразу же смотрит на Ваньку Мельника. Тут же отдергивает взгляд. Ванька бросает свой телефон на парту, ухмыляется; Петрик вообще сияет. Егор втягивает голову в плечи, весь уходит в свой планшет.

— Всем привет, — Ян, с избыточным, нервным бодрячеством; бросает рюкзак на стол. — Сегодня мы...

Умолкает. К доске прикинута цветная А3 распечатка мастерски сделанного в более-менее анимешной технике рисунка: Ян — вполне узнаваемый, в жедайской хламиде а-ля Оби Ван Кеноби — фехтует с ушасто-волосатым Мастером Йодой. Только дуэлируют они не на световых мечах, а на собственных членах. На полотне Ян-Кеноби, весь перекошенный, как раз получает мохнатым гиперхером по голове. Подпись: «Конец Обиваныча».

Ян внимательно разглядывает кусок искусства. В классе — сдавленные смешки. Папарацци Петрик, скалясь, «от бедра» снимает Яна и плакат смартфоном на видео.

— Искрометно, — говорит наконец Ян. — Дерзко.

Еще волна смешков. Ян поворачивается к классу.

— Почел бы за честь поболтать с автором о живописи и анатомии. М-м?

Озирает аудиторию; Петрик нагло скалится в шестьдесят четыре зуба, Ванька тычет указательным в свой телефон, Глеб Янсма отрешенно внимает музону в наушниках, Егор Машканцев прячет объемистое тело за раскрытым учебником, как глупый пингвин — в утесах. Яна, тетка, смотрит в сторону, вид недовольный. Ян ернически вздыхает:

— Видимо, «же суи Шарли» я от вас не дожусь, — шагает к доске. — Видимо, вы у меня фанаты Бэнкси. Ну что ж... — берет за плакат.

У Егора на планшете — в открытом вайбере или мессенджере — с писком выныривает стайка поощрительных эмодзи. Егор быстро оглядывается: Ванька Мельник показывает ему большой палец.

Ян педантично — тщательно выдергивая кнопки — отдирает распечатку. Шмыгает носом. Руки по-прежнему трясутся. Движения Яна чуть неестественны, разрегулированы: одновременно слишком импульсивны и жестко-механистичны. Ученики уже малость недоуменно приглядываются к нему: учитель на взводе = опасность, азы инстинкта школьного выживания.

— Вернемся к теме занятия, — Ян складывает распечатку, падает задницей на ребро стола. — По учебному плану тема у нас сегодня «Революция тысяча девятьсот пятого — девятьсот седьмого годов, начало», — Ян уже сложил распечатку вдвое, вчетверо, в восемь раз... — Напомните мне, какое там было начало?... — неизбежная заминка, вечный доброволец Таня Наговицына приподнимает руку. — Татьяна?

— Кровавое воскресенье?

— Принято. А что это было? Когда? — Ян бездумно пихает тугой квадратик бумаги в карман и не впервые промахивается. Взгляд его все время возвращается к Ваньке Мельнику и отскакивает от него.

— Расстрел мирного, ну... шестивия рабочих... в январе тыща девятьсот пятого...

— И куда у нас рабочие мирно шли?

— К дворцу... к Зимнему.

— Зачем? — Ян раздраженно отбрасывает сложенную карикатуру на стол, трет нос.

— Подавать прошение... царю.

— Петицию. Так. Чтобы что?

— Ну, жизнь чтобы стала лучше, — Таня сбита с толку. — Условия жизни. Труда.

— Получилось у них?

— Н-нет. По ним солдаты стали стрелять. Многих убили.

— Так. А возглавил это злосчастное шествие кто? — Таня открывает было рот, Ян останавливает ее жестом: — Спасибо, Татьяна. Дадим слово вашим собратям по рабочему классу. Итак?

— Ленин? — Петрик, скоморошья.

— Не совсем, товарищ Петрик.

— Тогда Сталин.

— Давайте, Анатолий, мы остановимся раньше, чем вы по логической цепи доползете до Путина Вэ Вэ, — хихиканье; Ян кивает Кристине Цой — поднявшей руку (и глаза от смартфона): — Кристина?

— Священник Георгий Гапон, — рапортует Кристина.

— Перфектно. И как же батюшка дошел до жизни такой? — Кристина быстро ныряет обратно в телефон, Ян приподнимает ладонь. — Пока Кристина читает статью в Вики... а статья длинная, и в ней есть пара ошибок... — смешки. — Кто-нибудь что-нибудь помнит про священника Гапона?

— Точно, поп Гапон. Провокатор, да? — говорит вдруг Ванька Мельник.

— Чей? — Ян смотрит наконец на Ваньку прямо.

Ванька пожимает плечами:

— А чьи бывают? Пиндосский, не знаю, — смешки. — Ментовский, не?

— Что ж, была такая версия, — Ян кивает, вдруг вынимает из кармана телефон. — Кто-то из вас слушал Оксимилона?

В классе переглядываются — не столько из-за вопроса, сколько из-за резкости выража. Что-то с историком не так. Или он всегда такой стремный? Глеб Янсма кривится в ухмылке, подергивая башкой в такт своей, неслышной музыке.

— Кто-то слушал, Ян Иваныч, — Яна, негромко. Она серьезно разглядывает Яна — словно озабочена его поведением. Ванька искоса глядит на Яну.

— Отлично, тезка, — Ян, не отрываясь от телефона: деловито тычет пальцем в экран.

— За либеральный рэп топите, Ян Ваныч? — Ванька, с нагловатой ревнивой иронией.

— Либеральный рэп — это как квадратный дождь, — Ян продолжает копаться в телефоне.

— Оксюморон, — вдруг иезуитски комментирует Петрик. В его квадратной челюсти морпеха ученое словцо явно неуместно и оттого — солоно, как хитрое ругательство.

— Орел, товарищ Петрик... сечете игру слов... Но заблуждаетесь... Не оксюморон, а просто фигня... на постном... — из телефона Яна звякает музыка, тревожно-агрессивные клавишные. Ян поднимает взгляд. — Вот, послушайте.

Бит, резкий голос Оксимилона:

— Все переплетено — море нитей, но потяни за нить — за ней потянется клубок... этот мир — веретено, совпадений ноль...

Десяток-другой секунд подростки — кто невозмутимо, кто с явной оторопью, кто — подхихикивая и перемигиваясь, — слушают конспирологическую скороговорку Окси. «...Мой город устает чинить за деспотами власть, в разрезе предстает причинно-следственная связь, и там все переплетено, везде Сатириконтон, бездействие закона при содействии икон...»

— Ну и так далее.

Ян вырубает песню, отталкивается от края стола. Идет по классу. Двигается так, словно кто-то внешний дергает его за ниточки — а Ян, спохватившись, всякий раз обрывает эти дерганья на полуфазе. Говорит тоже нервно, резко — хотя и по-лекторски четко:

— Георгий Аполлонович Гапон. Священник, трибун, глава общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга». Никаким провокатором и полицейским агентом он, по всей видимости, не был. Хотя убьют его в итоге именно за это. Всего-то через год, в марте тыща девятьсот шестого... Незаурядный человек. Страстный. Амбиции, способности. Красавец, харизматик, оратор уровня «бог». Верил в свою великую миссию. И многие другие в него верили. Повел тысячи рабочих к Зимнему. После расстрела шествия бежал за границу. Варился там в эмигрантском революционном котле. Со всеми перессорился, вернулся в Россию. И закончил повешенным на крюк на даче под Питером.

Останавливается, покачивается с пяток на носки. Резко разворачивается. От Яна бьет жестким нервным излучением — будь тут соответствующий счетчик Гейгера, шкалило бы.

— А приказал убить Гапона еще один незаурядный человек. Евно Фишелевич Азеф. Глава Боевой организации партии социалистов-революционеров. Эсэров. Организатор самых громких политических терактов. И при этом — как раз настоящий провокатор, агент Департамента полиции аж с тыща восемьсот девяносто второго года. И даже нельзя сказать, на кого он работал — на революцию или на охранку. Он просто и за черных, и за белых в шашки играл. В Чапаева... — Ян, имитируя звук удара, раз-другой шелкает пальцами по воображаемым шашкам на воображаемой доске. — Трупы только так отлетали. Вот и Гапона он велел... — еще один шелчок, чпок губами. — Чисто как предателя, которым Гапон не был, — Ян усмехается. — Самого Азефа разоблачат через пару лет. Но он благополучно сбежит. И умрет уже в восемнадцатом году, в Берлине. Отсидев в тюрьме Моабит — в качестве русского шпиона. И заруют его на кладбище Вильмерсдорф в безымянной могиле номер четыреста сорок шесть...

Ян вновь приостанавливается, трет переносицу. Потерял нить? Нет, не потерял:

— А у нас ниточка тянется к третьему незаурядному персонажу. Сергей Владимирович Зубатов. В юности грешил социализмом, даже из гимназии его за это вышибли. Он все понял, исправился, дослужился до самых верхов Охранного отделения. Сеть политического сыска по всей России — это во многом личная Зубатова заслуга. И широкое использование провокаторов — тоже. Но и увлечений юности Зубатов не забыл. Изобрел концепцию «полицейского социализма». Он же — «зубатовщина». Смысл в том, что раз нельзя победить рабочее движение — надо его возглавить. Сделать управляемым. Отобрать инициативу у революционеров. Была создана широкая сеть рабочих кружков, подконтрольных Охранному отделению. Но в девятьсот третьем году Зубатова вышибли в отставку. Нюх потерял Сергей Владимыч, начал интриговать против министра внутренних дел фон Плеве, человека всесильного. Ну и всё, пинка под зад. А роль мирного посредника между рабочими и властью... под отеческим оком спецслужб... роль, придуманная фактически именно Зубатовым... досталась фактически именно Гапону. Знала бы начальство, как все повернется, — Ян постукивает пальцами о чью-то парту на ходу. — Ах да. Министра фон Плеве еще летом девятьсот четвертого взорвали нафиг. И организовал теракт — кто?.. — мажет взглядом по лицам слушателей. — Правильно, Евно Азеф.

Ян оказывается возле своего стола. Снова присаживается на край. Выглядит усталым.

— Зубатова Азеф, кстати, тоже пережил — на год. Зубатов в марте семнадцатого застрелился. Узнал про отречение государя императора, встал из-за обеденного стола, вышел в соседнюю комнату — и бабах из револьвера...

Ян постукивает себя по правому виску.

— Обиваныч, на себе не показывай! — чревоверещит углом рта Петрик-затейник. Но в основном лица подростков тревожно-серьезны: бинарный эффект странного состояния препода — и его ораторского слалома от рэпа Оксимилона к непонятному покуда выводу. Взгляд Яна перескакивает с одного лица на другое — несколько раз возвращаясь к Ваньке.

— Вы сейчас думаете: к чему он это всё? — Ян распрямляется. Смыкает ладони, сплетает пальцы. — Вот к чему. Всё переплетено. От человека к человеку, от события к событию — миллионы нитей. Можно их из нашего пятого года в прошлое протянуть. К народовольцам, к народникам, к декабристам... к Радищеву, Пушкину, Герцену. И в будущее можно... К убийству Столыпина. К семнадцатому и гражданской. К красному террору и репрессиям... Вот прямо досюда... — потрясает сцепленными в замок кистями, словно в гротескной имитации мольбы. — До новостной ленты, фэйсбука, до статьи двести восемьдесят второй... До нас с вами. Всё переплетено, — Ян напрягает ладони, хрустит костяшками, криво усмехается. — Нити сплетаются в узор. В орнамент. У каждой цивилизации, у каждой культуры, нации — этот орнамент свой, неповторимый.

Яна слушают внимательно, почти зачарованно: не столько ход его мысли (довольно смутный) подчиняет — сколько тревожная, неправильная, безошибочно ощутимая энергия, прущая от него, незримо прошивающая аудиторию.

— ...Но сам орнамент всегда состоит из повторяющихся элементов. В нем есть ритм. Бит, — Ян, разлепив пальцы, отбивает короткую серию указательным по краю стола. — Если угодно — матрица. Сейчас же модно говорить про «русскую матрицу». Где ее только не ищут. Можем поискать и мы. В этих ниточках, в этом... — Ян показывает пальцами, как рыбак калибр пойманного окуня, — ...кусочке орнамента вокруг пятого года. Тем более что матрица там действительно есть. Реальная триада русской общественно-политической жизни: маргинализация, провокация, террор...

— Биип! Русофобия детектед! — неумолимый Петрик голосом мультяшного робота. Ванька ухмыляется.

— Объясняю... — Ян наставляет на Петрика палец, как красноармеец с плаката. И осекается: у Ваньки звонит телефон.

ЭНСК, ЛИЦЕЙ. УТРО

— ...фавелы, притоны, горсовет, политтехнологи, кредиторы, синод... Вся картина мира тех, кто вашей давно противится как секта... ведь у всего — не единый архитектор...

Голос Оксимилона — в наушниках человека, резво идущего через двор к дверям Энского лицея: мы смотрим его глазами. Баннер про 1 СЕНТЯБРЯ ДЕНЬ ЗНАНИЙ с иконостасом ролевых моделей — на месте...

— ...Всё переплетено, мне суждено тут помереть еретиком... ваша картина мира — сетка...

Вот визитер уже вплотную к двери, рука извлекает из кармана красный прямоугольник...

— ...Полотно, текстильная салфетка, будто работала ткачиха или швейка, и там все перепле...

Дверь распаивается — выстреливает рослого юношу: попадание в плечо визитеру — по касательной, но чувствительное. Рэп затыкается. Юноша, сломя голову, несется к калитке на улицу. Это Ванька.

— Эу!..

Визитер поднимает с крыльца выбитый из руки красный прямоугольник — ксиву ФСБ; подхватывает выпавший из уха наушник на тонком проводке. Визитер — МАКСИМ: хороший серый костюм, пижонистый, но со вкусом подобранный галстук. Глядит вслед Ваньке (тот выскакивает за калитку), фыркает, с чувством:

— Лемминги.

Качнув головой, вправляет наушник в ухо.

...Музыку больше не слышно. Только Максим насвистывает, шагая по пустому школьному коридору. На мгновение замедляется возле стенда с фотографиями — цепляется взглядом за фото:

ЯН НЕВЕРОВ...

Останавливается у одной из дверей: элегантный силуэт в белом свете, бьющем вдоль коридора из дальнего окна...

Входит.

ЭНСК — ИЗОЛЯТОР. СЕРЕДИНА СЕНТЯБРЯ. РАННЕЕ УТРО

В полутьме — хрип, хресь, хрясь, оторванные — «ссу!.. кка!..» — и брошенные слоги: драка. В «тройнике» — маломестной камере Энского СИЗО — Мел бьется с двумя кавказцами.

«Тройник» на девять шконок — три по три яруса; в реальности в него закатано штук пятнадцать человеческих шпрот. И все шпроты делают вид, что ничего не видят, не слышат, вообще спят. Руконогий бугристый ком из трех потных тел, мата, летающих туда-сюда разбитых кулаков и грязных кроссачей рикошетит по тесному блевотному желобу камеры, херачится об углы и закуклившихся граждан подследственных, сметает чью-то запрещенную правилами распорядка эмалированную миску — она тут же оказывается в руке Мела, с маху рассекает ребром надбровье одному из горцев; треск рвущейся ткани — на мускулистой спине второго джигита оголяется густая корявая синь тюремной тыкухи; миска снова гремит по полу...

ТИТР: Две недели спустя

Бойцы влетают на одну из шконок — по-бильярдному вышибают с нее, как из лузы, шипящего котом владельца.

Мела сзади душит один противник — зажав шею локтевым сгибом, шаря волосатыми пальцами по лицу: порвать рот, выдавить глаз. Второй насккивает спереди, месит.

Мел, отчаянно сократившись, встречает второго ударом обеих ног, сшибает на пол. Вслепую гвоздит кулаком правой назад — нащупывает табло первого горца, левой старается отодрать от горла его руку.

Пыточное мычание, мучительные позы, слюни, выпученные зенки, кривые пасти, юха: не рукопашная, а «Предчувствие гражданской...» Сальвадора Дали. Второй джигит — с блатным татуажом в полспины, в мокрых лоскутах футболки — собирается с пола, напрыгивает опять, рвотно хэкая: метелит Мела — в живот, в бока:

— За-арою нах, петух сука!.. Щпыс!

Лязгает и распаивается дверь, в «тройник», как впрыснутые под давлением, влетают и раздуваются трое, нет, четверо ментов. Машут дубиналами, как крестьяне на обмолоте. Татуированный корчится на полу в позе эмбриона — его гасят сразу двое. Мел — в крови, судорожно дышащий — сползает со шконки на пол, еле-еле поднимая разбитые руки, чтобы по-боксерски прикрыть голову (Мела, впрочем, не бьют). Его душитель, перетянутый поперек морды пару раз, пытается рыпнуться-встать. Молодой мент от души, с оттягом пробивает ему берцем в грудак, вбивает обратно на шконку:

— Лежать нах!.. Ваххабит убит!.. — переводит веселый взгляд на Мела. — Чё, урус, очканул? — подмигивает. — Айда очко мыть.

ЭНСК — КВАРТИРА ЛЕХИ МАШКАНЦЕВА. РАННЕЕ УТРО

Комната Егора Машканцева. Мощный — «яблочный»? — ноут на столе, ворох распечаток-эскизов (мускулы, торсы, мечи, героические позы), хороший цветной принтер, разлохмаченная обертка от гематогена, колонки, обильные заплаты плакатов на стенах: в основном — с персонажами культовых аниме. «Призрак в доспехах»,

«Бездомный бог», «Полулюди». Сисястые тяжеловооруженные амазонки на грани хентайного порно, большею частью фитнес-эльфы с байроническими челками, титанические боевые роботы, фурри...

Школьная форма брошена поверх застеленной кровати. Егор в одних трусах-боксерах стоит перед зеркальной дверцей шкафа. Но смотрит не на себя — внутрь себя: приотвисшая челюсть, сосредоточенно-отсутствующий вид. Правая рука — в труханах. Егор, кажется, тщательно и осторожно ощупывает там что-то.

— Эу, сын, ну скока можно уже?! — зычный голос Лёхи из соседней комнаты.

Егор вздрагивает, выдергивает руку из трусов, наводится на резкость.

— Иду! — глядит наконец на своего зеркального доппельгангера. Мешковидный, каплеватый. Тюленьи жировые покатоности. Алая складка на пузе. Егор нюхает руку, раздраженно отворачивается, начинает натягивать майку.

...В обширной кухне-гостиной — простор, размах, вид, окна в пол и щедрые рабочие плоскости столов, полный комплект хромовой кулинарной робототехники, фото в рамках, магнитики на царь-холодильнике... — Лёха энергично, с деловитой индустриальной мрачностью закидывает в себя остатки омлета, вливает кофе. Грузный, мощный, телесный — тяжелый сгусток дремлющей энергии — в почти стерильной дизайнерской квартире майор выглядит не хозяином: посторонним.

Через стол — Галя, его жена: неожиданно миловидная, сухощавая женщина в элегантно-бизнес-пижаме; сконцентрирована на своем смартфоне. Вот она тут на месте.

Бормотание радио:

— К местным политическим новостям. Губернское отделение партии «Единая Россия» в преддверии выборов подтвердило выдвижение на новый срок действующего губернатора области Платона Губарева. «Платон Михайлович делом доказал, что...

Хлопает дверь: Егор — одетый и с рюкзаком. Приваливается боком к стене, на которой — фото молодого Лёхи в компании кряжистого пожилого мужика: оба в полицейской форме, только Лёха — в капитанской, а приобнимающий его за плечо мужик, тесть, — в генеральской.

— Ну слава те... — Лёха отодвигает от себя тарелку и кружку, встает и идет в прихожую.

— Ма? — Егор остается на месте. Галя поднимает от смартфона зрачки, по которым в первый миг еще снуют призрачные мурашки матрицы. — Я свинкой же не болел в детстве?

— Нет... — Галя удивленно откладывает смартфон. — А что, у тебя... Ты чувствуешь себя плохо?

— Нене, я окей вообще. Просто интересно.

Лёха — уже в накинутах куртке — вопросительно заглядывает из прихожей. Егор послушно идет туда. Галя как будто собирается сказать ему что-то вслед — не говорит, смотрит на Леху. Сухо, с едва различимым сарказмом не в интонации даже, а где-то за ее подкладкой:

— Когда тебя ждать?

— Без понятия, — Лёха сдвигается, чтобы пропустить Егора. Дергает плечами, — Поздно.

— Мм. Что так?

— У меня убийство, Галь.

— Мм. Опять убийство? Кошмар.

— Почему опять? То же самое, — Лёха поворачивается уходить. Егор, ссутулившись, равнодушно громоздится в дальнем конце обширного холла, перед выходом.

— Этот... Алиев? С рынка?

— Ну, — Лёха нетерпеливо постукивает пальцами по ребру двери.

— Так у тебя же... — Галя берет смартфон, — ...это дело забрали.

— В смысле?.. — большое, мощное тело Лёхи цепенеет от неожиданности.

— А тебе что, товарищ генерал еще не сказал? — Галя с легким сожалеющим осуждением цокает языком и переводит взгляд в телефон. Лицо она по-прежнему держит безупречно.

ЭНСК — НАБЕРЕЖНАЯ. РАННЕЕ УТРО

Звонит мобильный: физрук Ярослав пробегает по инерции еще несколько шагов, на ходу доставая трубку из кармана. Останавливается, подносит ко рту (в ушах — заклепки блютуса), переводя дыхание:

— Але?

Ярослав — в плотно облегающем его завидные рельефы красном спортивном с эмблемой Сочи-2014, в футуристических беговых кроссовках. На запястье — электронный браслет-пульсометр или недорогие китайские «умные часы». Ярослав стоит посреди утренней Энской набережной. Несколько заколдованных рыбаков-кащеев в плащ-палатках да знакомая нам пара йогов-подсолнухов (по-прежнему в тонких трико, на парапете, развернуты спиной к воде — лицами в сторону подразумеваемого восхода). Больше — никого. Пятьдесят оттенков серого: Большая Вода загрунтована шаровой краской, прихлопнута сверху большим небом оттенка «грязный бетон», силуэт города — как мазутные потеки...

Ярослав в своих алых олимпийских боско-шмотках выглядит тут нарочито: живописный мазок, визуальный акцент.

— Приходи сейчас, — женский голос: хриловатый, томный.

— Я тут... бегаю.

— А я тут вся голая. Вся мокрая.

Ярослав смотрит на йогов-подсолнухов — словно те могут слышать его собеседницу.

— Ярик?

— Да.

— Я выбросила ключик.

Лицо у Ярослава странное — на нем скорее усталое смирение, чем возбуждение.

— Иду.

ЭНСК — ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА, КВАРТИРА. РАННЕЕ УТРО

...Ярослав быстро, через две ступеньки, поднимается по лестнице многоквартирного дома (в сетчатой шахте встречным — вниз — курсом проплывает лифт, издавая склочный собачий лай).

Останавливается перед дверью квартиры. Совсем не запыхался, атлет.

Поворачивает ручку, толкает. Не заперто.

Изнутри — из темной квартиры — масала-музыка: медитативная, сладко-пряная субтропическая этника. Ярослав идет через прихожую в комнату. Останавливается на пороге.

В подсвеченной карамельным светом спальне — обширная пустая кровать, как надгробие: на черной простыне — россыпь инструментов из набора юного садиста: плетка-семихвостка, изящный фаллоимитатор, какие-то прищепки... Возле кровати на полу сидит евразийская красавица Нина Тимуровна. На ней черное латексное белье. Глаза наглухо завязаны черной лентой, на нервной великолепной шее — что-то вроде ошейника с грубой пряжкой. Грудь взволнованно вздымается, черешневые губы приоткрыты. Одна рука Нины Тимуровны за запястье пристегнута новенькими блестящими наручниками к грубой чугунной батарее.

— Ярик? Ты?..

Ярослав мгновение медлит — все с теми же сложными щами. Потом, не разуваясь, шагает к Нине.

— Кто это?

Ярослав запускает правую пятерню в волосы Нины. Та замирает под его ладонью, сладострастно-испуганно раздувая ноздри. Ярослав резко сжимает кулак, стягивая гриву Нины, дергает ее голову вбок. Та еле слышно ахает.

— Да...

Ярослав левой хлещет Нину по щеке — очень, впрочем, аккуратно.

— Да!..

Ярослав бьет еще раз, резче; тут же ухватывает свободный конец, свисающий из пряжки ошейника на горле Нины. Тянет за него. Возбужденно засипев, Нина неприкованной рукой цепляет Ярослава за свисающие завязки спортивных штанов, дергает к себе и тащит алые портки с олимпийской эмблемой вниз.

ЭНСК — ЭЛИТНАЯ ЗАСТРОЙКА, ПОДЗЕМНЫЙ ГАРАЖ. РАННЕЕ УТРО

Фасетчатый — из дюжины ч/б экранчиков убогого разрешения — монитор охранного видеонаблюдения элитного ЖК.

Через несколько экранчиков сразу — снятый разными камерами с разных углов — быстро проходит в разных направлениях Лёха Машканцев.

Охранник, не глядя на монитор, жрет бутерброд с докторской колбасой.

...Лёха, бегло поглядывая на камеры, шагает по затхлым пещерам подземного гаража под своим домом. Автомобили, пустые гнезда разметки, лужи, следы протекторов, неровные бетонные стены, неряшливо намалеванные синей краской стрелки-указатели.

Лёха бодрым деловым шагом заходит за джип — здоровенный, густо замызганный ниже ватерлинии. Щелкает выкидухой (выпрастывается тонкий язычок змеиного лезвия). Несколько раз ковырнув в замочке, откидывает insultно-багровую дверцу пожарного шкафчика. Шарит там, извлекает плотный треугольный целлофановый сверток, перехваченный бурым скотчем.

...Падает за руль «форестера», кидает сверток на соседнее сиденье. Глядит на сверток, поворачивая ключ. Вдруг резко спихивает его с сиденья на пол.

...Ползет вверх шлагбаум — «форестер» выныривает из гаража, вырывается на улочку меж скребущих низкое матовое небо жилых зиккуратов, газует.

ЭНСК — КВАРТИРА НИНЫ. УТРО

Нина на полу, пристегнутая одной рукой к батарее. Только теперь она совсем голая (эротические латексные детали раскиданы по паркету вперемешку с одеждой Ярослава) и курит тонкую сигарету. Ярослав, тоже голый, — рядом, на краю кровати, в напряженной (локти — в колени, челюсть — в ладони; роденовский мыслитель думает о неприятном) позе.

— Тут когда вообще топить начинают? — Нина трогает чугунный баллон батареи ладонью пристегнутой руки. Ярослав, вздрогнув (от неожиданности вопроса?), смотрит на Нину. После паузы:

— Может, нам в следующий раз, ну... как-то по-простому попробовать? А то меня этот... экстрим... понимаешь, заводит как бы слишком... сразу кончаю...

Нина равнодушно пожимает красивыми плечами.

— Ты же... — осторожно, — не успела, да?

Нина с ленцой переводит взгляд на Ярослава; тот быстро отдергивает свой — и утыкается им прямо в фаллоимитатор, валяющийся на кровати; снова отдергивает...

— Ну... извини.

Нина фыркает, пальцами красивой ноги подтягивает пепельницу-ракушку, давит бычок. Деловито, шевельнув-звякнув прикованной рукой:

— Дай ключ.

— Ага. А где он?

— Ну я не знаю. Я ж его выбросила.

— Куда выбросила?.. — Ярослав привстает, озирается.

— Ну откуда я знаю куда. На пол.

— Ну хоть в какую сторону?

— Да я не знаю! — Нина раздраженно встряхивает свободной узкой ладонью. — В любую.

Мускулистый, литой Ярослав семенит вокруг кровати, как вынюхивающая легавая. Нина смотрит на него. Мрачнеет.

— Нин, чё-то я не вижу его нигде.

— Под кроватью посмотри.

Ярослав послушно рушится на колени, расплывается, заглядывает. Кряхтя, метет рукой.

— Нашел? — Нина, с надеждой.

— Слуш, ну его нет тут нигде.

— Что значит — нет?

— Ну нет и всё.

— Он что, по-твоему, — ножки отрастил и убежал? Как в «Гарри Поттере»? — Нина снова дергает прикованной кистью, лязгает браслетом о трубу конвектора, смотрит на наручники как-то по-новому, оценивающе. Смотрит на разогнувшегося Ярослава. — Ярик?.. Я так опоздаю вообще.

Ярослав облизывает губы.

— Нин, ну это ж не я его бросил...

— Фак! — Нина нервно лязгает браслетом. Ярослав с сомнением разглядывает никелированную восьмерку:

— Может, у тебя кусачки есть какие-нибудь? Не знаю, клещи... кузнечные?..

Нина смотрит на атлета уничижительно. Нежным ядовитым голосом:

— Зажимы для сосков тебя устроят?

ЭНСК — КВАРТИРА И ДОМ ЯНА. УТРО

Заводная — в обоих смыслах: бодрая — и механическая, как из шарманки, — мелодия. Раскручивается, самоподзаводится...

Ян открывает глаза. Белый потолок. Если долго глядеть, становятся видны тонкие трещинки.

Но Ян не глядит долго. Рывком садится, сбрасывает одеяло. Он в одних трусах. На торсе — бросовый бисер пота. Сидит на диване — не разложенном, не освобожденном даже от чехла, небрежно застеленном поверху.

В комнате нежилая мебель в светлых коконах. Только на столе — ворох бумаг, ноутбук, эквилибр наваленных башней книг и альбомов; да на полу — пара-тройка картонных ящиков, катушки скотча, одинокий хипстерский кед; да на подоконнике — кривая пирамида снятых со стен картин и фото в рамках.

Ян тычет пальцем в телефон, пресекает будильник. Встает. Глядит на свою левую, в кулак сжатую руку. Не без труда размыкает скрюченные пальцы.

На ладони — крошечный гипсовый слоник. Ян подносит его — к лицу...

...Подносит ко рту дымящуюся кружку. Ян — на том же месте, в той же позе, только одет — и в левой кружка черного крепкого кофе. На столе, помимо бумаг — ополовиненный литровый френч-пресс, еще кружка. Ян делает глоток. Вокруг кипит жизнь. Хмуро-деловитые грузчики, человек пять, побряхтывая и перекидываясь скомканными междометиями, освобождают квартиру от зачехленной мебели.

Волокут диван. Ян отхлебывает. Тащат шкаф. Ян садится за стол...

— Это тоже? — бригадир грузчиков стоит над Яном, постукивает по столу.

— Да, конечно, — Ян быстро встает, рефлекторно ставит кружку на столешницу, тут же — под снисходительным взглядом бригадира — хватает обратно, и еще вторую кружку, и френч-пресс... быстро шагает к подоконнику, ставит кружки и кофейник... к столу — сметает, торопясь, со столешницы стопку альбомов в пододвинутый

ногой картонный ящик... один альбом ударяется о край ящика, падает на пол, раскрывается — черно-белые фото советских застойных лет, какие-то молодые мужчины и женщины...

...Разъезжаются створки лифта. Красавица Нина Тимуровна (плащик, газовый шарфик, сложно заколотые пряди тяжелых иссиня-черных волос) шагает на лестничную клетку. Там — физкультурной пирамидой — стулья, ящики. Из приоткрытой двери квартиры слева тяжелым кошачьим взглядом глядит пожилая тетка в халате. Встретив взгляд Нины, сплевывает и захлопывает дверь. Поведя бровью, Нина шагает к двери справа. Стукнув разок в дверь, толкает, ступает внутрь. Тут же уворачивается от пары грузчиков, со страшной натугой волокущих через прихожую старинное трюмо с кривыми артрозными лапами. Перешагивая через валяющиеся предметы, Нина входит в гостиную. В гостиной из обстановки — только зачехленное пианино с шеренгой слоников на крышке. Ян сидит на подоконнике, листает альбом. Улыбается подходящей Нине.

— Вы что, переезжаете?

— Просто партийная чистка, — Ян делает глоток из кружки.

— Скорее уж — репрессии, — Нина озирается, скидывая плащик; под ним обтягивающее темное платье чуть выше колена. — Большой террор.

— Кофе? — ответный кивок; Ян наливает. Переняв кружку, изгибая долгую шею, Нина заглядывает в альбом: парное фото м/ж, видный брутальный М — и интересная, фигуристая Ж, оба в полевом «тропическом» прикиде с рюкзаками.

— А это?..

— Мои родители, — Ян перелистывает страницу: те же М и Ж — с мальчиком лет семи в костюмчике-матроске. — Вот еще — плюс я. Они погибли. В восемьдесят седьмом. Разбились на вертолете... Они археологи... были... — Ян вертит в руках кружку... дергается на звук дробного падения: грузчики ухватили за бока пианино (со снятым уже чехлом), сместили — на пол хлынули гипсовые слоники: — Э!.. Это не надо, нет!..

— Сказали же всё выносить, — грузчик, недовольно.

— Всё кроме этого.

Грузчики неохотно, словно Ян обидел их или расстроил, отступают от пианино. Ян, присев на корточки, собирает рассеянных слоников — будто черничник ощипывает. Нина неслышно подходит сзади. Смотрит на пианино, на привинченную к его боку латунную табличку.

— Стэйнвей энд санз... Тыща девятьсот тринадцатый... Ничего себе. Настоящее?

— Вероятно, — Ян, снизу.

— Так оно ж, наверно, кучу денег стоит? — Нина откидывает крышку пианино. — А вы тогда, Ян, получаете завидный жених. Миллионщик...

Проводит тонким пальцем по клавишам, извлекая нарастающий звук.

— От-т черти! — Ян распрямляется с пригоршней слоников; выцепляет одного, скорей, половинку; бок у слоника отколот, отсутствует.

Шарит глазами по полу.

В дверях — бригадир грузчиков:

— Ну мы всё, свободны тогда?

— Конечно, — Ян, не глядя на бригадира.

Нина вдруг шагает вбок, нагибается (платье готовно-бесстыдно облегает фигуру — очень тонкая талия, контрастно-округлые бедра, тяжело мотнувшаяся грудь). Протягивает Яну отколотый бок слоника:

— Вот.

— Ну вы зоркая, — Ян не берет осколок из пальцев Нины, а придержав ее кисть, стыкует к осколку остальную гипсовую тушку.

— Можно склеить. Сейчас такой клей делают — всё берет намертво... — Нина

улыбается Яну, он — ей, ответно... Видит красно-сиреневую полосу на запястье Нины.

— Это что? — касается пальцем.

— След от наручников, — улыбка Нины становится шире.

— Вас что, сегодня арестовывали?

Нина, склонившись к Яну, доверительно:

— Нет, я просто иногда практикую БДСМ.

Полсекунды Ян оторопело смотрит на Нину. Потом оба ржут.

ЭНСК — СТОЯНКА У ДОМА ПРАВИТЕЛЬСТВА. УТРО

Валентин Зельцер, высокий, черногривый, красивый — легчайшее, тонкорунное пальто, безупречные костюм-галстук-сорочка-ботинки, кожаный бювар под мышкой, — быстро выходит из боковой, служебной двери энского Дома Правительства (монументально-гранитный советский здот: наверняка бывший обком, ныне цитадель Реальной Власти, Губернатора & Ко).

Быстро ссыпается по ступенькам к опушенной голубыми елями ведомственной стоянке. Быстро шагает вдоль черного лакового строя представительских супергробов. На ходу тянет руку с брелоком-ключом, жмет на мерседесовскую трехпалую звезду. Ойкает сигнализация...

Валентин замедляет шаг.

Выезд его черному «гелендвагену» перекрыл «субару-форестер». Хозяин «форестера» привычно примостился на капоте своей тачки, смачно трескает семки из газетного треугольного кулька, далеко, с форсом сплевывая шелуху.

— Будешь? — щурится, протягивает кулек Валентину.

— Убери свою маслбойку.

— Нет уж, ты угостись, — Машканцев настойчиво встряхивает кульком.

— Ну все, Муха, ты монстр психологии, — Зельцер приваливается к капоту своего «гелика», бювар кидает на капот, вскидывает ладони — «сдаюсь!». — Мой внутренний маменькин сынок уже обоссался прямо от ужаса перед твоим внутренним гопником. Давай теперь к делу, я реально тороплюсь.

— Кул, — Лёха, не вставая, упирает в капот кулаки, перекидывает свою тушу поближе к Валентину. Сплевывает черные скорлупки в район оксфордских ботинок визави, кидает в пасть еще. — С убийства Алиева нахуя меня дернули?

— Спроси тестя.

— Уже спросил.

— И?..

— И товарищ генерал скажамши мне, что ихняя дочь... и законная моя супружница Галина Юрьна... уже неоднократно им жаловались на дефицит меня у домашнего очага. И стало быть, в награду за образцовое раскрытие по горячим следам они, товарищ генерал, настоятельно мне указывают взять две недели отпуска и следовать нахер в Крым... покуда на полуострове русской славы бархатный сезон... — Лёха, вешавший несколько невнятно, расстреливает целую очередь семечных зарядов в квадрат базирования ботинок собеседника.

— Золотые его слова, — Валентин чуть отодвигает ногу; доброжелателен и непроницаем.

— ...Но поскоку, ты же знаешь, я сука упертый, — теперь уже Лёха приподнимает со значением свой корявый, жесткий перст, сует его Валентину почти под нос, — то товарищ генерал также сознамшись буквально под пытками, что пожелание убедительное меня снять с дела им спустили с самого губернского верху, — Лёха, потыкав перстом в указанном направлении, лезет в кулек, выгребает еще семок, лущит. — Прикинь, да?..

— Засада со стариками, — Валентин, задумчиво. — Язык за вставными зубами херово держится.

— Зельц, ты мне мои не заговаривай, они настоящие у меня, — бросает Лёха вдруг резко; скалится, демонстрируя крупные желтоватые резцы; смотрит на Валентина прямо и жестко, вовсе даже без юмора.

— Муха, чего ты лично от меня хочешь?

— Не трахай мне мозг.

— Окей, — Валентин хлопает по капоту «гелика». — У губер-губера, как ты знаешь, выборы через три дня.

— И чё ему — избиратели предъявят, если у меня дело не отобрать?

— Избиратель у нас, — Валентин, усмехнувшись (мол, шутку юмора оценил), повторяет Лёхин тычок сверху указательным пальцем, — любит, чтоб к выборам все было четко. Под полным контролем.

— Зельц, сука, у меня когда-то было не под контролем?

Валентин медлит, барабанит по капоту музыкальными длинными пальцами.

— Муха, у тебя по делу главный фигурант — Фасолькин сын.

— Почему главный...

— Вот! — Валентин театрально хлопает в ладоши. — Видишь? Уже началось.

— Ни хрена не началось, я просто букву закона чту.

— А в администрации, — Валентин отталкивается задом от капота, — сейчас, напротив, очень озабочены духом... — разглядывает набыченного Лёху; кладет ему руку на плечо — мягче, доверительней: — Слушай, Лёшк, ну я понимаю тебя. Все нормально с пацаном будет, просто папа страхует, ему щас сюрпризы не нужны... Если пацан сам залупаться не начнет — получит ниже нижнего, выйдет через год. Выводы сделает.

— И где гарантии?

Секунду Валентин разглядывает Лёху, потом начинает ржать.

— Тебе, может, расписку накатать, а? — тычет Машканцева в плечо кулаком.

— Зельц, мне это всё не нравится ни хуя, — Лёха, упрямо.

Валентин обрывает смех.

— Серьезно? — пожимает плечами. — Учи английский.

Обходит капот «гелика», берет за ручку.

— Заболтался я с тобой, Муха.

Лёха мрачно глядит на Валентина. Нехотя сползает с капота, падает за руль «субару». Заводится. Валентин, возложив локоть на крышу «гелендвагена», наблюдает за его действиями. Боковое стекло «форестера» с водительской стороны ползет вниз. Лёха высовывает руку с кульком, глядя на Валентина, поворачивает ее: семечки сыплются на асфальт, рикошетят, как черные блохи.

— Ну и чё намусорил?

— Захотелось, — Лёха смотрит на Валентина с вызовом.

— Вот, блин, все вы, герои, такие, — Валентин распахивает дверцу. — Круто папе поднастрал, да? — садится за руль, чуть высовывается. — А подтирать — таджику! — тычет рукой вбок, где по краю стоянки бредет вялый гастер в оранжевой робе.

....«Форестер» сдает назад. «Гелендваген», ускоряясь, выворачивает из ряда.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, ТУАЛЕТ. УТРО

Ванька Мельник — в дальнем конце школьного сортира: спиной к двери, лицом в приотворенное высокое (на уровне подбородка) оконце: задумчиво смолит, глубоко затягиваясь. Какой-то среднеклассник, опасливо косясь на широкую Ванькину спину, отливает в писсуар.

Дверь распахивается, шарахает ручкой о кафель (там, разумеется, вмятина с разбегающимися радиальными щупальцами трещин). Ванька не реагирует (только

среднеклассник дергается и принимается нервно заправлять хозяйство в штаны). В сортир влетает довольный Петрик. Не один: с ним Аслан Тамилмирзоев. Шея рыжего хоббита небрежно зажата у Петрика под мышкой; низенькому Аслану при этом даже не приходится нагибаться — кабы не наоборот, кабы не на цыпочках семенить; хоббит беспорядочно взмахивает руками, пытаясь освободиться; Петрик не обращает на эти дерганья ни малейшего внимания.

— Ваню, цени, я чё притаранил... Кыш! — это среднекласснику, тот порскает вдоль стенки и в дверь; Петрик ловко захлопывает дверь пяткой, приваливается, блокируя вход, без усилия мечет из-под мышки навстречу обернувшемуся Ваньке Аслана: — Полумуж не нужен? Недорого!

Аслан еле тормозит, чтоб не воткнуться в Ваньку, часто дышит, тарашится дико и с опаской. Ванька разглядывает его, тушит бычок о кафель, не глядя, выкидывает за плечо — метко в оконную щель.

— Ты... говорил вчера... что правильно брата посадили? А надо было ваше завалить?..

Аслан молчит, облизывает губы.

— Э, мля, пехотинец Путина! — Петрик, оттолкнувшись спиной от двери, делает ленивое движение; хоббиту прилетает несильный — чисто взбодрить, — поджопник.

— Слушай, Вань...

— Говорил или нет? — у Ваньки вид почти сонный.

— Слушай, — хоббит решается, набычившись: — Твой брат вапще человека замочил!

Ванька без паузы, стремительно и сильно, пробивает Аслану правой в низ живота. Хоббит, хэкнув и задохнувшись, съезживается, прихватывает ушибленное, сдувается внутрь себя, оседает на колени. Кашляет. Ванька, не глядя, огибает его, шагает к двери — Петрик отстраняется — выходит. Петрик, поглядев вслед Ваньке в легкой растерянности, затворяет дверь. Скептически глядит на Аслана. Тот покачивается, сипит. Снова кашляет.

— Вдох-выдох, вдох-выдох! — Петрик, лыбясь, обходит хоббита, любуется.

— Убью... тварь...

— Так держать! — Петрик треплет Аслана по щечке. — Ланнистеры всегда платят свои долги! — вдруг нагибается, доверительно. — Слышь, а правда что у карликов болт... — резко хлопает себя ладонью по локтевому сгибу эрегированной левой, — от такой? Проверим?.. — не дождавшись быстрого ответа, вдруг лезет скукоженному Аслану в боковой карман штанов. — Ну-ка, ну-ка... ого!.. — хоббит слабо дергается, но Петрик без труда извлекает из его штанины мобильник; с клоунским разочарованием: — Ууу... не ого, а ключ от собора... — давит кнопку, снимая блок, дергает пальцем поперек экрана, тычет в него, радостно гримасничая. Разворачивается, поднимает телефон в вытянутой руке — камера включена в режиме селфи, на экранчике — сверху вниз — сам Петрик и Аслан на коленях: — Полумуж, мазафака, смайл мля! — хватает хоббита за волосы и заставляет поднять перекошенную физиономию; шелкает камерой раз, другой. Отпускает Аслана, с брезгливой гримасой обтирает ладонь об его пиджак, разглядывает в телефоне результат, ухмыляясь.

— ...И тебя... убью... — сипит хоббит снизу, глядит с ненавистью.

— То, что мертво, умереть не может! — Петрик подмигивает, ржет. И демонстративно роняет телефон. От удара о плитку пола тот брызжет в разные стороны, разъявшись на составные части. — Иншалла!

Аслан подрагивающими руками собирает фрагменты мобильного. Петрик, насвистывая, выходит.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, КОРИДОР. УТРО

Яна Левашова — с толстой книжкой на подоконнике. В паре метров Лиза Тимакова — прохаживается журавликом, красиво ставя красивые ножки, что-то тихо бормочет в мобильный. Яна вскидывает ладошку: Ян Неверов, приветственно помахивая рукой, быстро проходит по перпендикулярному коридору. Яна чуть улыбается.

— Левашова, бабла дай.

Яна вздрагивает: Кристина Цой, девочка-ртуть. Жует жвачку, висит на плече довольного могучего Петрика, глазки живые, искрящиеся, смешливые, наглые.

— Сколько нужно?

— Тыщ двести? — Кристина лыбится, раскачивается, используя Петрика как ось, опору и скрепу.

Яна смотрит на одноклассницу непонимающе.

— Ну хоть стописят!

— Кристи, тебе чё, голову надуло?

Цой весело фыркает:

— Да чё ты жидишься, золушка, мля. У тебя ж тринадцать лямов зелени на счетах.

— Чего?..

Кристина ржет, закладывает пируэт вокруг Петрика, увлекая того за собой. Ослабленный Петрик, разворачиваясь, успевает развести в сторону Яны руками, — мол, я-то чё, я ничё. Кристина, прихватив Петрика за талию, уводит. Яна оторопело глядит им вслед, захлопнув книгу: «Петли истории» Яна Неверова. Переводит взгляд на Лизу — та как раз закончила трюндеть, деловито похлопывает смартфоном по ладони.

— Ли-ис... Чего с ней?

Лиза секунду разглядывает Яну.

— Ты чё, не смотрела?

— Что — не смотрела? — Яна хмурится.

Лиза скептически морщится.

— Янк, забей. Ну нах...

— Стоп, — Яна прыгивает с подоконника. — Колись давай.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, БАЛКОН НАД СПОРТЗАЛОМ. УТРО

Балкон над спортзалом — импровизированный склад; пыль запуталась в редких белесых прядях света; маты, как жухлые олады, — масленичной грудой; волосатые канатные бухты; боксерские груши с ватными грыжами; черный стрелковый фас, располосованный концентрически и продырявленный во многих местах...

Глухо — из другого мира — трезвонит школьный звонок.

На балкон входит Яна. Осунувшаяся, строгая, целеустремленная. В руке смартфон. Зыркает: никого. Подходит к широким перилам, зыркает еще: желтушные лакированные доски пола, разметка, футбольные ворота, баскетбольные щиты, свисают с потолка к кожистым козлам ворсистые лианы-канаты, посреди зала одинокий борцовский манекен раскинул короткие ласты, как застреленный пингвин.

Малокровные лучи осеннего утра нехотя вливаются в высокие окна. Гулкий пустой спортзал странно похож на храм.

Яна падает на стопку матов, скреживает по-турецки ноги. Нажимает стрелку-play на экране телефона, в другой руке у Яны — наушники. Что там, в смартфоне, — не видно, он лишь отбрасывает цветные блики на лицо Яны: то голубой, то алый, то желтый... — то вдруг глубокая синяя тень. Зато голос слышно хорошо — мужской, нарочито-нахрапистый, с турбонаддувом; словно говорящий попутно борется с мощной отрыжкой.

— Путь Левши! Из авторитетных предпринимателей лихих девяностых — в политики губернского масштаба! Из единороссов — в оппозиционеры! Из мэров — в

постояльцы Лефортово!.. Сегодня ровно год, как Евгений Левашов сменил кресло демократически избранного городского головы на нары в столичном следственном изоляторе. По версии следствия, бывший мэр Левашов виновен в вымогательстве взяток, отмывании денег, создании коррупционных схем и прямом воровстве из городского бюджета. Работа правоохранительных органов привычно осложняется тем, что региональный олигарх Левашов, влиятельный делец по прозвищу Левша, политик и меценат, на поверку оказался формально нищим. Все основные его бизнес-активы, такие, как сеть дисконт-маркетов «Полушка», записаны — кто б сомневался! — на супругу, домохозяйку Александру Левашову-Лифшиц. А кое-что из имущества, в обход законов, и вовсе на несовершеннолетнюю старшую дочь Яну. Недаром она даже в школу ездит на джипе в сопровождении телохранителей... Однако нам, похоже, удалось приоткрыть завесу тайны над коммерческими схемами опального мэра и его семейства. Далее в программе «Чертова дюжина»: хранители общака! Эксклюзивное расследование — как тринадцать миллионов уе бесследно канули в городе Энске, чтобы всплыть в карибских офшорах и осесть на счетах лондонских банков!..

Лицо Яны — обычно такое живое, ярко-изменчивое — застыло; кажется сейчас почти одутловатым, очищенным от эмоций. Яна, будто только сейчас вспомнив, очень аккуратно сует в разъем телефона металлическую тычинку провода, в уши — поролоновые соцветия динамиков.

Смотрит с равнодушно-сонным видом.

Игра света и тени на ее лице продолжается — теперь беззвучно.

ЭНСК — РЕСТОРАН. УТРО

Пустой ресторанный зал — некрашеное дерево, связки сушеных трав и канатные морские узлы в простенках, просторные дачные окна — и кипение чуть подзолоченных листовенных волн вовне, на ветру; тишина, сине-белая клетка полотняных скатертей, средиземноморский вольный дух.

За столиком у окна — Александра Ефимовна Левашова-Лифшиц, Ася: коротко стриженная спортивная блондинка 30+ почти мальчишеского узкобедрого кроя, но с отчетливым бюстом, очень французское лицо — ноль косметики, натуральная цветущая нежность, тоже немного ретро, немного шестидесятые, хотя и чуть поглубже, пожестче, чем у дочери Яны.

Перед Асей — тощая картонная папочка, большая глубокая тарелка, средняя плоская тарелка, крохотная плошка. Ася неторопливо, с наслаждением ест мидий: пальчиками берет черную похабную раковину (иногда — с лобковой волосней водорослей) из груды в большой тарелке, абортирует рыжего моллюска крохотной вилочкой, макает в плошку с соусом, кидает выхолощенные створки на среднюю тарелку, проникновенно жует тварь. Кубический телохранитель скучает за стойкой на табурете. Больше никого — но появляется Валентин: падает на стул напротив Аси.

— Альсанн Ефимовна.

— Валентин Петрович.

Материализуется девочка-официантка; Валентин отвергает комплект разноформатных меню вежливым котовым жестом:

— Пожалста, двойной эспрессо, и поскорей.

— Спешите? — Ася отправляет в нежный жемчужно-розовый рот новую мидию.

— Дважды спешу, — Валентин демонстрирует улыбку. Ждет немножко... — Вы изучили предложение моих партнеров?

Ася тщательно жует, глотает, приспустив веки.

— Нет.

— В смысле — не изучали?

— В смысле — ответ отрицательный.

Официантка приносит чашечку, ставит у локтя Валентина. Тот берет ее, нюхает.

— Можно узнать — почему?

Пробует кофе.

— Не вижу повода продавать растущий бизнес. Особенно — за... — Ася приподнимает взгляд и вилочку, дирижирует ей возле уха, словно считает в уме, — примерно одну девятую реальной стоимости.

Валентин опрокидывает эспрессо в себя. Помолчав, глядя на Асю (та уже занимается очередной мидией):

— Телевизор вы не включали сегодня? Вторую кнопку?

— Включала.

— И как?

— Уморительно.

Валентин постукивает пустой фарфоровой скорлупкой о блюдечко. Проникновенно:

— Асенька... Ты правда, что ли, не понимаешь, что тебе де-факто уже, по сути, нечего продавать? А де-юре — это просто вопрос небольшого времени? И хорошо, если у тебя... и у детей... просто всё заберут... А не упекут тебя... к Женьке. Знаешь, я даже прямо поражен благородством... моих партнеров. Которые буквально час назад, на фоне этих вот... сюжетов... на федеральном канале... подтвердили по деньгам свое предложение.

— Благородство, да, — мелодично отзывается Ася. — Прямо поражает.

Пауза. Валентин вздыхает.

— Ну — я поеду, наверное.

Обозначает зародыш движения — встать.

— Конечно. Только глянь секундочку, — Ася пододвигает картонную папочку к Валентину. Тот берет, раскрывает. Секунду смотрит — непонимающе. Потом хмурится. Лицо каменеет. Ася орудует вилочкой. Протягивает ее — с насаженной оранжевой непристойностью — Валентину:

— Точно не хочешь? Свежие, с Иль-де-Ре. Говорят, на потенцию прямо волшебным образом влияют.

— Спасибо, — Валентин мрачно листает содержимое папки. — У меня и так... — поднимает взгляд на Асю: — И где ты это взяла? Эту... грязную ложь?

— Ну как хочешь, — Асины губы нежно снимают мидию с вилочки.

— Ась?

— Я думаю, — Ася мелодично постукивает вилочкой по тарелке, вдумчиво жует, — твоим партнерам стоит внимательно изучить эту грязную ложь. Мне кажется, она может серьезно скорректировать их предложение по цене. Может быть, раз даже в... девять? — делает гримаску — будто ее прямо сейчас посетила интересная мысль: — Слушай, мне даже кажется, эта грязная ложь — она и Женьке может помочь, ну, как минимум... не знаю... изменить меру пресечения?..

— Давай разводить темы как-то, — Валентин мрачно захлопывает папку. — Как-то чтобы реалистично. Мои партнеры, знаешь, они... не могут давить на следственные органы.

— Ага, — Ася лучезарно улыбается, тянется за новой мидией. — Только на причинные.

ЭНСК — СИЗО. УТРО

Плоское, на элементарную камеру снятое видео — прибитые цвета, глухой звук, таймер в углу экрана. В кадре — Вадим Мельник, Мел: заплывший глаз, царапины, разводы йода. Приторможенность — несколько секунд насуспенный Мел просто смотрит куда-то чуть вбок от объектива, потом вздрагивает, начинает говорить:

— Я, Мельник Вадим Робертович, девятьсот девяносто пятого года рождения, хочу сделать заявление...

Мужской голос:

— Пипец, ты чё — ТАСС, что ли? Давай заново.

Мгновенная судорога кадра. Отсчет опять с нуля. Тот же Мел — тем же казенным голосом, глядя чуть вбок и вверх:

— Я, Мельник Вадим, тыща девятьсот девяносто пятого года, хочу дать признательные показания, явку с повинной. А именно, что я в ночь с тридцать первого ноль восьмого на ноль первого ноль девятого... в ночном клубе «Кошкин дом»... стрелял в бизнесмена азербайджанца Саяфа Алиева из револьвера системы наган. Произвел два выстрела... боевыми патронами...

Теткинский, климактерически-недовольный, голос:

— То есть это было умышленное убийство?

— Нет, я... — Мел чуть запинаясь, морщится. — Я действовал сознательно. Однако будучи под принуждением... как жертва шантажа.

— Шантажа с чьей стороны?

— Со стороны человека, который оказал на меня давление с целью... чтоб я произвел выстрелы в Саяфа Алиева на поражение... В ходе нашей акции, которая с точки зрения моих товарищей имела политические цели, за патриотизм, а не для причинения смертельного вреда... В противном случае этот человек угрожал посадить меня в тюрьму по обвинению... ложному... в сбыте наркотиков, а также угрожал жизни и здоровью моей семьи... матери и несовершеннолетнего брата.

— Что это за человек?

— Он мне назвался как Сергей Сергеевич.

— То есть вы его не знали до этого?

— Нет... — взгляд Мела перемещается на другой фланг, минуя зрачок камеры. — Этот человек раньше мне не был знаком.

— И что — вот он вам просто стал угрожать? А вы ему поверили?

— Нет, не просто. Он свои угрозы также обосновал.

— Как именно обосновал?

— Он представился как представитель Левши. Как бы доверенное лицо.

— Подследственный, выражайтесь яснее. Чей представитель?

— Левашова Евгения Тихоновича.

— Бывшего мэра?

— Ну да.

— Вы смогли бы опознать этого человека? Сергей Сергеевич?

Мел, будто глубоко задумавшись и не слыша, отворачивает голову в сторону.

— Гражданин Мельник?

Не реагирует.

Мужской голос:

— В камеру смотри!

— Тут везде камера, — Мел наконец прямо и тяжело глядит в объектив.

— Подследственный, вы сможете опознать этого человека? — женский голос, механически-раздраженно.

— Так точно... — Мел морщится; после паузы. — Позвонить уже дайте, а!..

ЭНСК — НАПРОТИВ МАГАЗИНА «НОТКА». УТРО

«Субару форестер» останавливается у бровки тротуара.

Лёха Машканцев вырубает движок. Смотрит в окно: напротив, через улицу — стеклянная витрина: что-то изящно-клавишное, пузатый буржуазный контрабас, скрипка с приделанными стрекозьими крыльями, вьющиеся вокруг нее скрипичные ключи...

Магазин музыкальных товаров «Нотка»; разумеется, вывеска — на фоне нотной линейки, и меж толстых букв кузнечиками скачут по строчкам колченогие си-бемоли и до-мажоры.

За витриной, в загроможденной пианино и синтезаторами, аквариумно подсиненной глубине, проходит Оля Мельник, Фасолька: что-то втирает, жестикулируя, посетителю — мужчине в алой штормовке. Лёха с неподвижным лицом глядит на Фасольку. Вынимает из рюкзака термос, отвинчивает, наливает. Пьет.

Играет русский рэп: то ли 25/17, то ли Гуф, то ли Баста, то ли Каста...

Лёха резко садится, встрепенувшись. Фасолька выходит из двери магазина.

...Фасолька — темный плащ, кедки, роскошная грива перетянута в конский хвост, странная задумчивая полуулыбка на лице — запирает дверь (с внутренней стороны стекла — картонка с фломастерным «Перерыв 15 минут»). В пробеле меж быстро едущими тачками перебегают дорогу — к киоску с хотдогами не то модной азиатской лапшой...

— Оля!

Замирает на краю тротуара: к ней от «субару» идет Леха — огромный, как-то одновременно решительный, почти пугающий, и робкий, почти опасливый.

— Фасолька... Я тебе звоню — ты трубку не берешь...

— Алёша, я же тебя просила, — устало, почти равнодушно.

— Нам надо поговорить.

— Не надо.

— Фасоль. Меня сняли с дела!

— Ты все уже сделал, — тон не меняется. Лёха останавливается, даже чуть подается назад — будто пропустил удар в грудак.

— Фасоль... Да пойми же ты, это же... машина! — Лёха сжимает кулачище, встряхивает им: наглядная метафора. — Если б не я — Вадьку другой бы взял...

— Вот пусть и взял бы... другой.

— Ты чего, не понимаешь?.. — Лёха вдруг резко начинает заводиться: от этого ровного, лишённого эмоций тона, от такого же — чужого, отстраненного — лица любовницы. — Другой его бы, может, просто по ходу... завалил... — трясет кулаком. — Убил бы... Понимаешь, нет?.. — вдруг, потрясая кувалдой, оглушительно орет — оборачиваются прохожие, истерически лает такса на поводке у девочки. — Убил, понимаешь ты, дура?!.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, БАЛКОН НАД СПОРТЗАЛОМ. УТРО

Яна с отсутствующим видом сидит на широком квадратном бруске балконных перил — свесив ноги вниз, в пяти-, как минимум, метровую пустоту спортзала. Смотрит туда же невидящим взглядом. В ушах — затычки наушников, проводок тянется к зажатою меж ладоней смартфону. В наушниках — пульс музыки, громкий, частый.

Дверь на балкон за спиной Яны чуть приотворяется.

Мы теперь видим спину сидящей Яны глазами входящего. Медленно, крадучись он подбирается к ней...

— Яна? — голос Яна. И сам Ян: спокойно-напряженный. Девушка его не слышит. Ян, шурясь, видит наушники, догоняет. Осторожно, огибая Яну по дуге, перешагивая через складированный спортивный инвентарь, движется к перилам. Приподнимает на ходу руки... Он уже возле перил сбоку от Яны, когда она боковым зрением замечает движение. Резко оборачивается — Ян вскидывает руки в успокаивающем жесте, издает умиротворяющее «чшшшш!..». Яна выдергивает наушники из ушей. Смотрит на препода.

— Как вы меня нашли? — ровно.

— Да я сам сто раз тут отсиживался. Кое-что и за тридцать лет не меняется... — кладет ладонь на лакированную и процарапанную поверхность перил. — Можно?..

Яна пару секунд разглядывает его. Убирает телефон с наушниками в карман. Чуть пожимает плечами.

— Перила в публичном доступе.

Это явно Яна номер два — та, что умеет вымораживать воздух вокруг себя.

Ян возлагает на брус вторую ладонь, примеряется — и, сокрушенно выдохнув «эххх!», толкнувшись ногами, опершись на руки, — ловко вскидывает свое тело. Зависает на краткий миг в опасной неопределенности над пустотой — Яна вздрагивает: сейчас ухнет вниз! — но нет, приземляется задом на перила, утверждается, вид довольный. Яна чуть усмехается — но с облегчением. Сидят, как птахи на ветке. Молчат.

— Я думала, — Яна, наконец, — вы щас поближе подберетесь и как кинетесь... меня спасать...

— Вы ж не дура, чтоб прыгнуть.

— По-вашему, только дураки прыгают? — быстро, почти неприязненно.

— Нет. Еще те, у кого не осталось других путей. Но это... — Ян полуоборачивается к тезке, — пока не ваш случай.

Снова несколько секунд молчания: Яна зримо решает, считает что-то для себя, Ян, напротив, имеет безмятежный, умиротворенный вид.

— Вы правда дружили с моим отцом? — посчитала, решила, перешла к делу.

— Неправда, — недоумение во взгляде Яны; Ян поясняет: — Жека был на пять лет старше... ну, в смысле, он и сейчас... но в том возрасте... в вашем... — иронически-галантный кивок, — это для дружбы почти непреодолимая разница.

— Но вы же его знали? Лично?

— Конечно. Он у нас, пацанов, был в большом авторитете. Можно сказать — герой.

Яна медлит... решительно:

— Он был бандит?

— Нет, — без промедления, точно готовился и репетировал.

— Значит, законопослушный гражданин? — горькая ирония; глаза Яны шарят по лицу препода; на сей раз тот тянет с ответом... Яна — качнув головой:

— Зачем вы мне врете, Ян Иванович? Я так на дуру похожа?

— Не вру. Он не был бандит. Преступник — да, был... какое-то время.

— Типа есть разница.

— Конечно, есть. Бандит грабит, убивает, насилует. Преступник — всего лишь преступает законы.

— Всего лишь, — сарказм в голосе. — Да вы профессией ошиблись. Вам бы в адвокаты...

— Всего лишь, — повторяет Ян твердо. Ловит своим взглядом ускользающий, болезненный Янин. — Вы «Темную башню» читали? Стивена Кинга?

— Нет.

— Почитайте, очень, кстати, увлекательно... Так вот там у него всё такое... — чуть улыбнувшись, по слогам: — Пост-а-по-ка-лип-тичссское... Всё в руинах, магия и прочий беспредел... И люди про это говорят: «мир сдвинулся с места». Понимаете? Законы вроде все остались... И те, что в уголовном кодексе, и те, что в учебниках... физики там, химии... Только реальность им больше не подчиняется. То ли вовсе в ней не стало законов, то ли новые теперь какие-то — которых еще никто не знает... — Яна слушает его, чуть склонив голову. Ян слегка разводит ладонями. — Вот в моей стране... в нашей с Жекой... в ЭсЭсЭсЭр... ровно это и случилось. Мир сдвинулся. Всё иначе. Свобода — страшная. Законы — просто мертвые буквы в книгах. А как реально жить — не понятно ни фига. Трусливые... и слабые... сделали вот так, — втягивает голову в плечи, вскидывает согнутые в локтях руки — как боксер, закрывающийся от града ударов. — Стали ждать, пока придут и про новые законы скоман্দуют. Ничего,

кстати, многие дождались. А сильные, смелые, амбициозные... вот как ваш, Яна, отец... ставили себе цели — и к ним шли. И часто преступали, конечно, закон, вот все эти... линии... — делает правой движение, словно пальцем энергично чертит на песке, — ...двойные сплошные. С нашей, сегодняшней точки зрения. Только надо иметь в виду, что в том мире... в тот момент... никаких линий просто не было. Ну или никто их не видел практически.

— Ага. Только вы-то сами от этого не стали преступником.

— А кто это вам сказал? — Ян картинно подбоченивается. — Я в девяносто третьем поступил на истфак. А по ночам торговал в ларьке. Не, ну чё — провинциал в столице, общага, все дела, папы-мамы нет, — а жрать хочется, и девицу в кабаке сводить... и вообще... Так в ларьке у нас и спирт был самопальный, и бухло черт знает какое крученое, и курево — ну в лучшем случае контрабандное... Валюту тока так меняли... из-под прилавка... А под прилавком у меня, между прочим, лежал обрез, дробовик. Я знаете сколько статей ука каждый день нарушал?

— Это другое, — Яна упрямо качает головой. — Вы же не... крышевали... никого... не кидали, не разводили, не заказывали... Это другое вообще.

— Ну так у меня и амбиция другая. Я ж кто? — книжный червь, архивная крыса. Ни тебе всех денег заработать, ни бизнес-империю отгрохать, ни президентом стать — ну вот ни разу не собирался. Не планировал мир изменить...

— Не планировали? — Яна слабо улыбается. Ян, похоже, добился-таки своего: что-то ее отпустило, что-то расслабилось — в осанке и в лице.

— Не-а! — Ян решительно мотает головой.

— Странно. В книжке у вас только про это и...

Глухо звенит звонок. Яна осекается. Ян вздыхает, крутнувшись, соскакивает с перил назад на балкон. Протягивает ладонь:

— Тезка — понеслись.

Яна — опираясь на руку, спрыгивает тоже:

— А то что? Превратитесь в тыкву?

— Хуже. Гораздо... — Ян подозрительно оглядывается (заглядывает и за перила — вдруг там висит вражеский Карлсон?), драматическим шепотом сообщает: — Описаюсь!..

ЭНСК — ВОЗЛЕ ЗАБРОШЕННОЙ ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ. ДЕНЬ

...Еловая ветка с оттягом хлещет по лобовухе. «Форестер», подсакивая на ухабах, подвывая движком в заполненных грязью впадинах, на хорошей скорости выскакивает на лужок у берега: халупа лодочной станции, причал, на причале и возле — люди, несколько автомобилей (полицейский «каблук», дорогой джип, грузовик с открытой платформой), в воде болтается бьющий по глазам черно-красный «зодиак». «Субару» Машканцева резко тормозит метрах в десяти от береговой линии.

...Майор (рюкзак опять на плече) подходит к скуластому парню в гидрокостюме — тот как раз вылезает из воды, в руке баллоны акваланга, на грудь свисает маска с редуктором. Сваливает баллоны на песок, стягивает с башки плотный неопреновый капюшон. Топорщатся светлые вихры.

— Салют ихтиандрам, — Лёха тычет лапу.

— Товарищ майор! — ихтиандр крепко жмет.

От дальнего конца причала торопится полноватый типчик в костюме.

— Ну чё, встретил чё-нить интересное? — Лёха кивает на акваторию.

— Ага. Угря встретил. От такого, — парень хлопает себя по плечу и вскидывает выпрямленную мускулистую руку. — Его б, сука, за жабры, да под пивко с дымком...

Лёха коротко хмыкает.

— В курсе, что угри — падалышки?

— Чё, правда?

— Ну. Трупы жрут.

Парень выдает озадаченную гримасу; тут же ухмыляется весело:

— По ходу — мы-то сами чё?

Типчик в костюме (черты лица с азиатчинкой, на лацкане пиджака — мелкий значок-флажок, не то партийный, не то ведомственный), приближаясь, — с иронией, не слишком маскирующей неприязнь:

— Майор! Ты мне снишься же тут, правда?

— Ага, — Лёха свое презрение и вовсе не маскирует. — Иди проспись.

— Вот хамить тока не надо!

Лёха — ихтиандру, игнорируя коллегу-недруга:

— Так чё, нет ствола?

Ихтиандр фыркает.

— Лексей Викторыч, тут же не дно, а помойка...

Типчик — остановившись, однако, метрах в пяти, зло:

— лейтенант Симиндей, отставить детали следствия тереть с посторонним!

Ихтиандр чуть возводит очи горе: достал, мол; спокойно заканчивает:

— ...Одних покрышек — на таксопарк. Так что...

Красноречиво машет рукой.

Тип в костюме — вытаскивая мобильный:

— Ну все, майор, я звоню начальству.

Лёха подмигивает ихтиандру, чуть приподнимает кулак — венсаремос, мол; разворачивается, на ходу бросает типу в костюме:

— Мозгам своим позвони. Тока они явно у тебя вне зоны.

...Лёха грузно падает на водительское сиденье «субару», рюкзак тяжело бухает себе на колени. Секунду-другую сидит молча, неподвижно — только постукивает пальцами по баранке руля. Потом быстро лезет в рюкзак. Извлекает треугольный целлофановый сверток, перетянутый бурыми лентами скотча. Запихивает под соседнее сиденье. Поворачивает ключ зажигания.

ЭНСК — ДОДЗЁ В ДК «РЕЧНИК». ВЕЧЕР

Ванька Мельник (потный, встрепанный, в кимоно с желтым поясом) быстро делает шаг вперед; ложный выпад — вцепляется в противника, дюжего белобрысого парня, пытается бросить; безуспешно — парень подается назад, сопротивляется; сопя, качаются оба-два, возьются, сияются взять друг дружку на прием...

— Ямэ.

Тренер, о-сэмпай Рудольф Наумович — чернявый, черное кимоно, похож на краба: низенький, широкий, закрепленные на затылке резинкой очки в мощной роговой оправе и с мощными явно диоптриями. Прохаживается между разбитых на пары учеников по тесному полуподвальному (уровень асфальта делит вечерние окна надвое — на черный и синевато-золотой) зальчику, превращенному в подобие японского додзё. Циновка-татами на полу, вертикальные свитки с иероглифами на стенах, черно-белые фото японских кайсо и о-сэнсеев — патриархов, мэтров — в рамках, цветное фото Путина в кимоно и с черным поясом.

...Противники расцепляются.

— Наоре.

Отступают друг от друга, тяжело дыша, поправляя сбившиеся кимоно. Коротко, будто стыдясь, кланяются.

— Смена партнера.

Цепочки смещаются относительно друг друга. Напротив Ваньки теперь — Егор

Машканцев. Толстый, мокрый насквозь, мятый, мягкий, жалкий — как вдрызг размоченный ливнем стог. Глаза бессмысленные. Ванька плющит Егора черным мрачным взглядом. У Егора в лице что-то дрябло вздрагивает.

— Ёи.

Ванька становится в стойку. Егор тоже пытается.

— Хаджиме!

Пары кидаются в схватку. Ванька, мускулистый и быстрый, как бультерьер, тербит Егора; тот закрывается, вырывается, отмахивается — он пассивен и неуклюж, но — больше и куда тяжелей. Захват, дестабилизирующий рывок, ложный выпад, еще рывок — Ванька добился своего: бросок — толстые ноги Егора взмывают в воздух, миг балансируют там, уух — тяжелая мягкая туша хлещет о татами. Ванька падает сверху. Рука Егора, взятая на излом, — в его жилистых руках. Ванька давит на рычаг, гнет — Егор лупит ладонью по циновке, признавая поражение. Сипит:

— Всё! Всё!..

Ванька то ли не замечает и не слышит, то ли делает вид: продолжает ломать противника, оскаленный, с упавшей ширмой...

— Яме!

Ванька нехотя отпускает руку Егора: сэмпай стоит прямо над ним. Ванька быстро встает. Егор копошится у ног, сгребает трясущимися ладонями себя, раздавленного.

— Иван, проблемы со слухом?

— Всё нормуль, — угрюмо и глядя мимо.

Сэмпай разглядывает Ваньку. Громко, для всех:

— Работаем не с мешком картошки. Работаем с реальным противником. Показываю еще раз правильную технику. Иван?..

Отступает, делает Ваньке приглашающий жест ладошкой. Тот становится в стойку. Помедлив — сэмпай неподвижен, отдает инициативу, — кидается вперед. Все происходит мгновенно и почти непонятно глазу: ноги Ваньки описывают широкую дугу, он с плоским хлопком впечатывается в татами. Сэмпай — сверху: лицо безмятежно, руки без видимого усилия берут на излом напрягшуюся конечность бьющегося Ваньки.

Все стоят вокруг, глазают — все, кроме Егора: он трет физиономию, шмыгает носом, косит в сторону.

Сэмпай, чуть склонив голову — заглядывая в прижатое к полу наливающееся багровым Ванькино лицо, — продолжает выламывать ученику локтевой сустав. Ванька, сжимая зубы, толчками выталкивает из себя воздух; не орет; терпит.

— Хватит? — голос сэмпая участлив.

— Нор... муль...

— Хватит, — сэмпай, утвердительно. Выпускает Ваньку, отскакивает от татами каучуково. Обводит всех спокойным взглядом: приземистый, аккуратный, с ровным дыханием, пучеглазый в своих телескопах краб. Ванька собирает себя с досок с усилием — почти как Егор недавно.

— Смена партнера.

Легкая суматоха, хаотичное всеобщее смещение на такт.

— Ёи.

Напротив Ваньки — коренастая девушка, кровь с молоком... Таня Наговицына! Румянец во всю щеку: смущена и взволнована. Сбитое набок кимоно демонстрирует край скромного бюстгальтера — и болтающийся на цепочке серебряный православный крестик. Ванька смотрит на Таню, будто не видя.

Напротив Егора — Толя Петрик. Ухмыляется, вытягивает губы трубочкой. Цокает.

— Хаджиме!

Пары кидаются в схватку.

ЭНСК — ДОДЗЁ В ДК «РЕЧНИК», РАЗДЕВАЛКА. ВЕЧЕР

Скрипит металлическая дверца шкафчика — Егор (в одних труханах-семейках-боксерах, весь в подсыхающем поту, с торчащими в разные стороны волосами) кидает мокрый ком кимоно на длинную скамью, идущую вдоль всей раздевалки, лезет в шкафчик, тащит наружу другой неопрятный ком — сменный, уличный, сухой. Вокруг галдят, переодеваются.

— С-с-свинкааа!..

Торжествующий дикарский вопль — сзади; две сильные руки споро вцепляются в трусы Егора, сдергивают вниз, оголяя обвислые ягодицы. Егор разворачивается, роняет шмотки (джинсы в одну сторону, заношенные носки с блестящей пяткой, — в другую), хватается за трусы — все одновременно. Ржание — с разных сторон. Егор судорожно дергает резинку трусов кверху. Петрик — это был он, конечно, — весело гримасничает, растопырив ладони. За его спиной Ванька Мельник — вполоборота, надевает свою бундесверовскую камуфляжную куртку: мрачная, но одобрительная усмешка.

— Хрю-хрю-хрюуу! — вопит Петрик. — Хаджиме!..

Делает резкий выпад обеими руками, хлопает Егора по отвислой груди — руки Егора ответно и запоздало взлетают: защититься, — а ловкач Петрик уже, сделав финт, снова ухватывает труханы Егора, снова рвет их книзу; Егор перехватывает запястья Петрика, когда испуганно скукоженная пиписька в курчавой опушке уже предъявлена миру; борется с хохочущим Толяном; вокруг ржут, кто-то пронзительно свищет; Ванька, презрительно и с усмешечкой, не глядя, вжикает молнией...

— Свинка, ямэ! Пухлые яйца — к а-а-асмотру!..

Егор выпускает вдруг руки Петрика (тот от неожиданности проваливается книзу с зажатыми в кулаках и уже, кажется, лопнувшими по шву трусами) — и с силой пихает его обеими ладонями в грудь. Треск ткани, Петрик отшатывается — в кулаке зажат клочок трусов Егора — едва удерживается на ногах. Выражение беспредельного веселья на миг покидает его физиономию, уступая чистой злости: он распрямляется, так же сдвоенно — но куда мощней — ответно пихает Егора. Тот влипает спиной в шкафчики — и обваливается вниз, на скамью, комом сырого теста. Но вновь прикрывших срамоту трусов не отпускает. Петрик — снова шут, паяц, ничего личного — размахивает лоскутом трусняка, как трофейным стягом, верещит электронным голосом:

— Ахтунг-ахтунг!.. Бешеная швайне!.. Все в укрытие!..

Смех, агитация кругом. Из глаз Егора текут слезы. Взгляд Егора опять — не в первый раз — прыгает над могучим плечом Петрика, за него — к лицу Ваньки. Ванька — одет, рюкзак на плече — стоит со странной застывшей ухмылкой: Егор явно ему неприятен — но, кажется, неприятно и происходящее.

Егор вдруг орет, срывая голос:

— Гады!.. Чё вам надо от меня, гады?!

Петрик ухмыляется. Но Егор все так же смотрит не на него — на Ваньку; взгляды их — впервые туг — сталкиваются.

— Это мой батя — мент!.. А я — не мент!!! Я вас не трогал!.. Я вам не сделал ничего!..

Ржание вокруг как-то затихает.

Егор, продолжая смотреть на Ваньку, вдруг отпускает свои рваные труханы, поднимается — жирный, багровый, мокрый и с мокрыми дорожками по щекам, оглушительно некрасивый:

— Мне вообще насрать, ясно вам, гады?!.

— Свинка охренела? — Петрик шагает к Егору, занося руку.

Резкий голос Ваньки:

— Отстань от него.

Петрик — разворачивается, возмущенно:

— Ты его вообще слышал?.. Он же...

Ванька стоит неестественно прямой, бледный. Застывшее лицо, черные — выгоревшие — глаза.

— Я сказал — отстань.

Петрик затыкается. По лицу проходит быстрая тень — но он переключается мгновенно, и вот уже с ухмылочкой клоунски кланяется — будто шляпой пол метет. Ванька вдруг шагает вперед — и Петрик чуть отшатывается, и Егор подается к шкафчикам: на лице мелькает испуг.

— Извини.

— Что?.. — голос у Егора разом сдвигшийся, тонкий, потерянный; глаза застыли на полувывкате.

— Извини, — без выражения повторяет Ванька.

Поворачивается. Под взглядами Егора, Петрика, двух десятков в разной степени одетых учеников — выходит.

ЭНСК — СПОРТКОМПЛЕКС «ДИНАМО», БАССЕЙН. ВЕЧЕР

...Лиза подставляет лицо под колкие спицы душа — одна в кафельной нише. Поводя плечами, высвобождает верхнюю часть торса из купальника. Ладонь скользит по груди, к набухшему соску, ниже...

— Тимакова, ты чё тут — дрочишь?

Лиза дергается, разворачивается на гоповатый вокал, резко запаковываясь в купальник: крупная, раза в полтора шире и тяжелее ее, девка из Лизиной группы радостно и нагло скалится, закупорила собой проход.

— Растворись, овца, — голос у Лизы ровный, усталый.

— Тимакова, сучка, ты охерела ваще? — девка шагает вперед, зло и небрежно пихает Лизу обеими широкими ладонями. Лиза стучается спиной о кафель. И — взрывается. Оскаленной ведьмой ныряет вперед; когти левой хватают девку за пах (девка испускает ультразвуковой изумленный писк), локоть правой с размаху врывается в девкино горло, вбивает ее в кафельную стенку (писк переходит в паническое сипение). Кажется, сейчас Лиза вцепится девке в перепуганную харю зубами...

Детский гомон: в сторону бассейна через душевую семенит стайка девочек 7+ в одинаковых резиновых колпачках и очках, у одной, серьезной, в руках — надувная утка. Лиза отталкивает девку — отталкивается от нее. Отворачивается.

— Больная, юмор не понимаешь! — испуга больше, чем злости.

Лиза не отвечает, резко шагает из ниши...

...И выходит (яично-желтая штормовка, трикотажная шапочка) из стеклянных дверей спорткомплекса — на автостоянку, отороченную утлым сквером. Смазанное сиреневое зерно гуашных сумерек; нахрапистый норд-ост приминает, прогибает к асфальту синева, с потеками желтизны, листовную массу.

Лиза поплотней натягивает шапочку на влажные волосы.

— Девушка?.. — отшатывается инстинктивно. Парень — худы, кроссовки «ню бэланс», синий рубчатый пуховичок, грубые штаны-непорывайки со множеством поместительных карманов; тот самый парень, что прыгал с вышки; в обеих руках — по пенопластовому, для горячего, стаканчику; протягивает один; шурится, покаянно. — Простите, я не хотел вас напугать.

Этот парень — Максим. Теперь — в образе «городского спортсмена-экстремала». Скейтер, бейсер, стритрейсер.

Лиза уже восстановила защитный контур: на месте промелькнувшей было крошки-гензель, потерянной в жуткой ночной дубраве — снова городская хайтек-принцесса, стерва-звезда.

— Мне маменька запрещает пить с рук у незнакомых мальчиков.

— Дабл эспрессо. С кофеином, без клофелина, — Максим улыбается, улыбка обаятельная, открытая. — Сахара, правда, две с горкой... — опять почти виновато: — Организму после нагрузок нужна глюкоза.

Лиза, демонстративно изучая визави, принимает стаканчик. Вминает клапан на пластиковой крышечке, делает глоток.

— Гена, — Максим, спохватившись, протягивает ладонь. Лиза дает свою. Максим без колебаний пожимает — аккуратно, но по-мужски.

— Лиза.

— Нежное имя.

— Спасибо, что сразу не вопишь — «о, бедная!...» — Лиза отпивает еще кофе.

— Ну ты ж не завопила — «о, крокодил!»

Смеются оба.

— А ты не крокодил? — Лиза, подхихикивая.

Максим удрученно разводит руками.

— Дай угадаю, — Лиза резко обрывает смех; с издевательским серьезным пафосом: — Ты — модный режиссер, так?

Максим с некоторой оторопью качает головой.

— Значит, телепродюсер. На федеральном канале.

— Я летчик вообще-то, — голос звучит слегка даже сконфуженно.

— А! Истребитель. На неделю в отпуск, а потом — назад в Сирию, долбить игил. Правильно?

— Зачем, — Максим, склонив голову, глядит на Лизу. — Я гражданский летчик. Транспортная авиация...

— А как же риск? Адреналин?

— Ну видишь вот — с вышки прыгаю... — Максим пожимает плечами.

Лиза чуть смущена. Набросилась зачем-то на парня...

— У тебя в целом прямо отличная техника, — сообщает Максим.

— У тебя тоже ничего, — с нажимом. — Но?..

— На развороте ты немножко времени зря теряешь. Может, четверть секунды... — Максим задумчиво трет нос. — Я тебе могу более правильное движение показать... Ну, если захочешь, конечно...

Прерывистый гудок автомобиля; из глубины стоянки через сгустившийся, темно-синий вечер бьет желтый свет фар; фары подмаргивают раз, еще раз.

— Это за мной, — Лиза шагает от Максима, салютует стаканчиком. — Не-крокодил... Спасибо за кофе!

«Гена» покорно улыбается, кивает.

...Лиза садится в машину — это скромный новенький кореец. За рулем — Фёдор, студент-старшекурсник, симпатичный, спортивный, неглупый, децл мажористый, парень лет двадцати двух; повадкой барственного мачо старается компенсировать некую понятную неуверенность в себе. Лиза быстро — на опережение — чмокает его в щеку.

— И кто это у нас был? — Фёдор, тревожно, как бы небрежно, следя за Максимом, — тот скрывается в чаще припаркованных автомобилей.

— Дядь-Федь. Ты что, ревнуешь?

— А надо? — Фёдор переводит взгляд на Лизин точеный профиль.

— Конечно, — легкая улыбочка. — Это летчик-космонавт. Тренируется тут перед полетом.

Фёдор недоверчиво фыркает, тянет руку, отодвигает локон, ведет пальцами по Лизиной щеке... сопит с вожделением...

Вздрагивает: вечер взрывается жестким музлом. Выруливает из-за стоящих тачек сверкающий, кричаще-яркий болид Максима. Грохочет фрезерным техно:

— Хундертвассер, ты прекрасен!.. Хунта вассервага!... Мне итог предельно ясен!.. Трибунал, Гаага!..

(Группы «Вагоновожатые», «Хундертвассер хунта».)

Расписной спорткар с победно торчащей серебристой фигуркой на остром носу притормаживает на траверзе «корейца»; прибалдевший Фёдор, глядящая с юмористическим изумлением Лиза; «Гена-летчик», бесхитростно улыбаясь, машет рукой (Лиза приподнимает в ответ ладошку); рывкнув движком, хрипнув резиной, лязгнув музоном, болид прыгает прочь. И раз — пропал, как в ноль-пространство канул. Фёдор и Лиза секунду сидят молча.

— Ну мы едем? — Лиза потягивается. — Или как пиндосские тинейджеры — будем в тачке трахаться?

— А что, — Фёдор улыбается малость через силу. — Крутая идея. Меня заводит...

Снова тянется к Лизе. Та, ровно:

— Тачку сначала нормальную купи.

ЭНСК — ПУСТЫРЬ. ВЕЧЕР

Сумерки, синюшно-багровое гематомное небо. Тот странный тусклый свет, в котором всё еще видно четко — даже преувеличенно четко — но будто бы покрыто зыбким слоем глицерина: и далекие мертвые корпуса фабрик с вбитыми в них штыками труб, и плотная листовая оплетка руин несбывшегося торпедного завода, и глыбы бетона, и мельчайшая сорная дребедень, невостребованные осколки погибшей цивилизации.

Звяк прибывшей эсэмэски. И еще один.

Мерное пластмассовое пустотелое пощелкивание.

Егор Машканцев, сутулясь, сидит на крупном обломке. Рюкзак валяется рядом. В руке у Егора железная труба — то ли та самая, которой он пытался ударить отца, то ли ее сестра-близнец. Трубой Егор постукивает по пустой пивной таре — полуторалитровой, зеленого пластика. Гоняет ее туда-сюда у ног. Едва ли сознательно — взгляд развернут внутрь.

Звонит телефон. Егор вздрагивает, вынимает, смотрит. «Мама». Егор медлит. И еще. Звонок обрывается. Егор сует телефон в карман, озирается — с видом человека, не очень понимающего, как тут очутился. Смотрит на трубу в своей руке. На пивную бутылку. Вдруг размахивается и с силой засаживает трубой по бутылке. И еще. Встает. Перехватывает трубу уже обеими. Еще, и еще. Оскаленный, лупит крякающий, ускользящий пластиковый цилиндр, пока не изламывает его, не рассекает и не деформирует. Стоит с трубой в руках, тяжело дышащий, бесформенный, с обвисшим лицом.

Нарастающий шум движка. Егор поднимает взгляд. Промельк фар, и снова. Переваливаясь и вихляя, походя слепя дальним светом — по пустырю к Егору быстро приближается автомобиль.

ЭНСК — ПУСТЫРЬ. ВЕЧЕР

«Форестер» встает, чуть накренившись. Лёха вылезает, не глушит мотор: из салона бурчит и крикает русский рэп. Брутальный Наггано — на полпустыря:

— Роле-роле-ролексы... у каждого своя роль, свои комиксы... вот тебе от бати на память часы, сын... помни и носи...

В одной руке у Лёхи треугольный сверток — во много слоев намотанный целлофан, бурые полосы скотча. В другой — термос со свинченной пробкой. Оставив дверцу открытой, Лёха обходит «субару», на ходу запрокидывает термос, выливает в себя остатки. Отпирает багажник. Кидает туда термос, вынимает саперную лопатку. Не закрывая багажника, идет прочь от машины. Глухое рэп-бормотание. Сверток, лопатка. Шарит взглядом по мусорным долинам и взгорьям. Останавливается в ложбинке меж двух неравнозначных бугров. Озирается. Кладет сверток на бетонный обломок.

Вгоняет штык лопатки в землю....

...Трамбует им же — плашмя — рыхлую разрытую почву. Взявшись за здоровый шишковатый кусок железобетона, пристраивается — руки не проткнуть ржавыми арматурными иглами; крикает, берет вес (из-под камня ломаются несколько крупных сороконожек); аккуратно разворачивается и придавливает глыбой могилу свертка.

Пошатав туда-сюда — чуть хлюздает, но в целом устойчиво, гут, — вынимает из кармана баллончик-пульверизатор, метит каменюку загогулиной алой краски. Вытаскивает смартфон. Включает джипис. Получив свои точные координаты, парой касаний вбивает в память. На экранчике — карта города Энска — появляется алая точка.

Лёха идет обратно к «субару»: с распахнутой дверцей, разъявленным багажником, ярко лучащаяся изнутри, сурово и уютно бухтящая пацанским музлом, — посреди пустыря тачка кажется то ли волшебной шкатулкой, то ли инопланетным кораблем-разведчиком.

Лёха кидает лопатку в багажник, хлопает, подходит к дверце...

Сквозь суконный баритон наговаривающего на себя и родину рэпера — всхлип чужого мобильника. Короткий, тут же оборвавшийся — да и не почудился ли?.. Лёха вырубает движок (музыка и фары умирают). Пригнувшись, делает шаг-другой в темноту. Напрягает слух и зрение...

Никого, ничего.

Возвращается и падает за руль.

ЭНСК — ПУСТЫРЬ. ВЕЧЕР

Шкрябая по ухабам твердыми сверкающими щупами дальнего света, тля угольками габаритов, автомобиль удаляется. Егор (железная труба в руке) выдирается из кустов. Дышит часто. Глядит машине вслед. Глядит на экранчик мобильного: последний звонок — «Мама», продолжительность...

Телефон оживает: «Мама» снова звонит. Но теперь звук выключен.

Егор сует мобильник в карман и ковыляет туда же, куда ходил Лёха.

...Встает над глыбой, меченой алым зигзагом.

...Пробует поднять... свернуть... толкает, надсаживается... всё безуспешно.

...Отдышавшись, вбивает под край каменюки конец трубы.

...Налегает на рычаг... давит, жмет...

...Смещает...

— Ыыыыыы!.. — хрипит на одной злой тяжелой ноте.

...Сковыривает: глыба переваливается на бок.

...Егор грязными — земля набилась под ногти — руками вынимает из разрытого тайника сверток.

...Крошечным лезвием потешного перочинного ножичка пилит многослойную целлофановую кожуру.

...Раздирает неровные краешки разреза. Зажав включенный в режиме фонарика телефон между челюстью и плечом, пропихивает внутрь свертка пальцы.

...Вытягивает за ствол револьвер системы «наган». Пара патронов падают при этом наземь, на гильзе у одного — синий крестик.

Подсвечивая мобильным-фонариком, Егор смотрит на револьвер в своей руке.

ЭНСК — ЦЕНТР, ДВОР, ПОДВАЛЬНЫЙ КЛУБ. ВЕЧЕР

Ванькин чоппер-самопал с тарахтением въезжает во двор-колодец. Булимические мусорные контейнеры, коты-архаты. Ванька вырубает агрегат. Слезает с седла.

Звонит в звонок на железной двери. Дверь открывается, изнутри поверх плеча амбала-вышибалы (сегодня он в футболке с черепами и лейблом Slayer) Ваньке сразу прилетает быстрая и мощная барабанная серия в голову: тяжелый технометаллический музон, как обычно.

Амбал некоторое время разглядывает Ваньку. Отодвигается, наконец.

Ванька спешит по кабаку-лабиринту, еще полупустому: звук — как в камнедробилке, свет — как в сварочном цеху. Высматривает, щурясь от вспышек, корешей; бинго — племя наголо бритых, мускулисто-расписных в жилетках и камуфляже, пьет из тяжелых кружек пивас, оккупировав пару столов в закутке. Ванька двигает к ним, на ходу приветственно поднимая ладонь. Его видят — на взгляд первого заметившего оборачиваются и другие. Ванька широко улыбается... улыбка сползает. Племя, пиная табуреты, дружно встает и снимается — от Ваньки прочь.

— Парни?.. — недоуменно. В спины: уходят, как бы не замечая. Ванька, ошарашенный, дергается следом — последний, знакомый подзаплывший крепыш в рунической росписи, заступает дорогу.

— Лось?.. — Ванька все еще рвется туда, вслед за племенем. Крепыш Лось предостерегающе растопыривает пятерню: стоп! — дергает вбок зенками и башкой: пошли перетрем.

...Сортир — весь из ржавого металла в заклепках, как в постыдаерной трэш-фантастике. Лось притворяет за собой и Ванькой дверь, сбавляя прямую точечную бомбежку до далекой канонады. Ванька — вштыренный, пузырящийся — шагает к нему:

— Лось, я не понял, чё за...

— Чшшш, — Лось прижимает палец к губам. Ванька осекается. Лось двусмысленно улыбается, разглядывает Ваньку. — Вань, ты хороший пацан. Наш. Но брательник твой — по уши в говно влез. Реально говно непонятное, но воняет... — Лось подносит пальцы шепотью к ноздрям, втягивает, смачно: — ...как говно. И про мэра еще эти слухи...

— Про какого мэра?

— Про крайнего, про какого. Про Левашова. Что братец твой на него малость припахивал...

— Лось, чё за лажа? Где Мел — а где Левша?.. — голос Ваньки против воли дает сбой, звучит чуть фальшиво.

— Да оба в СИЗО ваще-т, — ухмыляется Лось. Резко топырит пятерню, затыкая опять раскрывшего рот Ваньку; подается к нему, с напором. — За дебила меня не держи, я обижусь. Типа никто не в курсе, чё за чиксу ты сюда таскал? И чья она дочурка? — Ванька закрывает рот, взгляд его виляет от наглого, давящего взгляда Лося.

Лось удовлетворенно усмехается, постукивает Ваньку указательным в грудь. — Вань, у ребят геморроя и так хватает, чужого говна непонятного им не надо щас, сечешь? Разберемся... вонь эту мутную проветрим... — помахивает ладошкой, — сядем-поговорим... а пока просто держись подальше, да?

Еще пару секунд, ухмыляясь, сканирует Ванькино потемневшее, убитое лицо, потом как бы дружески тычет его в плечо кулаком, разворачивается, шагает к двери сортира, берется за ручку:

— Отдохни, расслабься.

...Ванька, сугулясь, фамильной развалкой идет через грохот и сполохи по зальчику. Племя теперь бухает в углу: Ванька глядит на них исподлобья — братья его полностью игнорируют. Ванька подваливает к стойке; развернувшись к племени спиной, наваливается локтями, орет мрачному бармену:

— Водки! Двести! Какая подешевле у вас!

— А паспорт у тебя с собой? — орет в ответ бармен. Ванька дергает щекой:

— Да блин — всегда в кабаке с ксивой хожу!.. — бармен с недовольным видом делает движение — отвернуться. Ванька, резко перегнувшись через стойку, хватает его за рукав, второй рукой шлепает пятисотрублевую купюру. — Ну ты чё! Давай вот — без сдачи!..

Бармен, поглядев на него, как солдат на вошь, высвобождает рукав — но склевывает купюру, выдергивает из толпящейся стеклотары пузырь бюджетной водяры, с презрительным шиком, струйкой с высоты, вбивает двести в граненый стакан. Толкает к Ваньке по стойке. Ванька берет, нюхает, морщится. Высаживает залпом. Выдыхает, кашляет, утирает слезы кулаком. Сыграв скулами, разворачивается — и быстрым моряцким аллюром двигает к выпивающему племени.

Тут уж его замечают. Лось — дубль два — оборачивается, недовольно кривясь, поднимается навстречу Ваньке с табурета, разводя крепкие ладони:

— Я думал, Мельник, — ты понятли...

С воплем «ха!», еле различимым в железном потоке звука, Ванька с ходу простецким бурлацким махом сносит Лося с копыт.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, КАБИНЕТ. ВЕЧЕР

Ян (джинсы, полосатая рубашка навыпуск) в пустом кабинете, за учительским столом. За окном — уже обесточенный, но еще не выработавший весь ресурс закат, плотная синь и немного фальшивого золота над траченной прерывистым городским контуром линией горизонта. На столе — ноутбук, веера бумаг, телефон...

Бряк эсэмэски в телефоне, озаряется бледным светом экран. «Нина Тимуровна» — Ян касается пальцем.

«Кофе стынет...» — и троица грустно-вопросительных эмодзи.

Ян усмехается. Захлопывает ноутбук, поднимается из-за стола, тут же нагибается за рюкзаком — одной рукой что-то быстро набирая на телефоне в ответ.

ЭНСК — ЛИЦЕЙ, ВОЗЛЕ ЛИЦЕЯ. ВЕЧЕР

Яна Левашова (джинсы, тонкая кофточка) быстрым шагом проходит — почти пробегает — по коридору на первом этаже Энского лицея. Синеватый полумрак, лампы в коридоре выключены, за окнами темнеет; Яна минует расширение коридора с «уголком отдыха» и иконостасом лучших выпускников, не замечая парня в темной одежде, сидящего на корточках на подоконнике.

Парень — Глеб Янсма — провожает Яну взглядом, толкает массивную створку уже отворенного окна — и аккуратно выпрыгивает наружу.

...Яна вылетает из калитки в ограде на тротуар (позади нее виден фасад Лицея — там вместо дрим-тима Идеальных Выпускников красуется алый баннер «Все на

выборы! Избирательный участок № ...») — и сразу видит Ваньку: на той стороне улицы, наискосок — под уличным рекламным щитом с чьим-то длинным изречением, возле кучи песка и щебня (ремонт дороги!), огороженной красно-белым заборчиком с хэллоуинскими шарами-фонариками, от которых на асфальте — багрово лоснящиеся световые потеки. Не столько сидя на своем мотоцикле, сколько привалившись к седлу, спиной к Яне, Ванька курит; сигарету держит в левой.

Яна быстро идет к нему.

— Вань?.. Что случилось?..

Ванька, не меняя диспозиции, лишь странно полуоборачивается — в левый профиль, косит на Яну яростным черным глазом. Сипло:

— Поехали.

Затягивается.

— Куда?.. — Яна хмурится, разглядывает Ваньку: что-то же явно не так.

— Да все равно, — отбрасывает сигарету. — Куда хочешь.

Выпускает дым. Яна вдруг идет влево — огибая мотоцикл:

— Ты же знаешь, я не могу сегодня... меня... — Ванька замечает ее маневр, рыпается было — но не успевает. — Ванечка?.. Что у тебя с лицом?!

Вся правая половина физиономии у Ваньки — сплошной фингал и ссадина: глаз заплыл (точно как у брата в СИЗО), губа разбита, на лбу и челюсти багровые борозды. И правую руку он держит на весу осторожно: костяшки разможены, кисть припухла...

— Ничё... — бодрая ухмылка победителя. — У этого козла хуже...

Яна шагает к Ваньке, осторожно трогает его лицо кончиками пальцев.

— У... кого?... Кто тебя избил?..

— Я ему, суке, челюсть сломал, зуб даю... — Ванька отстраняется вдруг, выдает широкую кривую улыбку (улыбаться явно больно). — Да ну никто меня не бил, Янк! Просто поспорили... друзья и едино...мыш-ш-ш...ленники... — вдруг нервно, глуповато хихикает.

Яна глядит на него с жалостью и ужасом.

— Ваня, ты... пьян?

— От любви, — широко взмахивает руками — К р-родине, нах. К л-людям...

— От тебя водкой пахнет. И кровью.

— Эт' потому что я одно... отчищал... другим... и внутрь немножко... для дезинфекции... Эт' русский по ходу запах... не нравится, да?.. — снова вскидывает руки, паясничая, будто Петрик. — Шучу-шучу-шучу!..

— Ванечка, тебе в больницу надо, — голос Яны неожиданно тверд. — В травмпункт.

Ванька шагает к ней от мотоцикла — движения его неуловимо неверны. Яна подается назад. Где-то поодаль негромко рокочет автомобильный движок.

— Да ну Янк, ну какой трав...пункт. На мне ж как на собаке... — хватает Яну за руку. — Ну давай, слуш, просто поехали уже.

Яна тянет руку — Ванька не пускает:

— Вань...

Отдаленный рокот движка мигом раздувается в грохот, слепое пятно галогенового света накрывает разом обернувшихся Яну и Ваньку, обжигает глаза, заставляя вскинуть к лицу ладонь. Визжат шины, свет и звук прыгают к Яне и Ваньке, вдруг оказываются близко, рядом, вплотную. Слепленные, оглушенные, они шаркаются вбок — на голом инстинкте. Окотив обоих воздушной волной, темный, назойливо затюнингованный, «заделанный» БМВ неновой модели врубается в Ванькин чоппер, опрокидывает его и сносит. Дребезг, скрежет, искры, дробный стук — как от раскатившихся бусин; летит в сторону, подпрыгивая и азартно вращаясь, что-то сверкающее, хромированное...

ЭНСК — САЛОН БМВ, МОСТОВАЯ ВОЗЛЕ ЛИЦЕЯ. ВЕЧЕР

В салоне срубившего Ванькин мотоцикл и резко затормозившего БМВ мяукает мусульманская музыка, раскачиваются под зеркалом хвостатые четки. Двое молодых, лет по 20, парней на передних сиденьях, сзади — еще один (бородка, спортивная фигура)... и низенький рыжий пацан — Аслан Тамилмирзоев. Через лобовуху видны замершие в снопе света Ванька и Яна.

Парни на передних сиденьях, распахнув дверцы, резко вылезают — в руках у одного дубинка, у водителя — кастет. Парень на заднем тоже распахивает дверцу — в руке у него бита; Аслан хватается парня за рукав:

— Дамир, может, не надо?.. — на гортанном, горском языке; аварском?

Дамир ошпаривает Аслана взглядом:

— Если ты овца, а не мужчина, то конечно не надо. Ну?

Аслан нерешительно глядит на Дамира — тот выдергивает рукав.

— Давай, младший, — вылезает.

...Ванька, щурясь и прикрываясь рукой, видит, как шагают к нему, подсвеченные с тыла, трое парней. Четвертый — на разбитом лице Ваньки мелькает удивление и понимание — Аслан; рыжий хоббит мнется сзади — явно уже не рад, что инициировал эту месть.

— О, шакал, тебе хлебало подправили уже? — восхищается Дамир на ходу, разглядев Ванькину физиономию. — Так я добавлю — за брата...

Ванька, не тратя времени на полемику, разворачивается к Яне: у Яны — неожиданно собранное, жесткое лицо, она как раз вынимает из кармана телефон. Во взгляде и мимике Ваньки проскакивает мгновенное недоумение, — кажется, он ожидал увидеть свою девушку какой-то другой; но осмыслить это нет времени — Ванька слегка толкает, отпихивает Яну, гаркает:

— Беги! Быстро!..

Яна не обращает на Ванькин толчок и слова внимания. Быстро шагает вперед и вбок — будто шахматным конем ходит, огибая Ваньку. Кричит, поднимая руку с телефоном — экранчиком к нападающим, виден номер 112 и символ производимого набора:

— А ну пошли отсюда! Я в полицию звоню!..

— Держи сучку! — по-русски бросает Дамир корешу с дубинкой. Тот подается к Яне — она шарахается. — Дамир прыгает на Ваньку с воплем, заносит биту, — кореш-два, с кастетом, набегают сбоку. — Ванька уворачивается от биты, хватается сегмент красно-белого заборчика, страшно и слитно орет:

— Уроюсукавсеховцедрочеры!..

Делает ответный выпад — треугольными остриями досок. Дамир отмахивается, херачит по доскам битой. Кореш-один настигает и толкает Яну — она летит на асфальт, светящийся смартфон падает из ладони в кучу земли, гравия и асфальтовых фрагментов — дзенькает, разбрызгивает стекло и пластик, рикошетит в ремонтную яму. Кореш-два сбоку налетает на Ваньку, рубит кастетом — Ванька кидает в него заборчик, тут же догоняет отшатнувшегося противника длинным ударом левой. Но с другой стороны уже насаждает Дамир — перетягивает Ваньку битой поперек корпуса, Ванька глухо, жутко вскрикивает и падает на колени. Дамир замахивается снова, мочит битой изо всех сил...

Снаружи, извне — застывший за пределами хаоса и бессмыслицы драки — с ужасом глядит приоткрывший рот Аслан.

...Кореш-один прижимает Яну к асфальту — та отчаянно отбивается, вырвав руку, полосует его когтями по роже — парень яростно взвизгивает, замахивается рукой с дубиной: перетянуть строптивую девку уже не сдерживаясь... И вдруг его будто

грузовик сшибает: кореш-один катится по асфальту, дубинал отдельно. Яна смотрит снизу вверх — там, вверху, обнаруживается учитель истории Ян Иванович Неверов. Бросает быстрый взгляд — и тут же, вместо чтоб протянуть руку, — исчезает из поля зрения. Яна приподнимает голову: Ян уже возле Дамира и кореша-два. Те увлеченно избивали упавшего Ваньку — и не успевают перестроиться, Ян же действует удивительно быстро и эффективно для интеллигента-ботаника. Ударом ноги в бедро опрокидывает на асфальт Дамира с битой, уклоняется от выпада кореша с кастетом — и сшибает его крепким хуком...

Секундная пауза повисает, как капля, и тут же, на глазах, набухает новым действием. Яна, сжимая и разжимая ладони, поднимается с асфальта; копошатся избитый Ванька и оглушенный Яном кореш-два; подбирается сбоку кореш-один — боком, по-крабьи, без дубинала, но злой; вскакивает на пружинках и широко заводит для удара битой оскаленный Дамир... — и вдруг на нем повисает Аслан, оплетает пообезьяньи, цепляется за биту, вопит отчаянно:

— Дамир, нет! Это учитель наш! Учитель!..

ЭНСК — КВАРТИРА ФАСОЛЬКИ. ВЕЧЕР

С трудом, по-стариковски гудит холодильник. Захлебывается — становится слышно тиканье настенных часов. Сглатывает и снова гудит.

Яна и Ян — на тесной кухоньке, втиснутые на стулья возле откидного — от подоконника, от облупившейся батареи — стола. Молчат: Яна нервничает, Ян — на вид спокоен. Косится на Яну. На холодильник. К дверце прилеплен буквами-магнетиками пожелтевший ватман формата А3, на нем — рисунок гуашью не то постелью: черноглазый brutальный парень в черной флотской форме и бескозырке. Отдает честь, ленточки бескозырки взвиты ветром, синие полосы тельняшки рифмуются с синей условной разметкой акватории за спиной парня — в ней громоздится серый супермегагиперлинкор, проштампованный триколором и красной звездой, ошетиненный жалами орудий, паутиными локаторами, пакетами ПКР и ПЗРК. Называется полотно — «Брат». Подписано — «Мельник Иван, 6-й А».

Распахивается дверь, входит Фасолька — еще тоньше и бледнее обычного. В руках подтекающий красным влажный марлевый ком, одноразовый шприц, сломанная пустая ампула, жестяной тюбик мази, металлическая миска с розовой водой — всё ловко, в охапке. Фасолька прикрывает дверь за собой движением локтя — но кухню успевает сбрызнуть едкой пеной музыкальной волны на излете — что-то агрессивное, кажется, «Кровосток».

Яна вскидывается, Ян спрашивает быстро:

— Ну как он?

Фасолька уже у раковины — быстро запихивает мусор в мусорник, миску в раковину, пускает воду.

— Я повязки с вишневым сделала, анальгин вколола... — споро отмывая миску, оглядывается, видит напряжение на лице Яна, убедительно: — Янчик, ну я все-таки год сестрой отпахала — в Гудермесе причем... Всё у него важное цело... — болезненно улыбается. — Ему поспать, а он не хочет... Музыку врубил...

— Оль, я бы все же вызвал скорую. От греха.

— Он не хочет, — повторяет Фасолька слегка беспомощно. Перекрывает кран, вытирает ладони полотенцем, врубает электрочайник. Вообще как-то хлопчет руками, будто не знает, куда их деть.

— Ольга Тарасовна, можно мне к нему? — громко говорит Яна, глядя прямо на Фасольку.

— Упертый — жуть, — Фасолька словно бы не слышит Яну. — Они... оба у меня

такие... в отца. Роберт, знаешь — все время повторял, что он настоящий десантник... Безбашенный и безмозговый... — Фасолька криво усмехается, вдруг смахивает тыльной стороной ладони наворачнувшуюся слезу. — Ох, Янчик, прости пожалста...

— Оль, ну как минимум — если его тошнить начнет... или температура вверх ползет... вызывай скорую сразу. Не тупи. Ванька — пацан, круче только яйца, ты-то чего на подростковые понты ведешься...

— Да конечно я вызову, — Фасолька берет себя в руки. — Прости, Янчик, это... всё вместе просто. Я не такая идиотка, как-то же двоих вырастила.

— Да отлично вырастила.

Фасолька морщится, коротко машет рукой: брось. Ян смотрит на нее исподлобья.

— Оль. Я бы и ментов вызвал.

— Нет, — голос и лицо Фасольки вдруг становятся предельно жесткими.

— Оль, это другая история. Не Вадькина. И у нее может быть продолже...

— Никаких ментов! — таким взглядом стакан воды можно вскипятить. Ян секунду-другую выдерживает его своим встречным, потом пожимает плечами:

— Что у Вадима слышно?

— Я не хочу об этом.

Ян вскидывает ладонь: мол, хозяин — барин. Фасолька, спохватившись, смягчается:

— Прости, Янчик...

— Я понимаю.

Электрочайник, достигнув пика, вырубается.

— Я хочу зайти к Ване, — вдруг говорит Яна очень спокойно и четко. Ян смотрит на нее, на Фасольку.

Но Фасолька будто бы опять ее не слышит — обращается к Яну:

— Нет, правда — это нервы всё... Может, ты хоть чаю попьешь?

— Да не стоит, — Ян смотрит на Фасольку озадаченно; переводит непонимающий взгляд на Яну — у той резко очертились скулы, а из глаз невидимо, но ощутимо заструились вымораживающие воздух змейки.

Фасолька лезет в дээспешный шкафчик.

— И водки немного есть, — информирует, добывая ополовиненную флягу беленькой. Ян молчит, морщась и хмурясь.

— Ольга Тарасовна, — голос Яны на грани срыва или взрыва. — Я вас чем-то обидела?

— Не хочешь? А я немножко выпью. И к Ванечке пойду, — Фасолька опять обращается к Яну, Яне — не отвечая и даже на нее не глядя. Набулькивает себе водки в стаканчик; видно, что рука ее дрожит. — Спасибо тебе, Янчик, ты вообще просто заходи в любое время, поговорим хоть нормально, не как шас...

Вливает в себя водку.

Ян встает.

— Оля... — ровно. — Почему ты делаешь вид, что Яны здесь нет?

— Кого? — голос Фасольки тоже ровен. Она ставит стаканчик в раковину.

— Яны. Левашовой, — Ян, терпеливо. — Это дочь твоей одноклассницы. Подруга твоего сына. Между прочим, она за него только что дралась, не убежала — я сам видел... Вот она сидит, — указывает пальцем на побледневшую, помертвевшую Яну. — Почему ты себя ведешь, как будто ее не существует?

Фасолька так и не поворачивает к Яне головы, не касается ее взглядом. После короткой паузы, без выражения:

— Для меня, Янчик, всей их семьи проклятой больше не существует.

ЭНСК — СКВЕР, НАБЕРЕЖНАЯ, УЛИЦА ВОЗЛЕ ЛИЦЕЯ. ВЕЧЕР

...Набухает, лоснится капля — оформляется в крупный, чистый страз. Два страза, синхронно — на густых ресницах Яны. Веки ее крепко сведены, и все равно просачивается предательская влага, наливается, округляется, теряет форму, скатывается по проторенным влажным дорожкам — вниз по лишенному выражения, обесточенному красивому лицу. Просачивается снова...

— Тезка, вы в порядке? — голос Яны.

Яна быстро отирает лицо тыльной стороной ладони, распахивает влажные глаза, оборачивается, наскоро улыбается:

— Ага.

Яна стоит на набережной Большой Воды, крепко-крепко вцепившись в перила. Желтоватый, мутноватый, будто плексигласовый колпак света накрывает ее сверху — брошенный одним из фонарей, что стоят цепочкой вдоль набережной. На плечи Яны накинута куртка Яны. Сам Ян, в рубашке, быстро подходит: в одной руке пластиковый стаканчик, обмотанный салфетками, в другой — початая крохотная, стограммовая бутылочка с карей жидкостью. Стаканчик он протягивает Яне:

— Пейте.

— Что это? — перенимает стаканчик, нюхает.

— Тут, — Ян демонстрирует пузырек, — коньяк. Тут... — показывает на стаканчик, — горячее молоко с сахаром. Вместе называется чай по-архиерейски.

— Вообще я... не пью...

— Вообще правильно делаете. Но конкретно сейчас — пейте.

Яна смотрит на Яна с сомнением. Потом осторожно пробует. И еще.

— Вкусно.

— Еще бы не вкусно. Миллионы монахов не могут ошибаться.

Яна делает еще глоток.

— Давайте залпом, — Ян, свинтивший крышечку пузырька, сам делает микроглоток чистого коньяку. Яна вливает в себя теплое хмельное пойло. Ян странным — болезненно-нежным, будто у вампира-толстовца — взглядом смотрит на ее тонкую длинную шею под запрокинутым подбородком. Яна допивает, прислушивается к себе.

— Ну что? Отпустило немножко? — Ян, снова корректный, старший, застегнутый на все виртуальные пуговицы.

— Да... Наверное... — Яна, быстро улыбнувшись, косится на учителя, переводит взгляд на Большую Воду; замирает; впитывает вид молча, как впервые.

Вид — уже вполне ночной — темен, темнота ворует у мира размер, делая его разом непроглядным и необозримым. На черную, латексную воду брошены, раскатаны от Того Берега до Этого зыбкие штрихованные рулоны разноцветного света — и когда налетает быстрый сумбурный ветер и треплет белесые вихры акватории, кажется, что это не электрические огни намазаны на зыбь гавани — а изнутри ее, из глубин, сияет тайный свет залегшего на дно Китежа. Ветер разогнал дневные слоистые облака, метет остатки — меж редких ватных ошметьев зудит мелкая и частая, пубертатная звездная сыпь. От труб ТЭЦ тянется за облаками и не успевает косою желтушный дым. Над трубами НПЗ стоят, как башни, призрачные факелы. Колеблется, сокращаясь и растягиваясь, ожерелье огней Того Берега, скупое и функционально высвечен порт, переливается брошь бизнес-центра (несколько претенциозных стеклянных кубиков), меж двух тусклых фабричных термитников — черный-пречерный пробел пустыря, так и не ставшего кузницей атомных суперторпед.

— Как красиво, оказывается, — Яна, совсем тихо.

Ян — глядевший на Яну сбоку — пожимает плечами:

— Красиво, — шагает к перилам рядом с Яной.

— Знаете... у меня за этот последний год... как папу... посадили... такое чувство, что половина людей вокруг... не просто изменились — а... Как будто из них жерди какие-то полезли... как в фильме ужасов... как будто они, не знаю... оборотни. Вот был только что человек — а тут бац, и башка волчья... и слюни с клыков капают... — вдруг нервно хихикает. — Ну или это типа я оборотень. Перекинулась — а они меня от испуга вилами фигачат. Или убегают с воплями. Типа я прокаженная... — снова хихикает. — Зашквар чебурашки... — поднимает странно мерцающий взгляд на Яна. — Вы, наверно, не понимаете вообще, про что я...

Ян грустно кривит рот.

— Ян Иваныч, люди разве меняются... ну, вот так вот — вдруг?

Ян — после паузы, не глядя на Яну:

— Я вообще не думаю, что люди меняются.

— Тогда что — они все раньше притворялись? Сейчас притворяются?..

Несколько секунд идут молча.

— Яна, вы же термин «темная материя», наверно, слышали? — Ян, вдруг, почти деловито.

— Ну да.

— Физики вот доносят — Вселенная из нее состоит то ли на две трети, то ли на три четверти. Только мы ее не видим — ни глазами, ни... — Ян прищелкивает пальцами: ищет слово: — ...локаторами... никакими. В принципе не воспринимаем. Как бы ее нет. А она есть. Ее тут... — обводит окрестности руками, — ...вообще большинство... — смотрит на Яну искоса. — Люди — такие же. Состоят из темной материи в основном. Что в нормальных обстоятельствах — никак не проявляется. А потом... — взмахивает руками, — бабах. Большой взрыв. Экстремальная ситуация. Человек оказывается под высоким давлением. Вдруг. И вся эта темная, неведомая масса — тут-то из него и вылезает... — умолкает; после паузы: — Короче, не берите в голову.

— Почему вылезает одно дерьмо? — Яна, стеклянным голосом. — Почему не хорошее что-нибудь?

— Хорошее тоже, — Ян устало пожимает плечами; из него словно пар вышел; становится видно, что ему в рубашке холодно. — Просто редко. Хорошее, Ян, как правило, не прячут... Так что — это нормально.

— Вас слушаешь — вообще всё нормально. Вот по человеку же вообще невозможно заранее понять, что из него вылезет... Это тоже нормально?..

Ян — тускло:

— Да человек ведь обычно и сам не знает.

Опять шагают молча — в ближней перспективе аллеи уже видна освещенная улица, большие дома...

— Как-то у вас жутко выходит, — говорит вдруг Яна. — Из кого угодно может вылезти что угодно. А он типа даже не виноват.

— Почему — жутко? По-моему, наоборот... обнадеживает... Настоящих прирожденных злодеев — ничтожное меньшинство. Не больше, чем настоящих святых. А остальных просто не надо ставить в экстремальную ситуацию. Под давление. И будут люди как люди.